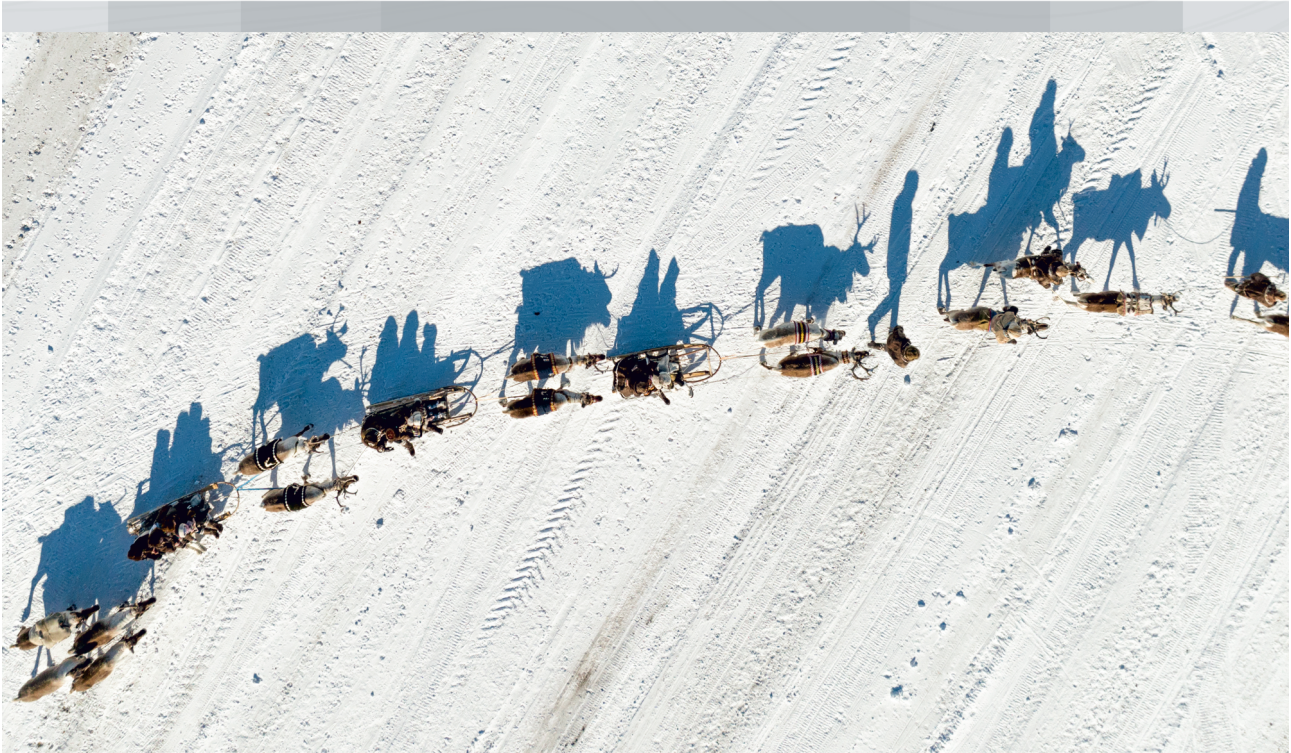

ARCTIC XXI CENTURY

АРКТИКА XXI ВЕК

TOM VOL. **14** № No **2/** 2026

АВТОР ФОТОГРАФИИ: ТИМОФЕЕВА А.

АВТОР ФОТОГРАФИИ: ОЛЯ ФОКС

АВТОР ФОТОГРАФИИ: ОЛЯ ФОКС

АВТОР ФОТОГРАФИИ: КИРИЛИН В.

АВТОР ФОТОГРАФИИ: ТИМОФЕЕВА А.

АВТОР ФОТОГРАФИИ: ОНУФРИЕВА К.П.

АВТОР ФОТОГРАФИИ: ПРОТОПОЛОВА Е.

Научный журнал

Периодическое издание

Издается с 2013 года

До 16.09.2024 года журнал издавался под названием «Арктика XXI век. Гуманитарные науки»

Периодичность: 4 раза в год

Тираж: 25 экз., распространяется бесплатно

DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378>

Арктика XXI век – периодический рецензируемый журнал, посвященный актуальным проблемам изучения языков народов Севера и Арктики. Журнал публикует оригинальные научные исследования мирового уровня, отражающие современные тенденции в лингвистике и смежных дисциплинах.

Миссия журнала – содействие развитию и популяризации исследований, а также освещение ключевых достижений мировой науки в области возрождения, сохранения и развития языков народов Севера и Арктики.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

С 2025 года журнал публикует новейшие результаты междисциплинарных исследований российских и зарубежных ученых. Тематика охватывает широкий спектр областей, включая историю языка, лингвистическую палеонтологию, лингвистическую экологию, социолингвистику, антропологическую лингвистику, когнитивную лингвистику, ономастиологию, лингвогеографию и другие смежные дисциплины.

Целевая аудитория: научные работники, преподаватели вузов, аспиранты, магистранты и соискатели ученых степеней доктора и кандидата наук, а также российские и зарубежные ученые.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Н. В. Малышева*, д.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия

Заместитель главного редактора: *Л. С. Заморицкова*, к.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия

Ответственный секретарь: *А. В. Тимофеева*, СВФУ, Якутск, Россия

Члены редакционной коллегии:

Л. Гренобль, Ph.D., Университет Чикаго, Чикаго, США; *Ч. Месарош*, Ph.D., Институт этнологии, Будапешт, Венгрия; *Я. Эфендиев*, Ph.D., Техасский университет, Техас, США; *М. Ууганбаяр*, Ph.D., Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия; *Т. Загарпэрэнлэй*, Ph.D., Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия; *С. Ж. Тажибаева*, д.филол.н., Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан; *А. М. Фазылжан*, к.филол.н., Институт языкознания им. А. Байтурсынова, Алматы, Казахстан; *К. К. Уметов*, к.филол.н., Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызстан; *С. А. Мызников*, д.филол.н., член-корреспондент РАН, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; *А. Н. Биткеева*, д.филол.н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия; *Д. А. Функ*, д.ист.н., Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; *Н. Б. Кошкарева*, д.филол.н., Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия; *А. А. Петров*, д.филол.н., РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; *Н. И. Данилова*, д.филол.н., ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *О. А. Мельничук*, д.филол.н., Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия; *В. Ю. Гусев*, к.филол.н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия; *В. Г. Белолобская*, к.филол.н., Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия; *А. А. Ярзуткина*, к.ист.н., Чукотский филиал СВФУ, Анадырь, Россия

ISSN: 3034-7378 (печатная версия), 3034-7386 (онлайн-версия)

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677013, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 27, кабинет 508

Тел./факс: +7 (4112) 40-38-75

Сайт <https://www.arcticjournal.ru>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-88190 от 16 сентября 2024 г.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Academic periodical

Published since 2013

Until 16.09.2024 the Journal was published under the name «Arctic XXI century. Humanitarian sciences»

Publication frequency: 4 times a year

Circulation: 25 copies, free distribution

DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378>

Arctic XXI Century is a peer-reviewed periodical focusing on current issues in the study of languages of the peoples of the North and the Arctic. The Journal publishes high-quality original research reflecting contemporary trends in linguistics and related disciplines.

The Journal's mission is to promote and advance scholarly research while spotlighting significant global progress in the revitalization, preservation, and development of Northern and Arctic Indigenous languages.

The periodical is included into the system of Russian Index of Science Citation (RISC).

Since 2025, the Journal has been publishing the latest findings from interdisciplinary research conducted by Russian and international scholars. Its scope covers a wide array of fields, including historical linguistics, linguistic paleontology, ecolinguistics, sociolinguistics, anthropological linguistics, cognitive linguistics, onomasiology, linguistic geography, and other related disciplines.

The Journal serves researchers, university professors, postgraduate students (Ph.D. candidates), master's students, and scholars pursuing doctoral (Dr. hab.) and candidate of sciences (Ph.D.) degrees, as well as the broader Russian and international scientific community.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *Ninel V. Malysheva*, Dr. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia

Deputy Editor-in-Chief: *Liudmila S. Zamorshchikova*, Cand. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia

Executive editor: *Aitalina V. Timofeeva*, NEFU, Yakutsk, Russia

Lenore Grenoble, Ph.D., University of Chicago, Chicago, USA; *Csaba Mészáros*, Ph.D., Institute of Ethnology, Budapest, Hungary; *Yalchin Efendiev*, Ph.D., Texas A&M University, Texas, USA; *Myagmarsuren Uuganbayar*, Ph.D., National University of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia; *Tumenbayar Zagarperenley*, Ph.D., National University of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia; *Saule Zh. Tazhibaeva*, Dr. Sci. (Philol.), L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; *Anar M. Fazylzhan*, Cand. Sci. (Philol.), Institute of Linguistics named after A. Baitursunuly, Almaty, Kazakhstan; *Kenzhebay K. Umetov*, Cand. Sci. (Philol.), Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan; *Sergey A. Myznikov*, Dr. Sci. (Philol.), corresponding member of the Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia; *Aysa N. Bitkeeva*, Dr. Sci. (Philol.), Institute for Linguistic Studies of the RAS, Moscow, Russia; *Dmitriy A. Funk*, Dr. Sci. (Hist.), Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; *Natalia B. Koshkareva*, Dr. Sci. (Philol.), Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russia; *Aleksandr A. Petrov*, Dr. Sci. (Philol.), Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia; *Nadezhda I. Danilova*, Dr. Sci. (Philol.), IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *Olga A. Melnichuk*, Dr. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia; *Valentin Yu. Gusev*, Cand. Sci. (Philol.), Institute for Linguistic Studies of the RAS, Moscow, Russia; *Varvara G. Belolyubskaya*, Cand. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia; *Anastasia A. Yarzutkina*, Cand. Sci. (Hist.), Chukotka branch of NEFU, Anadyr, Russia

ISSN: 3034-7378 (Print), 3034-7386 (Online)

The founder and publisher is the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «M.K. Ammosov North-Eastern Federal University».

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 508 office, 27 Oyunskego St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677013

Telephone/Fax: +7 (4112) 40-38-75

Website <https://www.arcticjournal.ru>

Accreditation certificate ПИ № ФЧ77-88190 on September, 16, 2024 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Байыр-оол А. В.</i> О сравнительном значении слова <i>олчаан</i> ‘точь-в-точь’, ‘точно такой же, как’ в тувинском языке	5
<i>Болотаева О. Л., Дедык К. И.</i> Корякские сказки об Эмэмкуте <i>И. Баранникова:</i> фольклорная этика и формирование ценностных представлений	22
<i>Давыдов В. Н.</i> Архитектура доместикации эвенкийских оленеводов: материальность и отношения человека и животного (на англ.)	36
<i>Иванова Р. П., Аймолдина А. А.</i> Сенсорные приоритеты в арктической среде: экосемиотический анализ перцептивной лексики якутского языка	54
<i>Патроева Н. В., Паикова Т. В.</i> Мифологема <i>ветер</i> в верованиях карел: междисциплинарный аспект (на англ.)	74
<i>Самсонова М. В., Доржиева Г. С., Гао Ц.</i> Сравнительно-типологический анализ мотивационных признаков ойконимов Якутии и Канады: универсальные и специфические черты	86
<i>Филиппова В. В., Винокурова Л. И., Соловьева В.</i> Климатические вызовы в Арктике: системный анализ проблем, адаптационных стратегий и лингвокультурных трансформаций в локальных сообществах Якутии и Аляски	118

CONTENTS

<i>Bayyr-ool A. V.</i> On the comparative meaning of the word <i>olchaan</i> ‘exactly the same as’, ‘just like’ in the Tuvan language	5
<i>Bolotaeva O. L., Dedyk K. I.</i> Koryak tales about Ememkut by I. Barannikov: folklore ethics and the formation of value concepts	22
<i>Davydov V. N.</i> Architecture of domestication among Evenki reindeer herders: materiality and human-animal relations.....	36
<i>Ivanova R. P., Aimoldina A. A.</i> Sensory priorities in the Arctic environment: ecosemiotic analysis of perceptual vocabulary in the Yakut language	54
<i>Patroeva N. V., Pashkova T. V.</i> The mythologeme of <i>wind</i> in Karelian beliefs: an interdisciplinary aspect.....	74
<i>Samsonova M. V., Dorzhieva G. S., Gao J.</i> Motivational features of oikonyms in Yakutia and Canada: a comparative-typological study of common and specific characteristics	86
<i>Filippova V. V., Vinokurova L. I., Solovyova V.</i> Climate challenges in the Arctic: a systematic analysis of problems, adaptation strategies and linguocultural transformations of local communities in Yakutia and Alaska.....	118

УДК 811.512.156

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-5-21>

Оригинальная научная статья

О сравнительном значении слова *олчаан* 'точь-в-точь', 'точно такой же, как' в тувинском языке

А. В. Байыр-оол

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

 azikoa@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена описанию и анализу сравнительного значения многозначной лексемы *олчаан* 'точь-в-точь', 'точно такой же, как' в тувинском языке. В основе методологии исследования лежит семантический подход к сопоставительному описанию сравнительных конструкций в урало-алтайских языках Сибири, разработанный в Институте филологии СО РАН, который предполагает разграничение плана содержания (компараты, основание параметра, аспект параметра, экспонента, отношение) и плана выражения. Материалом исследования послужила выборка текстовых примеров из художественных и фольклорных произведений, а также наши субъективные наблюдения над тувинской разговорной речью. Установлено, что *олчаан* выражает симилиативные отношения, указывая на максимальную степень сходства между предметами. Выявлено, что данная лексема может выполнять функции обстоятельства, определения и, что особенно характерно, именного сказуемого. В позиции сказуемого в настоящем времени *олчаан* не принимает лично-числовых аффиксов, но сочетается с эвиденциальной утвердительной частицей *-тыр* и служебным глаголом *бол-* 'быть, становиться' для выражения временных форм. Выделены две основные разновидности конструкций: с эксплицитным и имплицитным основанием параметра сравнения. Для конструкций с данным словом характерна высокая степень контекстуальной зависимости, регулярно реализующаяся в эллипсисе предмета сравнения. Отмечена роль лексемы *кара* 'черный' как семантического усилителя, придающего сравнению экспрессивный оттенок. Делается вывод о том, что слово *олчаан* занимает особое место в системе сравнительных средств тувинского языка, совмещая функции показателя сравнения и предиката, а также участвует в формировании образности высказывания.

© Байыр-Оол А. В., 2026

Ключевые слова: тувинский язык, сравнение, сравнительная конструкция, предмет сравнения, эталон сравнения, параметр сравнения, симилятивные отношения, именное сказуемое, эксплицитное основание параметра сравнения, имплицитное основание параметра сравнения

Для цитирования: Байыр-оол А.В. О сравнительном значении слова *олчаан* ‘точь-в-точь’, ‘точно такой же, как’ в тувинском языке. *Арктика XXI век*. 2026;14(2):5–21. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-5-21>

Original article

On the comparative meaning of the word *olchaan* ‘exactly the same as’, ‘just like’ in the Tuvan language

Aziyana V. Bayyr-ool

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

 azikoa@mail.ru

Abstract

The article describes and analyzes the comparative meaning of the polysemantic lexeme *olchaan* ‘exactly the same as’, ‘just like’ in the Tuvan language. The research methodology is based on the semantic approach to the comparative description of comparative constructions in the Ural-Altaic languages of Siberia, developed at the Institute of Philology of the SB RAS. This approach distinguishes between the content plane (comparata, parameter base, parameter aspect, exponent, relation) and the expression plane. The material includes selection of examples from fiction and folklore texts, as well as the author’s subjective observations of Tuvan colloquial speech. It has been established that *olchaan* expresses similitive relations, indicating the maximum degree of similarity. This lexeme can function as an adverbial modifier, an attribute, and, most characteristically, as a nominal predicate. As a present-tense predicate, *olchaan* does not take person-number affixes but combines with the evidential affirmative particle *-tyr* and the auxiliary verb *bol-* ‘to be, to become’ to express tense forms. Two main types of constructions are identified: with an explicit and implicit basis for the comparative parameter. Constructions with this word are characterized by a high degree of contextual dependence, regularly realized in the ellipsis of the object of comparison. The lexeme *kara* ‘black’, as a semantic intensifier, gives the comparison an expressive nuance. The word *olchaan* occupies a special place in the system of comparative means in the Tuvan language, combining the functions of a comparison marker and a predicate, and participates in the formation of the figurativeness of an utterance.

Keywords: Tuvan language, comparison, comparative construction, object of comparison, standard of comparison, comparison parameter, similitive relations, nominal predicate, explicit basis of the comparison parameter, implicit basis of the comparison parameter

For citation: Bayyr-ool A.V. On the comparative meaning of the word *olchaan* ‘exactly the same as’, ‘just like’ in the Tuvan language. *Arctic XXI Century*. 2026;14(2):5–21 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-5-21>

Введение

Категория сравнения принадлежит к числу фундаментальных когнитивных категорий, находящих регулярное выражение в грамматическом строе языка. Сравнительные конструкции неоднократно изучались на материале разных тюркских языков – алтайского [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], хакасского [8], шорского [9; 10; 11; 12; 13], чалканского [14; 15], якутского [16], казахского [17; 18] и др.

В тувинском языке имеются разные способы выражения сравнения: морфологические (падежные формы и специализированные аффиксы), лексические (знаменательные и служебные слова) и синтаксические (именные и глагольные обороты). Систематическое описание этих средств было начато в работах М.И. Черемисиной и Л.А. Шаминой [19; 20; 21; 22; 23], а в последние годы дополнено исследованиями, выполненными в русле семантико-ориентированного подхода [24; 25].

Как справедливо отмечала М.И. Черемисина, определяющим компонентом сравнительной конструкции является показатель сравнения: именно его наличие превращает высказывание в компаративное [26, с. 57].

В данной работе мы используем термины и понятия, выработанные в рамках проекта Института филологии СО РАН по сопоставительному описанию сравнительных конструкций в урало-алтайских языках Сибири, относящиеся к плану содержания: CMPR1 – первый компарат (предмет сравнения); CMPR2 – второй компарат (стандарт, эталон сравнения); REL – отношение (суждение о сходстве или различии компаратов); PRM – параметр сравнения (свойства компаратов, являющиеся основанием для их сопоставления), который складывается из совокупности двух признаков: PRM.FUND – основание параметра (свойство компарата, на которое направлено внимание, например, «рост», «цвет», «форма» и т. п.), PRM.ASP – аспект параметра (конкретное качество, проявление которого оценивается, например, «высокий» / «низкий», «красный»

/ «синий» / «зеленый», «круглый» / «овальный» / «квадратный» и др.); ЕХР – экспонента (дополнительная характеристика отношения с точки зрения степени сходства или различия – «точь-в-точь», «примерно», «значительно», «на 5 см» и т. п.) [27]. «Отличием данной терминологической системы от предшествующих является ее семантический характер: в ней исчисляются смысловые компоненты, формирующие отношение сравнения, каждый из которых может быть выражен различными способами – лексическим, морфологическим, синтаксическим – или оставаться невербализованным. Таким образом, последовательно разграничивается план выражения и план содержания сравнительных конструкций» [14, с. 55], что особенно важно при анализе полифункциональных единиц.

В статье исследуется сравнительное значение многозначного слова *олчаан* в тувинском языке. В словарях тувинского языка выделяют следующие его значения и функции: '1. Очень похожий, точно такой же, как; в точь-в-точь; 2. Оставшийся без изменения. 3. нареч. с тех пор, как ...; как ..., так и' [28, с. 307–308; 29, с. 288–289].

При определении этимологии данного слова Б.И. Татаринцев приводит тоф. *ольшаңгы* 'простой, обычный, обыкновенный', 'рядовой (не начальник)', 'бесплатный', которое сопоставлялось с тув. *олчаңгы*. «Можно предположить, что по сравнению с тув. *олчаан* и *олчаңгы* у тоф. *ольшаңгы* сохранилась более старая семантика, которая в тувинском претерпела изменения вследствие сближения данных форм с указ. мест. *ол* 'тот, такой'. В результате мог произойти смысловой сдвиг типа 'простой, такой же, как все' → 'такой же, очень похожий'. Тувинский и тофаларский формы, вероятно, родственны хак. *олаңай* 'простой' (*олаңай кизилер* 'простые люди'), с которым М. Рясянен сопоставлял, в свою очередь, каз. *олак* 'неловкий, неспособный'» [29, с. 288].

Временные конструкции, формируемые при помощи *олчаан*, реализующие семантику ограничительного следования, были подробно рассмотрены Л.А. Шаминой в монографии «Временные полипредикативные конструкции тувинского языка» [30].

Сравнительные конструкции со словом *олчаан* выражают отношения эквивалентности – сходства двух предметов. Разновидность сравнительных отношений, выражаемых при помощи этого слова, мы, вслед за Н.Б. Кошкаревой и В.Н. Соловар, разграничивающих эквативные и симилятивные сравнения по типу параметра и способу его выражения (эксплицитный и имплицитный), определяем как симилятивные: «При симилятивных отношениях параметр сравнения подразумевает комплекс недифференцированных признаков, по которым устанавлива-

ется близость предметов или явлений, или же параметр ассоциируется не с конкретными объективными свойствами компаратов, а с потенциально возможной общностью их восприятия. В роли параметра может выступать некий стандарт, очевидный для языкового сообщества и поэтому не требующий вербализации. Основой симилятивных отношений является обобщенный “признак” при предметных компаратах и отвлеченный “образ действия” при событийных компаратах, понимаемые максимально широко» [31, с. 84].

Сравнительные конструкции со словом *олчаан* передают, что сравниваемые предметы в наибольшей степени подобны друг другу, и в переводе на русский язык можно выразить как ‘точь-в-точь’, ‘один в один’, ‘точно такой же, как’, ‘очень похожий’. В тувинском языке имеется устойчивое сочетание с этим словом (1): *базын олчаан кадап алыр* (букв. голову=его точь-в-точь воткнуть) ‘сильно походить лицом на кого-либо’, ‘весь в кого-либо’.

(1) ... *адазының базын олчаан кадап алган төл* [32, с. 190–191].
‘... голову отца в **точь-в-точь** воткнул’.

Материалы и методы

Материалом нашего исследования послужили примеры из художественной литературы и фольклорных текстов. К исследованию привлекались и наши субъективные наблюдения над тувинской разговорной речью. Использована комплексная методология, включающая семантический и контекстуальный анализы, а также описательный метод и метод сплошной выборки.

Результаты и обсуждение

При помощи лексемы *олчаан* выражаются симилятивные отношения между предметами, которые обладают наибольшим сходством. *Олчаан* в рассматриваемом значении употребляется для выражения предметного сравнения.

В предложении лексема *олчаан* выступает в функции обстоятельства (см. (1)), определения (см. (2)) и именного сказуемого (см. (3)).

(2) *Адазы-ла олчаан оол: көк, бопугур кызыл чаактыг, семис* [28, с. 437].

ада=зы-ла	олчаан	оол	көк
отец=POSS3g-PTCL	точь-в-точь	мальчик	синий
бопугур	кызыл	чаак=тыг	семис
пухлый	красный	щека=POSSV	толстый

‘Мальчик, очень похожий на отца: бледнолицый, с пухлыми красными щеками, толстый.’

Олчаан в функции именного сказуемого

Особенностью употребления слова *олчаан* является то, что оно одновременно, являясь показателем сравнительных отношений, занимает позицию сказуемого. Такие сравнительные конструкции представляют собой частный случай реализации пропозиции характеристики. На первый план выходит сравнение двух предметов, один из которых (предмет сравнения) занимает позицию подлежащего и выражается существительным в именительном падеже, а второй (эталон сравнения) – существительным или местоимением 3 л., ед.ч. *ол* ‘он’.

Структура подобных предложений имеет следующий вид:

$N^{CMPR1} N^{CMPR2} олчаан^{REL.SIM} (cop)$

Слово *олчаан* в функции именного сказуемого не принимает лично-числовые аффиксы. В настоящем времени глагол-связка отсутствует (см. (3), (4), (6), (7)), но оно может принимать эвиденциальную частицу *-тыр* (см. (8)). Для выражения прошедшего времени используется служебный глагол *бол* ‘быть, становиться’, который принимает лично-числовое оформление (см. (5)).

По способу выражения основания параметра различаются две разновидности – с эксплицитным и имплицитным основанием параметра сравнения.

Конструкции с эксплицитным основанием параметра сравнения

Параметр сравнения может получать эксплицитное выражение в виде существительных абстрактной и конкретной семантики, например:

(3) [Мен калчан хурең аъттыг мен] Шаанда биске ындыг аът турган чүве, өң-чүзүнү-даа, аажызы-даа, чоруу-даа ол кара олчаан [33, с. 72].

шаанда	бис=ке	ындыг	аът	тур=ган	чүве
давно	мы=DAT	такой	конь	стоять=PP	PTCL
өң-чүзүн=ү-даа		аажы=зы-даа			
цвет-масть=POSS3Sg-PTCL		нрав=POSS3Sg-PTCL			
чоруу-даа	ол	кара	олчаан		
аллюр-PTCL	он	черный	точь-в-точь		

‘[У меня есть белолобый гнедой конь] Был ведь у нас давно такой конь: масть, нрав, аллюр его точь-в-точь, как он.’

В данном предложении первым компаратом является *аът* ‘конь’, которым говорящий владел раньше. Основаниями для сравнения выступают параметры: *өң-чүзүн* ‘цвет-масть’, *аажы* ‘нрав’, *чорук* ‘аллюр’. Второй компарат, выражен местоимением 3 л. ед. ч. *ол* ‘он’, также он вычленяется из содержания предыдущего контекста *калчан хурең аът*

‘белолобый гнедой конь’, содержащий признак аспекта параметра «коричневый цвет шерсти».

{конь^{CMPR1}, цвет-масть^{PRM.FUND}, нрав^{PRM.FUND}, аллюр}
 точь-в-точь^{REL.SIM}
 {он (белолобый гнедой конь)^{CMPR2}, цвет-масть^{PRM.FUND}, нрав^{PRM.FUND},
 аллюр^{PRM.FUND}}

(4) [Ол Ойнаар-оол эжи-биле ийистер дег дөмей апарган] Идик-хеви, аажы-чаңы ол-ла олчаан [34, с. 130].

идик-хев=и	аажы-чаң=ы	ол-ла
обувь-одежда=POSS3Sg	характер-нрав=POSS3Sg	он-PTCL
олчаан		

точь-в-точь

‘[Он с другом Ойнаар-оолом, как близнецы, стали] Одежда его, характер его точь-в-точь, (как) он (друг).’

В предложении (4) на первый компарат указывает грамматический показатель личной принадлежности 3 л. ед. ч. -ы ‘его’, второй компарат – местоимение 3 л. ед. ч. *ол* ‘он’, основания параметра выражено парными словами *идик-хеп* ‘одежда’, *аажы-чаң* ‘характер’.

{(его)^{CMPR1}, одежда^{PRM.FUND}, характер^{PRM.FUND}}
 точь-в-точь^{REL.SIM}
 {он^{CMPR2}, (одежда)^{PRM.FUND}, (характер)^{PRM.FUND}}

Таким образом, типичным способом выражения предметного сравнения со словом *олчаан* является конструкция с семантикой характеристики, в которой компараты обозначаются именами существительными или местоимениями. Показатель сравнительного отношения *олчаан* прикрепляется ко второму компарату в составе сравнительного оборота и передает симулятивные отношения.

Конструкции с имплицитным основанием параметра сравнения

Параметр сравнения, на основании которого устанавливается сходство, может не получать вербального выражения, обязательными компонентами являются два имени (или словосочетания), называющие компараты.

(5) Лапчарнын бижээни Анай-кыстыы-ла олчаан болган [35, с. 27].

Лапчар=ның	бижээн=и	Анай-кыс=тыы-ла
Лапчар=GEN	писать.PP=POSS3Sg	Анай-кыс=POS-PTCL
олчаан	бол=ган	
точь-в-точь	быть=PP	

‘Написанное Лапчаром (письмо) было **точь-в-точь**, как (письмо), принадлежащее Анай-кыс.’

В примере (5) подлежащее, выраженное изафетным сочетанием *Лапчарның бижээни* ‘Лапчаром написанное’, называет предмет сравнения; эталоном сравнения является *Анай-кыстыы* (имя *Анай-кыс* в притяжательной форме *-ныы* / *-ниии...*). Основанием для сравнения является выводимый из контекста (речь идет о содержании письма), но эксплицитно не выраженный параметр «содержание»:

{написанное Лапчаром^{CMPR1}, (письмо), [содержание]^{PRM.FUND}}
 точь-в-точь^{REL.SIM}
 {(написанное) Анай-кыс^{CMPR2}, (письмо), [содержание]^{PRM.FUND}}¹

Слово *олчаан* часто встречается в сочетании с именем *кара* ‘черный’, который придает усилительный, экспрессивный оттенок его значению: ‘совершенно точно (без всяких отклонений)’, ‘совершенно такой же’. Функцию слова *кара*, которое выступает в качестве усилителя действия, признака, исследовала Э.К. Аннай [36]. Автор отмечает, что «лексема *кара* сочетается не только с именами существительными, но и более свободно вступает в связь с прилагательными и наречиями, что приводит к формированию усилительного значения, благодаря которому эта лексема выступает как средство выражения экспрессивности» [36, с. 105]. Сочетание *кара олчаан* подчеркивает абсолютность, безоговорочность сходства (см. (3), (6)).

(6) *Ол оол ирей, кадайның оглу-биле кара-ла олчаан* [34, с. 131].

ол	оол	ирей	кадай=нын
это	мальчик	старик	старушка=GEN
оглу-биле		кара-ла	олчаан
сын.POSS3Sg-INSTR		черный-PTCL	точь-в-точь

‘Этот мальчик совершенно такой же, как сын старика, старушки.’

{этот мальчик^{CMPR1}, [внешность]^{PRM.FUND}}
 точь-в-точь^{REL.SIM}

{сын старика и старушки^{CMPR2}, [внешность]^{PRM.FUND}}

В примере (6) первым компаратом является сочетание *ол оол* ‘этот мальчик’, вторым компаратом – изафетное сочетание *ирей, кадайның оглу* ‘сын старика, старушки’; основание параметра сравнения «внешность» нам известно из контекста.

¹ В подобных записях здесь и далее отражается смысловое устройство сравнительных конструкций и семантические роли компонентов. Фигурные скобки определяют границы компонентов сравнительной конструкции, в квадратные скобки заключаются эксплицитно не выраженные, регулярно отсутствующие в конструкции компоненты, которые можно восстановить на основе устойчивых ассоциаций. В круглые скобки заключаются компоненты, ситуативно отсутствующие во фразе, восстанавливаемые на основе ближайшего контекста.

— 13 —

В предложении (8) первый компарат восстанавливается по контексту: *тааккың* ‘табак=твой’; второй компарат – *кажан-на бир тыртканым* (букв. когда-то один раз курение мое) ‘точно-в-точно, как однажды я курил’; основанием параметра является «физиологическое ощущение (вкус)», аспектом параметра является субъективная оценка *эки* ‘хороший’, известная также из контекста.

$$\begin{aligned} & \{(\text{твой табак})^{\text{CMPR1}}, [\text{вкус}]^{\text{PRM.FUND}} (\text{хороший})^{\text{PRM.ASP}}\} \\ & \quad \text{ТОЧЬ-В-ТОЧЬ}^{\text{REL.SIM}} \\ & \{\text{однажды я курил}^{\text{CMPR2}}, [\text{вкус}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{хороший}]^{\text{PRM.ASP}}\} \end{aligned}$$

Лексема *олчаан* реализует значение ‘точь-в-точь’, ‘точно такой же, как’, специализируясь на выражении симилиативных отношений. Данное слово употребляется для выражения комплексного, недифференцированного подобия предметов, которое часто подразумевается или выводится из контекста. В семантической структуре слова *олчаан* имеется значение наибольшей степени сходства (‘точь-в-точь’).

Олчаан, являясь показателем сравнения, занимает позицию именного сказуемого, что нетипично для многих других средств сравнения в тюркских языках (например, послелогов или падежных форм). Она не принимает лично-числовых показателей, но грамматическое время и модальность выражаются аналитически – с помощью связки *бол-* ‘быть’ (для прошедшего времени) и эвиденциальной частицы *-тыр*.

Употребление сравнительных конструкций с *олчаан* тесно связано с контекстом. Часто первый компарат (CMPR1) подвергается эллипсису, восстановить его можно из предшествующего высказывания. Это свойство делает такие конструкции экспрессивным стилистическим средством, особенно в художественных и фольклорных текстах, где сравнение строится на образных ассоциациях.

1 – 1-е лицо деятеля (‘я’, ‘мы’)

3 – 3-е лицо деятеля ('он', 'она', 'оно', 'они')

CMPR1 – первый компарат (предмет сравнения)

CMPR2 – второй компарат (эталон, или стандарт, сравнения)

DAT – датив
EV.PTCL – эвиденциальная частица -тыр
COP – глагол-связка
GEN – генитив
INSTR – орудное значение послелога -биле
N – имя существительное
NOM – номинатив
POS – притяжательная форма -ныы / -нии
POSS – посессивный (лично-притяжательный) аффикс
POSSV – показатель обладания
PP – причастная форма
PrP – форма причастия -ар
PRM – параметр сравнения
PRM.FUND – основание параметра
PRM.ASP – аспект параметра
PrP – причастие настоящего-будущего времени на -ар
PTCL – частица
REL – показатель сравнительных отношений
REL.SIM – симулятивное отношение
Sg – единственное число
ед. ч. – единственное число
л. – лицо
тоф. – тофаларский язык
тув. – тувинский язык
хак. – хакасский
каз. – казахский

Литература

1. Тыбыкова Л.Н. Способы выражения сравнения в алтайском языке. *Вопросы алтайского языкознания*. 1988;111–127.
2. Тыбыкова Л.Н. *Сравнительные конструкции алтайского языка*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата. 1989.
3. Озонова А.А. Способы выражения сравнения в алтайском эпосе (на материале эпоса «Очы-Бала»). *Эпосоведение*. 2023;(3):42–55. DOI: <https://www.doi.org/10.25587/2782-4861-2023-3-42-55>
4. Озонова А.А. Сравнительная полипредикативная конструкция с послелогом *чылап* / *чилеп* ‘как, как будто’ в алтайском языке. *Сибирский филологический журнал*. 2023;(4):260–271. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/85/19>

5. Озонава А.А., Тыбыкова Л.Н. Сравнительный аффикс *-ДЫй* и модально-сравнительные показатели, образованные на его основе (на материале алтайского языка). *Сибирский филологический журнал*. 2024;(3):29–46. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/88/2>

6. Озонава А.А. Эквативно-симилятивные конструкции с именным предикатом *түнней* ‘похожий, одинаковый’ в алтайском языке. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2024;3(48):193–204. DOI: <https://www.doi.org/10.25693/SVGV.2024.48.3.017>

7. Тазранова А.Р. Семантика именных компаративных конструкций с лексемой *ошкош* ‘как, подобно, похоже’ в алтайском языке. *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2024;4(52):82–97. DOI: <https://www.doi.org/10.25205/2312-6337-2024-4-82-97>

8. Султрекова (Кыржинакова) Э.В. *Сравнительные конструкции хакасского языка*. Абакан: Хакас. кн. изд-во. 2017.

9. Невская И.А. Спорные вопросы алтайской грамматики: о статусе формы на *-ДЫй* в алтайском литературном языке. *Российская тюркология*. 2016;1(14):3–15.

10. Невская И.А., Тажибаева С.Ж. Исследование сравнительных конструкций в тюркских языках (сравнительно-сопоставительный аспект). *Предложение как единица языка и речи: Материалы Всерос. науч. симпозиума с международным участием*. Новосибирск: Академиздат. 2019:183–187.

11. Невская И.А. Типологические особенности шорских эквативных и симилятивных конструкций. *Сибирский филологический журнал*. 2022;(4):286–299. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/81/22>

12. Шенцова И.В. Прагматика компаративных конструкций в эпических текстах тюрков Саяно-Алтая. *Критика и семиотика*. 2022;(2):151–173. DOI: <https://www.doi.org/10.25205/2307-1737-2022-2-158-173>

13. Шенцова И.В. Семантика и функции шорских маркеров подобия в сфере компаративности. *Сибирский филологический журнал*. 2024;(1):192–207. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/86/14>

14. Федина Н.Н., Кошкарева Н.Б. Редукция как механизм варьирования сравнительных аналитико-синтетических полипредикативных конструкций с послелогом *шылап // шылап // шынап* ‘как, как будто’ в чалканском языке. *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2023;2(46):53–64. DOI: <https://www.doi.org/10.25205/2312-6337-2023-2-53-64>

15. Федина Н.Н., Кошкарева Н.Б., Плотников И.М. Сравнительные конструкции с полифункциональной лексемой *уш* ‘как; такой же’ как средство формирования образности в чалканском фольклоре. *Эпосоведение*. 2023;(4):62–75. DOI: <https://www.doi.org/10.25587/2782-4861-2023-4-62-75>

16. Васильев Ю.И. *Способы выражения сравнения в якутском языке*. Новосибирск: Наука. 1986.
17. Ескельдиева Б.Е. Эквативные и симилиативные типы – отношения равенства в языках разных систем. *Вестник ЕНУ им. Л. Н. Гумилева*. 2016;1(110):220–225.
18. Тажибаева С.Ж., Невская И.А., Дыбо А.В. Грамматический статус синтетического показателя сравнения *-Дай* в казахском языке. *Сибирский филологический журнал*. 2024;(3):1–28. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/88/1>
19. Черемисина М.И., Шамина Л.А. Выражение сравнения в тувинском языке. *Языки коренных народов Сибири*. 1996;(3):65–84.
20. Шамина Л.А. Тувинское служебное слово *дег*: статус и функции. *Системность на разных уровнях языка*. 1990:126–141.
21. Шамина Л.А. Способы выражения сравнительно-сопоставительных отношений в тюркских языках Южной Сибири. *Материалы Международной научной конференции 25–27 сентября 2008 г. «Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России»*. Абакан. 2008:184–187.
22. Шамина Л.А. Модус-диктумные сравнительные бипредикативные конструкции в тувинском языке. *Сибирский филологический журнал*. 2014;(2):189–200.
23. Шамина Л.А. Стратегия маркирования компаративной лексики в тувинских текстах. *Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки*. 2022;1(88):35–46. DOI: <https://www.doi.org/10.24411/2221-0458-2022-88-35-46>
24. Шамина Л.А., Байыр-оол А.В. Модально-компаративные конструкции с семантикой кажимости в тувинском языке. *Сибирский филологический журнал*. 2024;(3):47–62. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/88/3>
25. Байыр-оол А.В. О сравнительной функции частицы *-ла // -ле* в тувинском языке. *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2025;3(55):147–162. DOI: <https://www.doi.org/10.25205/2312-6337-2025-3-147-162>
26. Черемисина М.И. *Некоторые вопросы синтаксиса. Сравнительные конструкции русского языка*. Новосибирск: НГУ. 1971.
27. Кошкарева Н.Б., Плотников И.М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака. *Критика и семиотика*. 2023;(2):180–216. DOI: <https://www.doi.org/10.25205/2307-1753-2023-2-180-216>
28. *Толковый словарь тувинского языка* / ред. Д.А. Монгуш. Т. 2: К – С. Новосибирск: Наука. 2011.
29. *Этимологический словарь тувинского языка* / ред. Д.А. Монгуш. Т. 4. Новосибирск: Наука. 2008.

30. Шамина Л.А. *Временные полипредикативные конструкции тувинского языка*. Новосибирск: Наука. 1987.

31. Кошкарева Н.Б., Соловар В.Н. Компаративные конструкции с семантикой эквивалентности в мансийском языке. *Сибирский филологический журнал*. 2024;(3):80–94. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/88/5>

32. Танова Е.Т. *Кара-Бай*. Кызыл: ТывНУЧ. 2008 (на тув.).

33. Сүрүң-оол С.С. *Ак-Төш*. Кызыл: ТывНУЧ. 1984 (на тув.).

34. Байсалова З.С. *Сурас*. Кызыл: ТывНУЧ. 1997 (на тув.).

35. Кудажи К-Э.К. *Ыржым булуң*. Кызыл: ТывНУЧ. 1965 (на тув.)

36. Аннай Э.К. Лексемы *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *кызыл* ‘красный’ как экспрессивные средства в тувинском языке. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2016;15(9):93–111.

37. Кудажи К-Э.К. *Чогаалдар чыындызы*. 2 т. Кызыл: ТывНУЧ. 1994 (на тув.).

38. Серен-оол В.С. *Сөөскеннер чечектелип турда*. Кызыл: ТывНУЧ. 1995 (на тув.).

References

1. Tybykova LN. Ways of expressing comparison in the Altai language. *Questions of Altai linguistics*. 1988:111–127 (in Russian).

2. Tybykova LN. *Comparative constructions of the Altai language*. Abstract of Candidate’s. dissertation. Alma-Ata. 1989 (in Russian).

3. Ozonova AA. Ways of expressing comparison in the Altai epic (based on the material of the epic “Ochy-Bala”). *Epic studies*. 2023;(3):42–55. DOI: <https://www.doi.org/10.25587/2782-4861-2023-3-42-55> (in Russian).

4. Ozonova AA. Comparative polypredicative construction with the postposition *chylap* / *chilep* (as if) in the Altai language. *Siberian Journal of Philology*. 2023;(4):260–271. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/85/19> (in Russian).

5. Ozonova AA, Tybykova LN. Comparative affix *-DYy* and modal-comparative markers derived from this affix (a case study of the Altai language). *Siberian Journal of Philology*. 2024;(3):29–46. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/88/2> (in Russian).

6. Ozonova AA. Equative-simulative constructions with the nominal predicate *tüney* ‘similar, identical’ in Altai language. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2024;3(48):193–204. DOI: <https://www.doi.org/10.25693/SVG.2024.48.3.017> (in Russian).

7. Tazranova AR. Semantics of nominal comparative constructions with the lexeme *oshkosh* “as, like, seems” in the Altai language. *Languages*

and *Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024;4(52):82–97. DOI: <https://www.doi.org/10.25205/2312-6337-2024-4-82-97> (in Russian).

8. Sultrekova (Kyrzhinakova) EV. *Comparative constructions of the Khakass language*. Abakan: Khakas. kn. izd. 2017 (in Russian).

9. Nevskaya IA. Disputable issues of Altaic grammar: on the status of the *-DYi* form in the Altaic literary language. *Russian Turkology*. 2016;1(14):3–15 (in Russian).

10. Nevskaya IA, Tazhibaeva SZh. Study of comparative constructions in Turkic languages (comparative aspect). *Proposition as a unit of language and speech: Proceedings of the All-Russian scientific symposium with international participation*. Novosibirsk: Akademizdat. 2019:183–187 (in Russian).

11. Nevskaya IA. Typological features of Shor equative and similitive constructions. *Siberian Journal of Philology*. 2022;(4):286–299. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/81/22> (in Russian).

12. Shentsova IV. Pragmatics of comparative constructions in the Epic texts of the Sayano-Altai Turks. *Critique and Semiotics*. 2022;(2):151–173. DOI: <https://www.doi.org/10.25205/2307-1737-2022-2-158-173> (in Russian).

13. Shentsova IV. Semantics and functions of Shore similarity markers in the field of comparativity. *Siberian Journal of Philology*. 2024;(1):192–207. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/86/14> (in Russian).

14. Fedina NN, Koshkareva NB. Reduction as a mechanism of variation of comparative analytical-synthetic polypredicative constructions with the postposition *shylap/shylap/shynap* (as if) in the Chalkan language. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2023;2(46):53–64. DOI: <https://www.doi.org/10.25205/2312-6337-2023-2-53-64> (in Russian).

15. Fedina NN, Koshkareva NB, Plotnikov IM. Comparative constructions with the multifunctional lexeme *ush* ‘as; the same as’ as a means of forming figurativeness in Chalkan folklore. *Epic studies*. 2023;(4):62–75. DOI: <https://www.doi.org/10.25587/2782-4861-2023-4-62-75> (in Russian).

16. Vasilyev YuI. *Ways of expressing comparison in the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka. 1986 (in Russian).

17. Eskeldieva BE. Equative and similitive types – equality relations in languages of different systems. *Bulletin of the LN. Gumilyov Eurasian National University*. 2016;1(110):220–225 (in Russian).

18. Tazhibaeva SZh, Nevskaya IA, Dybo AV. Grammatical status of the synthetic comparative indicator *-DAi* in the Kazakh language. *Siberian Journal of Philology*. 2024;(3):12–28. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/88/1> (in Russian).

19. Cheremisina MI, Shamina LA. Expression of comparison in the Tuvan language. *Languages of the indigenous peoples of Siberia*. 1996;(3):65–84 (in Russian).

20. Shamina LA. Tuvan service word *deg*: status and functions. *Consistency at different levels of the language*, 1990:126–141 (in Russian).

21. Shamina LA. Ways of expressing comparative relations in the Turkic languages of Southern Siberia. *The development of the languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia in a changing Russia: Proceedings of the International Scientific Conference on September 25–27, 2008*. Abakan. 2008:184–187 (in Russian).

22. Shamina LA. Modus dictum comparative bipredicative constructions in the Tuvan language. *Siberian Journal of Philology*. 2014;(2):189–200 (in Russian).

23. Shamina LA. The strategy of marking comparative vocabulary in Tuvan texts. *Vestnik of Tuvan State University. Social sciences and humanities*. 2022;1(88):35–46. DOI: <https://www.doi.org/10.24411/2221-0458-2022-88-35-46> (in Russian).

24. Shamina LA, Bayyr-ool AV. Modal-comparative constructions with the semantics of fate in the Tuvan language. *Siberian Journal of Philology*. 2024;(3):47–62. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/88/3> (in Russian).

25. Bayyr-ool AV. On the comparative function of the particle *-la* (*-le*) in the Tuvan language. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2025;3(55):147–162. DOI: <https://www.doi.org/10.25205/2312-6337-2025-3-147-162> (in Russian).

26. Cheremisina MI. *Some questions of syntax. Comparative constructions of the Russian language*. Novosibirsk: NSU. 1971 (in Russian).

27. Koshkareva NB, Plotnikov IM. Metalingistic representation of the semantics of comparison as a linguistic sign. *Critique and Semiotics*. 2023;(2):180–216. DOI: <https://www.doi.org/10.25205/2307-1753-2023-2-180-216> (in Russian).

28. *Explanatory dictionary of the Tuvan language* / ed. DA. Mongush. Vol. 2: K–S. Novosibirsk: Nauka. 2011 (in Tuvan and Russian).

29. *Etymological Dictionary of the Tuvan Language* / ed. DA. Mongush. Vol. 4. Novosibirsk: Nauka. 2008 (in Tuvan and Russian).

30. Shamina LA. *Temporary polypredicative constructions of the Tuvan language*. Novosibirsk: Nauka. 1987 (in Russian).

31. Koshkareva NB, Solovar VN. Comparative constructions with the semantics of equivalence in the Mansi language. *Siberian Journal of Philology*. 2024;(3):80–94. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/88/5> (in Russian).

32. Tanova ET. *Kara-Bay*. Kyzyl: Tuvan Book Publishing House. 2008 (in Tuvan).

33. Surung-ool SS. *White-chested*. Kyzyl: Tuvan Book Publishing House. 1984 (in Tuvan).

34. Baysalova ZS. *Suras*. Kyzyl: Tuvan Book Publishing House. 1997 (in Tuvan).

35. Kudazhy K-EK. *Quiet spot*. Kyzyl: Tuvan Book Publishing House. 1965 (in Tuvan).

36. Annay EK. Lexemes *kara* ‘black’, *kok* ‘blue’, *kyzyl* ‘red’ as expressive means in the Tuvan language. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2016;15(9):93–111 (in Russian).

37. Kudazhy K-EK. *Collected Works*. Vol. 2. Kyzyl: Tuvan Book Publishing House. 1994 (in Tuvan).

38. Seren-ool VS. *When meadowsweet blossoms*. Kyzyl: Tuvan Book Publishing House. 1995 (in Tuvan).

Об авторе

БАЙЫР-ООЛ Азияна Витальевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, сектор языков народов Сибири, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2844-2700>, WoS ResearcherID: U-3573-2019, Scopus Author ID: 57198794957, Elibrary AuthorID: 538739, SPIN: 5333-6626, e-mail: azikoa@mail.ru

About the author

Aziyana V. BAYYR-OOL – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2844-2700>, WoS ResearcherID: U-3573-2019, Scopus Author ID: 57198794957, Elibrary AuthorID: 538739, SPIN: 5333-6626, e-mail: azikoa@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 28.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 04.05.2026

Принята к публикации / Accepted 11.05.2026

УДК 821.551.3; 398.22; 37.017.92

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-22-35>

Оригинальная научная статья

Корякские сказки об Эмэмкуте И. Баранникова: фольклорная этика и формирование ценностных представлений

О. Л. Болотаева¹ , К. И. Дедык¹

¹ Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

 e-mail: obolotaeva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена литературно-образовательному потенциалу сказок об Эмэмкуте, записанных И.Т. Баранниковым, в контексте преподавания корякской литературы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения языкового и культурного наследия коряков, усиления этнокультурного компонента в образовательной деятельности и поиска учебных материалов, способствующих формированию устойчивых ценностных ориентиров через родную литературу. В условиях глобализации и унификации образовательных стандартов возрастает значимость фольклорных текстов как механизма трансляции этнических ценностей и сохранения культурной идентичности. Цель работы заключается в выявлении ценностного содержания сказочного цикла об Эмэмкуте и анализе методических подходов к их интерпретации в школьном литературном образовании. Материалом исследования послужили тексты сказок об Эмэмкуте, научные труды по корякскому фольклору, языку и культуре, а также учебно-методические материалы по преподаванию корякского языка и литературы. В работе применялись культурно-исторический, этнофилологический, контекстуальный и методический подходы, что позволяет рассматривать сказки об Эмэмкуте как художественные тексты и как источники этнокультурной информации, фиксирующие ценностные ориентиры и поведенческие модели традиционного общества. В результате исследования выявлено, что образ Эмэмкута раскрывает систему традиционных норм и представлений: уважение к старшим, семейную ответственность, верность, взаимопомощь, трудолюбие, осторожность в отношениях с природным и сверхъестественным миром, осуждение жадности, легкомыслия и нарушения запретов. Показано, что наиболее продуктивными формами работы являются урок-биография, аналитическая

© Болотаева О. Л., Дедык К. И., 2026

беседа, проблемно-ценностное обсуждение, чтение по ролям, инсценировка, билингвальная работа с текстом, ментальная карта и проектные задания, нацеленные на сопоставление фольклорных мотивов с культурным опытом учащихся. Сделан вывод о том, что сказки об Эмэмкуте могут рассматриваться как объект литературного анализа и способ этнокультурного и ценностного воспитания в процессе изучения родного языка и культуры корякского народа.

Ключевые слова: корякский фольклор, корякский язык, корякская литература, И.Т. Баранников, Эмэмкут, ценностные ориентации, этнокультурное воспитание, родная литература, культурная идентичность, этнопедагогика

Для цитирования: Болотаева О.Л., Дедык К.И. Корякские сказки об Эмэмкуте И. Баранникова: фольклорная этика и формирование ценностных представлений. *Арктика XXI век*. 2026;14(2):22–35. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-22-35>

Original article

Koryak tales about Ememkut by I. Barannikov: folklore ethics and the formation of value concepts

Olesya L. Bolotaeva¹ , **Kristina I. Dedyk¹**

¹Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

 e-mail: obolotaeva@mail.ru

Abstract

The article examines the literary and educational potential of the tales about Ememkut, recorded by I. T. Barannikov, in the context of teaching Koryak literature. The relevance of the study is determined by the need to preserve the linguistic and cultural heritage of the Koryak people, strengthen the ethno-cultural component of education, and identify materials that support the formation of value orientations through native literature. The aim of the study is to identify the value content of the fairy-tale cycle about Ememkut and to analyze methodological approaches to its interpretation in school literary education. The research material includes tales about Ememkut, scholarly works on Koryak folklore, language and culture, and teaching materials on Koryak language and literature. The study employs cultural-historical, ethnophilological, contextual, and methodological approaches, which make it possible to consider the tales both as literary texts and as sources of ethno-cultural information reflecting traditional behavioral models. The analysis shows that the image of Ememkut embodies key norms and values: respect for elders, family responsibility, loyalty, mutual assistance, diligence, caution in relations with the natural and supernatural world, and condemnation of greed, frivolity, and

violations of prohibitions. The most productive teaching forms include a biography-based lesson, analytical and problem-value discussion, role-reading, dramatization, bilingual text work, mind maps, and project assignments. The tales about Ememkut are therefore interpreted as a resource for literary analysis, ethno-cultural education, and value-oriented teaching.

Keywords: Koryak folklore, Koryak language, Koryak literature, I.T. Barannikov, Ememkut, value concepts, ethno-cultural education, native literature, cultural identity, ethnopedagogy

For citation: Bolotaeva O.L., Dedyk K.I. Koryak tales about Ememkut by I. Barannikov: folklore ethics and the formation of value concepts. *Arctic XXI Century*. 2026;14(2): 22–35 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-22-35>

Введение

Корякская литература формировалась в тесной связи с устной традицией, что обуславливает обращение к фольклорным текстам при изучении родной литературы как к источнику, имеющему не только историко-литературное, но и культурно-мировоззренческое значение. До появления письменности фольклор выполнял функции коллективной памяти, аккумулируя представления о происхождении мира, отношениях человека с природой, нормах поведения в семье и общине.

Научное описание корякского фольклора восходит к исследованиям, в которых фиксировались язык, сюжеты и жанровая система устной словесности коряков. В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз заложили основу полевой записи и первичной классификации корякских текстов, обосновав значимость вороньего цикла и сказочных сюжетов для понимания традиционного мировоззрения [1; 2]. С.Н. Стебницкий рассматривал корякский язык и фольклор в единстве с материальной и духовной культурой, акцентируя связь работы с фольклорным материалом с развитием письменности и школьного обучения [3]. Лингвистические исследования А.Н. Жуковой позволяют рассматривать корякские тексты как источник сведений о структуре языка, диалектных особенностях и культурной семантике [4].

Особое место в этом ряду занимает Иван Тимофеевич Баранников. В 1940 г. он записал сказки, услышанные в детстве от бабушки, и тем самым выступил посредником между устной традицией и письменной культурой, зафиксировав переход фольклорного текста в литературный. Обращение Баранникова к сказкам об Эмэмкуте представляет интерес в фольклористическом и в литературоведческом аспекте, поскольку в данных текстах синтезируются мифологический сюжет, бытовая

конкретность, образ героя-трикстера, задающий последствия поступков. Через поступки Эмэмкута обнаруживается модель поведения, в которой пренебрежение советом старших, нарушение запрета и ослабление семейных связей приводят к конкретным последствиям, раскрывающим ценностные основания традиционного общества.

В современном научно-образовательном контексте актуальность темы определяется несколькими факторами. С одной стороны, родной язык и родная литература являются средствами сохранения этнической идентичности, что отражено в работах, посвященных корякской письменности, языковому развитию и учебно-методическому обеспечению [5; 6].

Цель статьи заключается в выявлении ценностного содержания сказок об Эмэмкуте и определении способов их интерпретации в рамках изучения корякского фольклора и литературы. Для достижения цели решаются следующие задачи: охарактеризовать научно-методический контекст обращения к корякскому фольклору; определить основные ценностные линии в сказках об Эмэмкуте; описать формы работы с текстом, позволяющие интегрировать литературный анализ, этнокультурное содержание и ценностное воспитание в процессе изучения корякской литературы.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили сказки об Эмэмкуте, записанные И.Т. Баранниковым, а также научные и учебно-методические работы, освещающие историю изучения корякского языка, фольклора и литературного образования [7]. Дополнительно привлекались труды о корякской письменности, учебные пособия и методические рекомендации, в которых родной язык рассматривается как средство сохранения культурной памяти и формирования этнокультурной идентичности [8; 9; 10].

Методологическая основа работы носит междисциплинарный характер. Этнофилологический подход позволяет рассматривать сказку как текст, в котором художественная образность связана с традиционным укладом, мифологическими представлениями и поведенческими нормами. Контекстуальный анализ применяется для выявления ценностных смыслов, актуализирующихся в сюжетных ситуациях, связанных с нарушением запрета, семейной ответственностью, отношением к старшим, сверхъестественным существам и природному пространству. Культурно-исторический подход позволяет соотнести тексты Баранникова с историей фиксации корякского фольклора и становлением письменной литературы.

Результаты и обсуждение

Корякский фольклор: от научного описания к образовательной интерпретации

Корякский фольклор представляет собой сложную жанровую систему, в которой мифологические, бытовые, исторические и сказочные повествования выполняют различные функции. Для школьного курса родной литературы особенно важны тексты, где художественный сюжет сохраняет связь с реальными моделями поведения. Сказки о герое, который нарушает запреты, ошибается, терпит поражение, преодолевает испытания и возвращается к норме, позволяют говорить о нравственности через конкретные события и их интерпретацию.

Вороний цикл и связанные с ним сюжеты наглядно показывают, что в корякской традиции герой не всегда является безупречным образом. Напротив, его ценность часто раскрывается через двойственность. Эмэмкут может быть сильным, смелым и находчивым, но одновременно легкомысленным, непослушным, склонным к нарушению границ.

При обращении к биографии И.Т. Баранникова важно подчеркнуть, что он не просто пересказал известные сюжеты, а зафиксировал семейную память и опыт устного рассказывания. Его работа показывает механизм, посредством которого соединяются детские впечатления, родной язык, устная традиция, школьная письменность и культурная ответственность. Все это позволяет выстроить урок-биографию, где судьба автора становится «входом» в понимание текста. Могут быть предложены вопросы: почему Баранников записал именно эти сказки, что означает сохранение рассказов, услышанных от бабушки, и почему устное слово нуждалось в письменной фиксации.

С методической точки зрения важно не сводить изучение Баранникова к сообщению биографических сведений, так как биография должна работать как объяснительный ключ к сказкам. Если автор вырос внутри традиции, слышал сказки в семейной среде и позднее записал их для других читателей, то сам текст становится не только литературным произведением, но и актом культурной передачи. В этом состоит его педагогическая ценность для уроков корякской литературы. Современные учебно-методические материалы по корякскому языку и литературному чтению показывают, что фольклор остается важным источником содержания для начальной и основной школы [11; 12].

Ценностные линии в сказках об Эмэмкуте

Анализ ценностных линий строится на выделении смыслов, актуализирующихся в конкретных сюжетных ситуациях, по модели «эпизод – поступок героя – последствие – ценностный смысл – методический потенциал».

Первая значимая ценностная линия связана с уважением к старшим. В сказке об Эмэмкуте и богатыре отец предупреждает героя, что он еще не готов к борьбе и должен набраться силы. Непослушание становится причиной поражения. Для школьного анализа эта ситуация важна тем, что совет старшего показан как результат опыта. Старший знает больше не потому, что занимает высокое положение, а потому что уже прошел через испытания, умеет предвидеть опасность и берет на себя ответственность за младшего.

Вторая линия связана с ответственностью за семью и в цикле сказок об Эмэмкуте и Выай герой сталкивается с последствиями собственных решений, но затем стремится восстановить нарушенный порядок. Похищение Эмэмкута мышами, бедственное положение детей, плен Выай у озерного чудовища и возвращение семьи создают сюжет, в котором семейная связь проверяется через испытание. В литературоведческом отношении этот материал позволяет исследовать тему ответственности, почему герой должен исправить последствия своих поступков, как проявляется забота о детях, и почему семья в сказке мыслится как пространство взаимной поддержки.

(1) *Эмэмкутынэк енни ачг'ыкинууи, наен амин ыйык экмитылг'ын тиицыйлына. Нанэната кывайнин кминут*

‘Эмэмкут принес жирного мяса, того, что было украдено у них мышами, и этим мясом накормил детей’ [7].

В примере (1) семейная ответственность раскрывается через конкретное действие героя. Эмэмкут возвращается к выполнению базовой обязанности кормильца, приносит мясо и кормит детей.

Данный фрагмент позволяет отказаться от общей формулы «сказка учит заботе о семье»: забота здесь выражена через предметное действие – добыть пищу, накормить детей, восстановить жизнеспособность семьи.

(2) *Гылв'ийнябу Эмэмкут тэминьэти. Ынан гэтэйкылин аччмай, тыттэль нымэйыңун. Титэ пляткуй тэминьэтык, уилуэ кылтынин уттык, ежэ мэмыл-уилуын...*

‘Целый день Эмэмкут ковал. Он делал багор, очень большой. Когда кончил делать багор, он насадил его на древко и ремень прикрепил к древку, ремень из моржовой кожи...’ [7].

Пример (2) показывает, что возвращение Выай требует не только мужества, но и подготовки. Герой действует как человек традиционного уклада: он изготавливает орудие, продумывает его устройство, использует ремень из моржовой кожи.

Особого внимания заслуживает то, что Эмэмкут создает средство спасения, и тем самым текст противопоставляет импульсивность и

зрелое действие. Если раньше герой мог быть причиной беды, то теперь он восстанавливает нарушенный порядок через труд и расчет.

(3) *Г'аҕав'лой. Эмэмкутынэк ыппулючг'ын кмиуун кунуунин. Пыкэйлэй гытгытайнэтыу*

‘Они отправились. Эмэмкут младшего сынишку нес на руках. Пришли на берег озера’ [7].

Пример (3) усиливает семейную линию через образ ребенка, младший сын находится на руках у Эмэмкута, то есть герой принимает на себя непосредственную заботу о самом уязвимом члене семьи. Движение к озеру при этом становится переходом к опасной границе между человеческим миром и миром чудовища.

(4) *Эмэмкут пиҕи тымкыгиуҕы. Кмиуу ыволай тэйуатык. Ыппычг'э эв'в'и кув'айтийвыннэн ыппулючг'ын нанҕык, ҕаен этг'о коувоу тэйуатык. ‘Эмэмкут спрятался за кочку. Дети принялись плакать. Старший нарочно щипал младшего за живот, от этого маленький ещё пуще плакал...’ [7].*

Пример (4) раскрывает контакт с иным миром через ситуацию на берегу озера. Озеро здесь выступает не как нейтральное природное пространство, а как локация, связанная с Озерным чудовищем и обозначающая границу опасности. Эмэмкут прячется за кочку, а плач детей становится способом вызвать чудовище. Следовательно, герой действует осознанно, понимая, что при столкновении со сверхъестественным миром нельзя действовать прямо, необходимо учитывать его правила и поведение.

Третья линия относится к осторожности в контакте с иным миром. В сказках об Эмэмкуте природное и сверхъестественное пространство не являются нейтральными. Мыши, чудовища, *нинвиты*, животные и духи могут вступать в контакт с человеком и менять его судьбу. Для традиционного мировоззрения такая картина закономерна, так как мир населен не только людьми, а каждое действие требует внимания к запретам, границам и последствиям. В ходе анализа важно показать, почему герой должен быть осторожным, в чем состоит нарушение запрета и каким образом сказка раскрывает опасность самоуверенности.

Четвертая линия связана с осуждением жадности, агрессии и разрушительного поведения. Сюжет, где Эмэмкут становится *нинвитом* и пожирает людей, особенно важен для понимания нормативной функции сказки. Здесь нарушение человеческой меры приводит к превращению в античеловеческое существо. Человек, утративший способность соблюдать правила и учитывать других, оказывается подобен вредоносному духу. Речь идет о понятии совести, самоограничении и ответственности за последствия поступка.

Пятая линия раскрывает ценность труда и подготовки. Герой не может победить только желанием или смелостью. Ему необходимо учиться, набирать силу, слушать наставления, использовать орудия, понимать ситуацию. В этом отношении сказки об Эмэмкуте могут быть сопоставлены с задачей формирования деятельностной позиции, однако их литературоведческий анализ не должен сводиться к дидактике.

Наконец, сказки об Эмэмкуте формируют представление о единстве человека и природного мира. Герои действуют в пространстве тундры, охоты, рыбалки, жилища, семейного стойбища. Природа не является фоном: она задает условия жизни, определяет поведение, помогает или испытывает человека.

Таблица 1

Методические приемы работы со сказками об Эмэмкуте

Table 1

Teaching techniques for working with the tales about Ememkut

Методический прием	Содержание работы	Воспитательный результат
Урок-биография	Работа с фактами жизни И. Т. Баранникова, обсуждение роли семейной памяти и записи сказок	Понимание связи автора, родного языка и культурной преемственности
Литературоведческая беседа	Обсуждение поступков Эмэмкута, Выай, Ворона и других персонажей в контексте ценностных оппозиций	Развитие нравственной оценки, умения аргументировать позицию
Чтение по ролям	Выразительное чтение диалогов и конфликтных эпизодов	Эмоциональное включение, понимание характера героев
Инсценировка	Подготовка кратких сцен по эпизодам испытания, запрета, помощи семье	Развитие эмпатии, коллективной работы и речевой активности
Билингвальная работа	Сопоставление корякских слов, имен, реалий и русского перевода	Сохранение связи с родным языком и культурной семантикой

Ментальная карта	Схема «Эмэмкут: поступок – ошибка – последствие – ценность»	Целостное понимание сюжета и ценностных связей
Проектное задание	Иллюстрация, книжка-малышка, мини-исследование о нравственных ценностях сказки	Личностное присвоение материала и развитие интереса к фольклору

Методика использования сказок на уроках корякской литературы

Работа со сказками об Эмэмкуте должна быть организована так, чтобы ученик последовательно переходил от понимания сюжета к пониманию ценности. На первом этапе целесообразно использовать вводную беседу о том, почему народ сохраняет сказки, чем устный рассказ отличается от учебного текста и почему история, услышанная от старших, может стать частью литературы.

На втором этапе проводится чтение текста. Рекомендуется использовать билингвальную работу, то есть сначала познакомить учащихся с отдельными корякскими словами, именами и реалиями, затем рассмотреть русский перевод, а после этого обсудить, какие значения теряются или меняются при переводе. Даже при ограниченном владении корякским языком учащиеся могут увидеть, что имена персонажей, названия существ, предметов быта и действий несут культурную информацию [16].

На третьем этапе организуется аналитическая работа. Литературоведческая беседа может строиться вокруг вопросов: почему Эмэмкут не послушал отца; мог ли он поступить иначе; почему сказка показывает поражение героя; что означает превращение человека в *нинвита*; почему возвращение семьи требует действия, а не только переживания.

На четвертом этапе используются деятельностные формы. Чтение по ролям помогает выделить интонацию наставления, спора, просьбы и предупреждения. Инсценировка позволяет прожить конфликтную ситуацию и понять мотивацию персонажей. Ментальная карта помогает систематизировать материал: в центре может находиться образ Эмэмкута, от которого отходят ветви «семья», «старшие», «запрет», «ошибка», «испытание», «возвращение к порядку», «ценность». Проектная работа может быть индивидуальной или групповой, ученики создают иллюстрации, словарь реалий, мини-исследование о семейных ценностях, сравнительную таблицу корякской и русской сказки.

Особая роль принадлежит уроку-биографии, задача которого не ограничивается рассказом о жизни И.Т. Баранникова. Урок должен показать, что биография автора связана с историей народа, появлением письменности, сохранением родного языка и превращением семейного устного рассказа в школьный литературный текст.

Важным условием методической эффективности является отказ от избыточного пересказа научных сведений. Учителю необходимо отбирать только те факты, которые помогают понять произведение и его ценностный потенциал, например, для анализа сказок об Эмэмкуте важны сведения о вороньем цикле, роли старших в передаче знания, связи героя с природным и сверхъестественным миром, а также о значении Баранникова как собирателя и письменного фиксатора фольклорного материала.

Результаты работы со сказками проявляются в нескольких направлениях. Во-первых, расширяется литературная компетенция учащихся за счет знакомства с сюжетом, системой образов и особенностями фольклорного повествования. Во-вторых, развивается языковая и этнокультурная компетенция за счет освоения школьниками имен, реалий и ключевых понятий родной культуры. В-третьих, формируется ценностная рефлексия, так как поступки героев рассматриваются как ситуации выбора. В-четвертых, усиливается личностная связь с культурным наследием, поскольку текст перестает быть «старой сказкой» и становится материалом для разговора о семье, памяти, ответственности и поведении.

Заключение

Проведенный анализ показал, что сказки об Эмэмкуте И.Т. Баранникова обладают значительным литературно-образовательным потенциалом, так как соединяют в себе художественную выразительность фольклорного сюжета с системой традиционных ценностных ориентиров. Образ Эмэмкута является методически продуктивным именно благодаря своей двойственности, он предстает не безупречным положительным героем, а персонажем, который ошибается, нарушает границы, сталкивается с последствиями собственных поступков и затем участвует в восстановлении нарушенного порядка.

В сказках раскрываются устойчивые ценностные линии, важные для традиционной культуры и литературного образования (уважение к старшим, семейная ответственность, верность, взаимопомощь, осторожность в контакте с миром духов и природы, осуждение жадности, агрессии и самоуверенности) и нарушение этих норм в сюжете приводит к конкретным последствиям, поэтому ценностный смысл усваивается

не через прямое наставление, а через переживание событий и обсуждение выбора героя.

Анализ конкретных фрагментов сказочного цикла показывает, что ценностное содержание текстов Баранникова раскрывается прежде всего через последовательность сюжетных действий. Эпизоды, в которых Эмэмкут кормит детей, изготавливает багор, несет младшего сына к озеру и действует осторожно перед появлением Озерного чудовища, позволяют увидеть, как в фольклорном повествовании соединяются семейная ответственность, трудовая подготовка, забота о младших и знание границ между человеческим и сверхъестественным миром. Поэтому сказки об Эмэмкуте важно рассматривать как сложную систему образов, где ценность проявляется через поступок, ошибку, испытание и восстановление нарушенного порядка.

Для уроков корякской литературы наиболее эффективными являются формы работы, которые соединяют литературный анализ, этнокультурный комментарий и личностное обсуждение. Урок-биография помогает связать фигуру И.Т. Баранникова с историей сохранения корякского фольклора. Литературоведческая беседа и проблемно-ценностное обсуждение развивают способность учащихся к оценке. Чтение по ролям и инсценировка создают эмоциональное включение, а билингвальная работа, ментальные карты и проектные задания помогают удержать связь текста с родным языком, культурной памятью и современным образовательным опытом.

Таким образом, сказки об Эмэмкуте могут рассматриваться как ресурс сохранения культурной идентичности и развития литературной компетенции, а их включение в школьную практику позволяет не только изучать произведения корякской литературы, но и формировать уважение к традиции, интерес к родному языку, понимание семейной и общинной ответственности. Методическая значимость этих текстов определяется тем, что они дают возможность соединить чтение художественного произведения с этнокультурным комментарием, билингвальной работой, обсуждением нравственного выбора и обращением к традиционным моделям поведения.

Литература

1. Jochelson W. *The Koryak*. New York: G.E. Stechert. 1908 (на англ.).
2. Bogoraz W. *Koryak texts*. Leyden: Publications of the American Ethnological Society. 1917 (на англ.).
3. Стебницкий С.Н. *Нымыланский (коряцкий) язык. Языки и письменность народов Севера*. Ч. III. Языки и письменность палеоазиатских народов. Москва; Ленинград: Учпедгиз. 1934.

4. Жукова А.Н. *Язык паланских коряков*. Ленинград: Наука. 1980.
5. Голованева Т.А., Мальцева А.А. *Голоса корякской культуры: Лилия Аймык*. Новосибирск: Академическое издательство «Гео». 2015.
6. Голованева Т.А. Корякская письменность: проблемы функционирования. *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2019;1(33):6–14.
7. Баранников И.Т. *Амамжотлымүлө: сказки об Эмэмкуте*. Ленинград: Учпедгиз. 1940 (на коряк.).
8. Дедык В.Р. *Букварь для 1 класса: методические рекомендации к учебнику*. Петропавловск-Камчатский: Издательство КИПКПК. 2013.
9. Дедык В.Р. *Корякский язык: 2 класс: методические рекомендации к учебнику*. Петропавловск-Камчатский: Издательство КИПКПК. 2013.
10. Дедык В.Р. *Работа над звуковыми закономерностями в корякском языке: методическое пособие*. Петропавловск-Камчатский: Камчатский институт ПКПК. 2015.
11. Пронина Е.П. *Программа по корякскому языку для 5–9 классов*. Петропавловск-Камчатский: Издательство КИПКПК. 2013.
12. Бурькин А.А. Корякский язык. *Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник*. Москва: Academia. 2002:98–105.
13. Болотаева О.Л., Жукова А.Н. Инновационная методика в обучении корякскому языку в современных условиях. *Оленья тропа: сборник научных трудов международной научно-практической конференции*, г. Санкт-Петербург, 24 апреля 2015 г. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена. 2015:60–62.
14. Пронина Е.П. *Картинный словарь корякского языка: 1–4 классы: учебное пособие для общеобразовательных учреждений*. 3-е изд. Санкт-Петербург: филиал издательства «Просвещение». 2013.
15. Гальскова Н.Д. Лингводидактика как методологическая основа современного лингвистического образования. *Преподаватель XXI век*. 2025;(1–1):204–215. DOI: <https://www.doi.org/10.31862/2073-9613-2025-1-204-215>
16. Пустогачева О.Н. Современное состояние обучения и изучения родных языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования Российской Федерации. *История и педагогика естествознания*. 2014;(2):41–46.
17. Jukova A.N., Kurebito T. *A Basic Topical Dictionary of the Koryak-Chukchi Languages*. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies. 2004 (на англ.).

References

1. Jochelson W. *The Koryak*. New York: G.E. Stechert. 1908.
2. Bogoraz W. *Koryak texts*. Leyden: Publications of the American Ethnological Society. 1917.

3. Stebnitsky SN. *Nymylan (Koryak) language. Languages and writing systems of the peoples of the North*. Part III. Languages and writing systems of Paleoasiatic peoples. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz. 1934 (in Russian).
4. Zhukova AN. *Language of the Palan Koryaks*. Leningrad: Nauka. 1980 (in Russian).
5. Golovaneva TA, Maltseva AA. *Voices of Koryak culture: Lilia Aimyk*. Novosibirsk: Academic Publishing House “Geo”. 2015 (in Russian).
6. Golovaneva TA. Koryak writing system: problems of functioning. *Journal Collection of scientific works of KRASEC. Section “The Humanities”*. 2019;1(33):6–14 (in Russian).
7. Barannikov IT. *Amamqotlymngyle: tales about Ememkut*. Leningrad: Uchpedgiz. 1940 (in Koryak).
8. Dedyk VR. *Primer for grade 1: methodological recommendations for the textbook*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Publishing House of KIPKPK. 2013 (in Russian).
9. Dedyk VR. *Koryak language: grade 2: methodological recommendations for the textbook*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Publishing House of KIPKPK. 2013 (in Russian).
10. Dedyk VR. *Work on sound patterns in the Koryak language: methodological guide*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka Institute of Advanced Training. 2015 (in Russian).
11. Pronina EP. *Koryak language curriculum for grades 5–9*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Publishing House of KIPKPK. 2013 (in Russian).
12. Burykin AA. Koryak language. *Languages of the peoples of Russia. Red book. Encyclopedic reference dictionary*. Moscow: Academia. 2002:98–105 (in Russian).
13. Bolotaeva OL, Zhukova AN. Innovative methods in teaching the Koryak language in contemporary conditions. *Reindeer Path: proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, Saint Petersburg, April 24, 2015. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publishing House. 2015:60–62 (in Russian).
14. Pronina EP. *Picture dictionary of the Koryak language: grades 1–4*. 3rd ed. Saint Petersburg: Prosveshchenie branch. 2013 (in Russian).
15. Galskova ND. Linguodidactics as a methodological basis of modern linguistic education. *Teacher of the XXI Century*. 2025;(1–1):204–215. DOI: <https://www.doi.org/10.31862/2073-9613-2025-1-204-215> (in Russian).
16. Pustogacheva ON. Current state of teaching and learning native languages of Indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East in the education system of the Russian Federation. *History and Pedagogy of Natural Science*. 2014;(2):41–46 (in Russian).
17. Jukova AN, Kurebito T. *A Basic Topical Dictionary of the Koryak-Chukchi Languages*. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies. 2004.

Об авторах

БОЛОТАЕВА Олеся Левановна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра палеоазиатских языков, фольклора и литературы, Институт народов Севера, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4049-6525>, Elibrary AuthorID: 626442, SPIN: 6943-6690, e-mail: obolotaeva@mail.ru

ДЕДЫК Кристина Игоревна – магистрант, Институт народов Севера, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

About the authors

Olesya L. BOLOTAEVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Paleosiasiac Languages, Folklore and Literature, Institute of the Peoples of the North, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4049-6525>, Elibrary AuthorID: 626442, SPIN: 6943-6690, e-mail: obolotaeva@mail.ru

Kristina I. DEDYK – Master’s Student, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Вклад авторов

Болотаева О.Л. – разработка концепции, методология, руководство исследованием, редактирование рукописи

Дедык К.И. – проведение исследования, анализ материала, создание черновика рукописи

Authors’ contribution

Olesya L. Bolotaeva – conceptualization, methodology, supervision, writing – review & editing

Kristina I. Dedyk – investigation, formal analysis, writing – original draft

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 07.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 05.05.2026

Принята к публикации / Accepted 15.05.2026

УДК 397

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-36-53>

Original article

Architecture of domestication among Evenki reindeer herders: materiality and human-animal relations

Vladimir N. Davydov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
St. Petersburg, Russia

 davydov.kunstkamera@gmail.com

Abstract

The article examines the role of material objects in human-animal interactions. The text analyses the use of landscape and various structures and devices in the process of reindeer domestication. Evenki structures serve more than just practical tools for performing everyday tasks. State organisations implemented various domestication regimes. Evenki reindeer herders mastered new material forms and adapted them for their own purposes. They developed specific strategies that include the use of small architectural forms such as tripods and other structures to protect animals from fire, fences sheds, feeders. Various structures and landscape features can be used both to restrict and to rationalize movement. They are not necessarily concentrated in one specific location and can be dispersed over a large area. Both buildings and landscape play a significant role in human-animal interaction. The article discusses the trilingual reindeer herding terminology used by Evenkis, which allows for the rapid localization of specific actions, as well as the tracking and memorization of animal movements. Domestication is not a distant past event, but a unique form of relationship between people, animals, landscape, and material objects, each component of which is essential to the ongoing reproduction of these relationships. At the same time, the landscape, small and large-scale architectural forms, and the array of objects used by reindeer herders in their everyday practices represent the material expression of these relationships.

Keywords: Evenki, human-animal relations, reindeer herders, domestication, materiality, vernacular, architecture, emplaced relations, temporality, ergonomics

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00637-P “Changing materiality of the Arctic and Siberia: technologies, innovations, infrastructure”

© Davydov V. N., 2026

For citation: Davydov V.N. Architecture of domestication among Evenki reindeer herders: materiality and human-animal relations. *Arctic XXI Century*. 2026;14(2):36–53. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-36-53>

Оригинальная научная статья

Архитектура доместикации эвенкийских оленеводов: материальность и отношения человека и животного

В. Н. Давыдов

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

 davydov.kunstkamera@gmail.com

Аннотация

В статье на примере собственных полевых материалов автор рассматривает роль материальных объектов во взаимодействии человека и животного. Рассматриваются технологии использования ландшафтов и различных построек и приспособлений в процессе одомашнивания оленей. Постройки эвенков выступают не просто практическим инструментом для выполнения повседневных задач. Они связаны с определенными социальными отношениями, которые всегда являются пространственными. Государственные организации внедряли различные режимы одомашнивания, которые дополнялись использованием определенной инфраструктуры. Эвенкийские оленеводы осваивали новые материальные формы и адаптировали их для своих целей. Они выработали определенные стратегии, которые включают в себя применение малых архитектурных форм, таких как треножки и другие приспособления для защиты животных от огня, изгороди, навесы, кормушки. Различные строения и части ландшафта могут использоваться как для ограничения, так и для рационализации перемещений. Они не обязательно сосредоточены в одном конкретном месте и могут быть рассредоточены на большой территории. Довольно сложно провести строгое разделение между постройками и ландшафтом. И постройки, и ландшафт играют важную роль в отношениях человека и животного. В статье рассмотрена используемая эвенками трехязычная оленеводческая терминология, которая позволяет оперативно локализовать конкретные действия, а также отследить и запомнить направления перемещения животных. Одомашнивание – это не свершившийся в далеком прошлом факт, а особая форма отношений между людьми, животными, ландшафтом и материальными объектами, причем каждый компонент важен в постоянном воспроизводстве этих отношений. В то же время ландшафт, малые и более масштабные архитектурные формы,

а также используемый оленеводами в повседневных практиках набор вещей представляют собой материальное выражение этих отношений.

Ключевые слова: эвенки, взаимоотношения человека и животного, оленеводы, одомашнивание, материальность, народная культура, архитектура, устоявшиеся отношения, темпоральность, эргономика

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00637-П «Меняющаяся материальность Арктики и Сибири: технологии, инновации, инфраструктура»

Для цитирования: Давыдов В.Н. Архитектура domestikации эвенкийских оленеводов: материальность и отношения человека и животного. *Арктика XXI век*. 2026;14(2):36–53 (на англ.) DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-36-53>

Introduction

It is doubtful whether domestication is a process which can be linked with a certain place. Reindeer herders rarely stay in one particular place for a long time; reindeer, dogs and people move together. At the same time, these movements imply periodic returns to the same places. In these places, reindeer herders actively use different kinds of self-built objects such as fences, gates, dwellings, storage platforms, sheds. They employ a number of small-size constructions which, nevertheless, play an important role in the process of domestication. These are feeding-racks, where they put salt, different kinds of poles and stakes for binding animals, dog shelters, frames for smoking smudges and other objects.

Reindeer herding is based on traditional patterns of controlling the flow of biological matter and energy [1]. Reindeer herders' camps represent a strong idea of autonomous existence or universe [2], when a person can find everything he needs at the moment. In other words, a reindeer herders' camp accumulates everything a person needs for survival and daily activities.

At the same time, architecture is not just a practical tool for completing everyday tasks. Rather it is connected with certain social relations. These relations are always spatial. Many classical ethnographic works describe different types of constructions, their history and design, their authors created very elaborated classifications of Evenki indigenous architecture [3; 4], yet there was a lack of reflections of social aspects connected with the existence of these material objects. In other words, different buildings, as well as small-scale architecture, were usually analyzed as self-sufficient things, separated from other activities, structures and surroundings. These objects were carefully

investigated, documented and described; however, the information about people who produced them and animals, which inhabited them, was missing. There was a lack of reflection on how these structures were incorporated into human-animal relations [5].

Human-animal relations are not necessarily functional. At the same time, the existing Evenki ethnography tends to be anthropocentric, written from a utilitarian perspective with the accent on different functions of a particular structure with a strong cross-cultural comparison. In other words, in the context of reindeer herders' ethnographic studies an object and its numerous dimensions became a center of analysis. However, architecture of domestication cannot be studied separately from the landscape surrounding it. The purpose of this text is to show that the border between architecture and landscape is flexible and transparent. Moreover, the structures reindeer herders build are rather flexible and adaptive to contemporary needs. It creates the spaces for animal autonomy and agency [6].

Classical ethnographic accounts often represented architecture as something rigid and reproducing traditional patterns, inherited from the previous generations [7]. At the same time, architecture exists in the context of life. People and animals (both wild and domesticated) are always in contact with structures, they constantly change their shape, condition and location. These objects are always in use in the context of human-animal interaction. In this sense, architecture is full of life; it is a part of environment of humans and animals.

Materials and methods

Field materials were collected during fieldwork expeditions I conducted between 2012 and 2018 among Evenki reindeer herders in the Republic of Sakha (Yakutia), Zabaikal'skii Krai, and Republic of Buryatia. The research was based on qualitative methodology, employing both participant observation and semi-structured interviews.

The purpose of this research was to study emplaced human-reindeer relations and to investigate the role that architecture and material objects play in human-reindeer-landscape relations. My main interest was how people employ particular landscapes and various constructions in human-reindeer relations.

The central question of this study concerns the role reindeer herders' architecture plays in framing social relations between human and non-human persons. I was particularly interested in how certain built forms embedded in the landscape transform human-animal relations, alter their spatial structure, and help to build relationships based on trust rather than domination.

Results and discussion

1. Architecture and the state

Architecture embodies decisions of the state authorities and organisations; it may serve as a manifestation of particular form of materiality regime, based on economic situation, supply, exchange practices. At the same time, we cannot neglect its practical functions in building of certain kind of human-animal relations. Changes of materiality and building technologies during the last century brought changes to domestication regimes. Evenki reindeer herders became involved in sedentarisation projects proposed by the state and many of them received living spaces in the villages. Yet, they had to spend most of their time working outside the settlements. They became employed by the state organizations such as *kolkhozes* and later *sovkhoses*, which constantly tried to increase the productivity and sustainability of reindeer herding. Their innovations were based on the ideology of control: human animal relationship involved such operations as counting, measuring, supervision and veterinary care.

The change of management regime involved innovations in architecture. Fences were very useful to sort animals during the visits of veterinarians and specialists. During Soviet period Evenki reindeer herders constructed fences with several cameras of different sizes which they used for various task and categories of reindeer. In some regions large reindeer herders' bases (complexes), which consisted of several houses, storehouses and bathhouses became constructed. Soviet architecture was designed to optimize reindeer herders' labour. The enclosures were introduced both in the village and in taiga spaces for the separation of animals, plants and people. In the plane places, where reindeer were often lost reindeer herders started to build long fences, which served as enclosures (Rus. *gorod'ba*; Ev. *kure*), spreading over tens of kilometers. Employed by the state organization reindeer herders were supplied with construction materials such as wire and nails that made the process of building easier.

At the same time people managed to appropriate large-scale state projects for their own purposes [similar argument see e.g., 8]. The infrastructure which was introduced during Soviet time did not make people sedentary but helped them to facilitate their movements. Even though villages were planned as centers of different regions people remain incorporated into transregional system of exchange. We have to take into consideration wide socio-political context: people from three neighboring regions I visited during fieldwork often cross administrative borders, which were established in Soviet Union, exchange animals and are connected through kin relations.

2. Temporality of architecture and memoirs

Domestication should be seen as a dynamic process and approached in present tense. Architecture is also changing all the time and always in the process of building and rebuilding. In other words, architecture exists “in the weather-world” [9], it is blown by winds, afraid of fire and washed by rains. Therefore, it needs constant repairing, restoration and rebuilding. If we employ Tim Ingold’s idea of “temporality of the landscape” [10], we will see that architecture is not frozen but is always in the condition of building, repairing, dismantling. People constantly add new objects at the intensively used places.

Architecture is represented by visible material objects, which embody local people’s memoirs and knowledge. Fences and enclosures people constructed are associated with certain people who made and used them. The existence of the structures on the territory serves as a significant sign of belonging to particular people or community.

The construction of roads of the state significance in the northern Baikal and Zabaikal regions, such as Baikal-Amur railway, makes reindeer pastures easy of access for people from the side (mostly tourists and poachers). Local people do not want the *obshchina* (communal organization) territories to be used by outsiders. Therefore, they may construct special signs which state that these territories belong to *obshchina* and all activities should be reported to and coordinated by this “communal organisation”. In 2012, I documented these signs, which do not have an official juridical power, but claim the territories as a private property both in northern Buryatia and Zabaikal’skii Krai.

At the same time, memory is more important argument in common law for local people. Some fences’ remains are associated with particular people. For instance, Iurii Iur’evich Mal’chakitov from Kust’-Kemda village told me he discovered old fences near the Sakukan River, and they belonged to Pavlov’s family which used them around the 1940s. Old architecture helps people to keep memoirs about the people who used the landscape. The remains of old corrals show how the places were used in the past. If places are intensively used, e.g. camps on the shores of Amudisa Lakes in Zabaikal region, they contain a set of remains belonging to different time periods. In many cases there are time gaps between these remains because people often change the main locations of the herds for some time in case the pastures became exhausted. In contrast to Dolgans in the Taimyr Peninsula, it is not banned among Evenkis to use old constructions or camps. Therefore, many contemporary reindeer herders’ camps are located on the places of old camps and people constantly change these sites by adding new structures.

3. Architecture of domestication and space: “narrow places”

Architecture has certain spatial characteristics. Any structure has own capacity. It either restricts or allows movements. Generally, architecture is designed to divide and concentrate people, animals, objects and plants.

In the northern Baikal people use local term “narrow places” (Rus. *uzkie mesta*) to describe the valleys of mountainous rivers in-between ridges serving as natural borders. They used these valleys for breeding reindeer because they serve as natural enclosures. These places help sustaining certain level of concentration of animals.

In all reindeer herders’ camps in the northern Zabaikal region and the Republic of Sakha (Yakutia) I observed enclosures of several hundred square meters where people used to keep reindeer for several hours every day. They serve as places where animals can be periodically kept concentrated for certain periods. Enclosures play an important role in the process of making human-animal relations more intensive. They create narrowness of space for social interaction. Working inside enclosures, people learn the characters of animals; they try to grasp which animals are lost. In turn, animals learn to see people around, get accustomed to physical contacts with humans and learn not to be scared of them.

Working with Zabaikal reindeer herders, I saw that regular observation of animals in enclosure is very important for revealing lame and ill animals. Enclosure is a place where an animal can be caught relatively easily that creates the situation of physical contact of humans and animals. While on the terrain reindeer herders may frame the directions of movements of reindeer but rather seldom contact them physically, except the situations when they catch riding or cargo reindeer or reindeer they use as a hostage to bring herd to a camp. Most of reindeer they needed they caught inside enclosures.

Architecture helps people to concentrate animals in certain places. It is also used for temporary separation of different groups of animals: working reindeer (Rus. *rabochii olen*’), bulls, calves, she-deer for milking, vaccinated animals and so on. Architecture as a physical border creates an opportunity to manipulate social structure of animals. Thus, enclosures help to sort animals physically into different groups or mix them together into one group.

Enclosures create spaces for co-habitation and partnership with animals; they intensify contacts between people and animals as well as between animals themselves. Being in enclosures for short period of time animals learn to be together as a herd.

Keeping reindeer in enclosures helps people to model animal “community” with its leaders (usually reindeer with bells). In these enclosures, animals learn to be together as a herd. This skill helps animals to walk together

concentrated in groups rather than spread over a terrain chaotically in different directions as single animals.

An important characteristic of an enclosure is a level of density of animals when they are inside. Work with animals in corral is always a work in a condition of narrowness. Enclosures are thus serving as “narrow places” which help people to build the relations of “trust” and “companionship” with animals.

Enclosures should not be seen as borders either between people and animals, or “wild” and “tame”. Rather people pragmatically incorporate different kinds of constructions into their way of life where “wild” and “tame” are not oppositions. The degree of being “wild” and “tamed” is more important.

Therefore, enclosures are not designed to separate people and animals. Rather they are built to make people and animals closer. Even though a tent is usually located outside enclosures, people make many tasks inside them. Enclosures are designed to change the distance to animals. There are tools which help people to change this distance. Thus, while working inside to catch an animal people need at the moment, they actively employ a lasso (Ev. *mavut*).

Domestication architecture is used both to control animals’ movements and to facilitate their presence at certain places. It helps to intensify the presence of animals on certain territory that gradually changes the landscape. The presence of large number of reindeer makes a place swampier and full of hummocks. Therefore, the landscape can be co-created by animals and people.

The use of architecture has certain ecological impact. The intensive use of a camp can be a reason for deforestation nearby. People employ trees for building and for firewood and gradually change the landscape. This is what happened with a reindeer camp near the Nomama River in the northern Buryatia. The intensive use of this place within the last 10 years created a need to walk 1–2 kilometers in order to find firewood.

Architecture of domestication is not necessarily concentrated in one certain “narrow place”, it is spread over a vast territory, includes a set of intensively used places. Domestication is a result of movements of people and animals between these locations in a combination with periodic stays at these places. In the Olekminskii District in the Republic of Sakha (Yakutia) people do not use concrete buildings and prefer mobile architecture instead.

In many places in a forest zone structures are often built near the sites where people extracted wood and rarely removed to other locations. In most cases, people do not take tent frames, dog shelters and fences with them when they move to a new camp. At the same time people use a set of places, where they build objects of a similar shape.

Evenki reindeer herders' way of life implies the use of a combination of mobile and stationary architecture. As I will discuss further, domestication architecture can be both stationary and mobile. It can be either left at the place or transported to a new place.

4. Animal ergonomics

Architecture limits the habitual space and serves as a physical border restricting movements. Therefore, a square surrounded by a fence should be of a proper size. In case the number of animals is too big, reindeer can break a fence. The fences should be of the right size, they should not be too short; otherwise reindeer can easily jump over the fence and escape. Dog shelters are also built taking into consideration a size of an animal.

Architecture may have certain “gender” features. It can be designed for animals of certain age and sex or for their separation. The size of constructions may depend on animals' age. For instance, reindeer herders in northern Zabaikal region used to construct small corrals where they separate calves before milking she-deer.

Sometimes reindeer herders try to keep reindeer away from certain constructions. Thus, people do not usually allow reindeer entering winter log houses. They explained this by the fact that when people leave a log house for certain period, a reindeer can enter inside and will not be able to open the door. Another example is from the northern Baikal reindeer herders. They used building fences around their conical bark dwellings to prevent animals from jumping on them. Furthermore, architecture of smoking smudges (Rus. *dymokur*; Ev. *somnin*) is a very practical one. They are often surrounded by palings or covered by tripods to protect animals from burns.

People and animals share the same living spaces. In the northern Baikal, Evenki use the same term *bikit* (Ev.) both for humans' and animals' living spaces. It is literally translated as ‘a place where I am now’. It may signify living place where animals are concentrated [11; 12; 13], as well as a place of a temporary stay of people.

The aspect of human-animal co-ergonomics is very important aspect of coexistence. A corral is often constructed in a manner that a person can easily wriggle through planks to get inside or outside.

5. Local bio-social knowledge and animal training

Architecture is an important part of vernacular animal training. For instance, training riding reindeer in the taiga may be employed inside a corral. In their daily tasks, people need different types of trained animals: cargo reindeer, riding reindeer. To do these tasks properly people need animals of certain characters and behavior. They employ special training technologies to make an animal calm and teach it not to be scared of people.

Training a reindeer is a very long process, which goes during all stages of animal's life.

People use certain strategies to make animals calm and to study them to return to the same places such as feeding animals with salt, making smudges during summer time, binding animal to stakes, fences and trees, etc. This involves small-scale architecture such as feeding racks, tripods and palings to protect animals from fire, small fences.

An important strategy of domestication is a restriction of their movements such as tethering them to objects for certain periods of time. Zabaikal Evenki reindeer herders used to do this both with reindeer and dogs. Reindeer can be bound both to mobile and immobile, as well as produced by people and natural objects such as stakes, poles, sledges, fences, logs and trees.

Tethering reindeer is an important part of animal training. It can be employed for reindeer of any age. Some reindeer may have bad character and misbehave. Therefore, Georgii Lekarev from the northern Baikal recommended binding a reindeer for 3 days in order to make it calm.

Informants from Zabaikal region and northern Buryatia sure that the use of architecture at the early stages of animal socialization has a great impact on their behavior. In many places, reindeer herders emphasized the necessity to bind reindeer to structures starting from the earliest age. Yet the time reindeer herders actually start doing it may vary. In Buryatia reindeer herders used to employ wooden stakes for binding calves and sure it makes them obedient. The same strategy employ Tofalar reindeer herders from Irkutskaya Oblast'. An Evenki reindeer herder Iurii Mal'chakitov from Kust'-Kemda in Zabaikal'skii Krai emphasized that binding calves is an extremely important practice to make them calm. He employed specially made long log with several holes going through it called *globko* (Ev.) for binding calves. He used it during springtime and summer. A similar tool for binding reindeer was employed at the northern Baikal. Evenkis from Tiania in the Republic of Sakha (Yakutia) may employ *globko* for transportation of 10–12 reindeer, not necessarily calves, to a new place.

Similarly, to *globko*, sledges may serve as mobile operative substitute for stationary structures. Reindeer herders use sledges instead of fences or poles to bind both reindeer and dogs. They make it possible to anchor an animal in any necessary moment by tying it to a frame.

Another way to control reindeer movements is the use of a small log called *chengai* (Ev.) which is tied to reindeer neck and limits animal's movements. A reindeer seldom walks far from a camp with such an anchor because it strikes its legs. At the same time, an animal can feed itself from the ground and will not remain hungry as it may happen in case it is bound to

tree or sledges. People usually produce *chengai* by an axe directly at the place they need them. When they move to another place, they leave these small logs at the place and may employ them when they are back.

Reindeer herders constantly reflect behavior of all animals they are staying and moving with. Domestication is a process, which simultaneously involves different species and is in fact a co-domestication. This process involves the contact of different animal with structures and objects, for instance, they can use the same things for both reindeer and dogs (binding to the same fence, the use of *chengai* for dogs). In this sense, we can employ a multispecies view on architecture where an object can be employed in the context of relations with different animals.

In Zabaikal'skii Krai people used to keep dogs bound because they can scare reindeer. They do not employ dogs for collecting a herd, but they use them in hunting. Enclosures near the camp separate reindeer and dogs. Iurii Mal'chakitov did not allow small puppies to enter a corral with reindeer. He emphasized that this prohibition is very important for teaching a dog and should be made in the early age, otherwise a dog will misbehave and can kill calves in the future. If a dog is well trained, it will not bite reindeer and will not steal food when people untie it.

6. Practical terminology

In the Olekminskii District of the Sakha Republic (Yakutia), as well as in the Kalarsky District of the Zabaikal'skii Krai, Evenkis historically spoke several languages: Evenki, Yakut, and Russian. This has influenced the terminology used by modern reindeer herders to refer to different categories of animals. For Evenkis, a reindeer herd is not a homogeneous mass. They employ various criteria to distinguish categories. These categories denote not only the degree of domestication but also the ways in which the reindeer are used, implying different modes of using material objects for the temporary stay and transport function of different types of reindeer.

In everyday practice, reindeer herders distinguish different types of animals based on their function in transporting people and things, age, skin color, reproductive function, and role in the herd. Each term allows for the rapid communication of information to other herders both during work with the herd and when changing a person, staying in the herd with reindeer (Rus. *dezhurnyi*). Grigory Kurbaltunov, a herd brigadier from the village of Tiania, uses several basic sets of linguistic terms.

Depending on their function in transporting people and cargo and their role in the herd, the following terms are used: *uuchag* (Ev.) 'riding reindeer'; *gil'ge* (Ev.) 'working castrated reindeer' (such reindeer are harnessed to sleds and used as riding reindeer starting at three years of age); *barechik*,

berechet (Ev.) ‘the lead reindeer that leads the caravan and is tethered in front of the team on the right side’; *oegoz* (Ev.) ‘a reindeer tethered in front of the team, but walking slightly behind the barechik on the left side of the team’; *dagaptuk* (Ev.) ‘a reindeer tethered behind the driving sled’. Russian terminology is also used: *tormoz* (Rus.) ‘slow reindeer’, a reindeer tied to the back of a cargo sled so that the sled stays in place and doesn’t tip over on descents; *zapas* (Rus.) – ‘reindeer tied to the back of a sled and driven as spares’; *botalohet* (from the Russian word *botalo*) ‘a female reindeer with a botalo’.

Many terms reflect the animal’s physical condition. Depending on the origin and reproductive function, the following terms are used: *oron* (Ev.) ‘domestic reindeer’; *sokzhoi*, *beiun* (Ev.) ‘wild reindeer’; *beiunchukan* (Ev.) ‘a hybrid of an oron and a sokzhoi (a reindeer born from a domestic she-deer and a wild bull)’; *attapcha* (Ev.) ‘a castrated reindeer born from a wild bull and a domestic she-deer’; *nara* (Ev.) ‘not completely castrated reindeer’; *niami* (Ev.) or *matka* (Rus.) ‘a female reindeer’, *bangai* (Yakut) ‘a barren she-deer’; *suru* (Ev.) ‘a breeding bull’.

Depending on the sex and age of the animal, the following terms are used: *ennakan* (Ev.) ‘a newborn calf’; *tugut*, *tuguchenok* (Yakut) ‘a newborn calf’; *chonoku* (Ev.) ‘a 1–1.5-year-old bull’; *sachari* (Ev.) ‘a little over a year-old sow’; *iktene* (Ev.) ‘a two-year-old bull’; *negarkana* (Ev.) ‘a three-year-old bull’; *mutu* (Ev.) ‘a four-year-old adult bull’; *kadar* (Ev.) ‘an adult bull five years and older’; *enni* (Ev.) ‘a she-deer that has given birth’; *sargdacha* (Ev.) ‘an old she-deer’.

Depending on their color, reindeer can be called: *bagdarin* (Ev.) ‘a white reindeer’ (such a reindeer is considered sacred by Evenkis); *bugdy* (Ev.) ‘a reindeer with a white head’; *tomus* (Yakut) ‘a reindeer with a white nose’ (if there are spots); *singarín* (Ev.), *kugas* (Yakut), *ryzhii* (Rus.) ‘a red reindeer’; *kubkugas* (Yakut) ‘a bright red reindeer’; *kyrdila* (Yakut) ‘a reindeer with white spots under the eyes’; *kyryrba* (Yakut) ‘an ash-colored reindeer’; *alak* (Evenk) ‘a variegated reindeer’; *borong* (Evenk) ‘a white reindeer with dirty fur, a “dirty-colored” reindeer’; *saksa* ‘a black reindeer with a whitish, gray stripe along the body’.

Similar terminology is also used by the Zabaikal Evenki reindeer herders. It allows them to operatively localize specific actions, as well as track and remember the direction of animal movement. Many of these terms are often used as nicknames, allowing herders to remember specific animals and find them among many others in the herd. Thus, the multilingual linguistic terminology adapted by the Evenks performs a pragmatic function and reflects the practices of interaction between humans and specific reindeer.

7. Pragmatic use of the landscape

Reindeer herders actively use natural borders such as mountainous ridges, rivers, ice mounds and precipices as natural enclosures to control animals' movements and to make animals closer to people.

Evenki reindeer herders from Kust'-Kemda village in Zabaikal'skii Krai use mountainous ridges going along the Srednii Sakukan River instead of fences, or, as Iurii Iur'evich Mal'chakitov commented, in a plain territory neighboring groups of Evenkis "employ fences instead of mountainous ridges". Therefore, reindeer herders may employ both architecture and the landscape. It means architecture is not something separated from the landscape. It is always in the landscape and connected with practical activities. Domestication cannot be linked just with the use of certain constructions like fences. Both architecture and the landscape gradually make an animal closer to people.

We can point out certain general difference between valley and mountainous architecture of domestication. In the plane territories in the Olekminskii District of the Republic of Sakha (Yakutia) reindeer herders spend much more time for building fences and enclosures which they employed in the places with a lack of natural borders.

Evenki reindeer herders creatively employ local materials and remains of old structures in construction process. In many places in the taiga, Evenkis adapted the remains of the former constructions for excavation of building materials and repairing structures. In Olekma River Basin, people may firstly repair formerly used fences and then move to this place with animals.

The shape of architecture strongly depends on the availability of construction materials and terrain. In Zabaikal'skii Krai reindeer herders can construct permanent fences with the use of iron wire, in the Republic of Sakha (Yakutiia) Evenkis usually built fences just by the use of an axe, employing trees of different size, available nearby. When animals start to break fences in different places, they usually move to a new place.

In the forest, trees can be used instead of structures or as parts of new structures. People may employ trees to tether reindeer dogs, as well as use them as parts of fences and poles for storage platforms.

People usually chose a place for a camp pragmatically. First, reindeer herders take into consideration the availability and quality of pastures nearby. Then, the place should be well observed. In the northern Baikal, a camp was near a place called 'Elbow' (Rus. *Lokot'*) – the place where a reindeer herder can observe animals walking on the sides. Windows in the constructions can be especially oriented in different directions to track reindeer movements. Another important thing is water supply. People used to organize camps close to water sources. In wintertime, snow makes it easier to find a place. Winds

are very important in summer because they help to save reindeer from biting insects. Therefore, a windy place is practical for keeping reindeer. Finally, the construction of a storehouse where people keep products both for themselves and feeding dogs should be well blown around. People build them this way in order to avoid mould both on a construction and products.

The knowledge about the places of animals' periodic returns also might be employed for choosing a camp site. For instance, in summertime reindeer return to ice mounds (Ev. *amnunda*, *aian*) on the shores of the rivers to save themselves from blackflies. These are the places where animals may concentrate naturally. Therefore, reindeer herders from the northern Baikal made a summer camp near these ice mounds.

The accessibility of a place is also very important. The camp is usually connected with other destinations such as a village, geologists' settlements, hunters' bases which are important points of supply and exchange.

8. "Mimesis" in architecture

In many contemporary anthropological works, mimesis was interpreted as a particular part of human sociality [14, 15] or human way of communication with other than humans [16]. However, there was a lack of reflection on mimetic characteristics of material objects when hunters or reindeer herders made special constructions, which they want to be perceived by other non-human persons as alive. Let me give an example. Evenkis from Olekma River Basin and Zabaikal'skii Krai used to construct scarecrows (Rus. *pugalo*) in the taiga. They usually make it from black textile and attached it above a snowmobile road tying to trees or poles. As reindeer herders say, reindeer are afraid of large black objects because they perceive them as bears. Thus, *pugalo* represents a mimetic strategy embodied in an object. Wind, which shakes a textile, makes it look alive. These mimetic objects are especially used to scare animals and to restrict their movements.

Iurii Iur'evich Mal'chakitov from Kust'-Kemda village emphasized that it is very important skill for a reindeer herder to learn how to scare animals. When he saw that reindeer were walking on the direction to a broken fence, he put off his coat and started to run making noise and shaking his dark coat which he took off in order to scare animals. He added "They think that I am a bear". Therefore, the ability to run is very important here. When we repaired a broken fence, he attached a plastic bag to the top of a pole that it could move freely on the wind. Iurii said that this prevents for several days a reindeer from approaching the fence, which people built across the river. However, he expected that when it becomes warmer, reindeer will break a fence anyway to get to their calving places down the river and people will have to follow them to another camp.

9. Reindeer herders and non-human agents

Structures may reflect the presence of different non-human agents such as predators and wild reindeer and can be designed to control their movements or to catch and exterminate them. Defense of reindeer from predators such as bears, wolves and wolverines is a common daily task for reindeer herders and their dogs. If we have a look at the orientation of dog shelters at reindeer camps and where Evenki reindeer herders bond their dogs, we will see that they usually do this to make it easier for animals to signal the presence or absence of reindeer, predators or other people.

If the loss of reindeer becomes high, people often prefer to change the place and move to the new territory. This is what northern Baikal Evenkis usually did in *kolkhoz*. Nowadays this became rather difficult because *obshchiny* are assigned territories, which occupy a very small part from the former territories used by the *kolkhoz*. Therefore, people must rely now on their own knowledge of predators' movement patterns and ethology.

Some places attract animals; they are visited by certain animals in certain periods of a year. Reindeer herders' skill to predict animals' behavior and interpret their intentions play a great role here [17, pp. 165–169]. Evenkis from Olekma River Basin emphasized that bears often visit old reindeer herder's camps. This is the case when a bear can find old reindeer horns at a place. Informants say it needs calcium and therefore gnaws these horns. A bear is an active agent and can destroy structures. It can destroy fences and damage dwellings. I heard a story at the northern Baikal that a bear damaged an interior of a winter cabin. The same happens sometimes with corrals.

Even though predators are dangerous for a herd, Evenki hunters used to give respect to bears and wolves. They say there is a competition between people and predators. To give a respect to killed animal, they bury bears' bones at a special wooden platform called *del'ken*. In the village of Tiania in the Republic of Sakha (Yakutia) when they kill a bear, they usually blame Russians or make a face on a tree and say that this person killed a bear in order to transfer a guilt for a dead animal and not to lose hunting luck in the future.

Reindeer herders and hunters use various constructions and traps to exterminate predators. In Zabaikal'skii Krai they built special platforms on the trees which they call *labazy* to lie in wait for a bear during nighttime. Furthermore, they surround a camp by special wooden traps loaded with heavy stones (Rus. *davilka*) to catch and exterminate bears and wolverines.

People use long fences to save herds from wild bulls during rut. They can take domestic she-deer away. In autumn in Olekma River Basin, people

employ fences, which surround large territory. This kind of fences helps people to prevent contacts of wild and domesticated reindeer. In other words, it helps people to keep the border between animals and other non-human agents.

Conclusion

To sum up, the state organizations experimented with different domestication regimes, which were supplemented with the introduction of structures. Evenki reindeer herders appropriated new material forms and technologies, adapted them for their own purposes.

Domestication architecture (buildings and different material objects) can be used either to restrict or facilitate movements. It is not necessarily concentrated in one place; it can be spread over the vast territory. Therefore, it would be quite difficult to make a strict division between architecture and terrain. Both architecture and terrain play a great role in the context of human-animal relations.

Domestication has many directions and in any concrete case, it will show different degree of closeness and remoteness of animals to people. Domestication is a process of constant redefinition of a fluid border between “tame” and “wild”. The main purpose of reindeer herders’ architecture is to make animals closer to people.

We can state that a domestic animal is not a form but a set of relationship between people, animals, landscape and architecture and each component is important in constant re-creation of this set. At the same time, architecture represents the material expression of these dynamic relations.

Abbreviations

Ev. – Evenki

Rus. – Russian

References

1. Klovov KB. Energy of reindeer breeding: driving actions in the controlling impacts in ecological and ethno-social contexts. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019;12(8):1442–1460. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0459>
2. Safonova T, Sántha I. *Culture contact in Evenki land: a cybernetic anthropology of the Baikal region*. Leiden; Boston: Global Oriental. 2013.
3. Vasilevich GM. Ugdan: the dwelling of the Evenks of the Yablonovyi and Stanovoi ridges [Василевич Г.М. Угдан – жилище эвенков Яблонового и Станового хребтов]. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*. 1950;82(2):30–39 (in Russian).

4. Turov MG. *The economy of the Evenks of the taiga zone of Central Siberia in the late 19th and early 20th centuries: principles of land development* [Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX века: принципы освоения угодий]. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU. 1990 (in Russian).
5. Anderson DG, Loovers JPL, Schroer SA, Wishart RP. Architectures of domestication: on emplacing human-animal relations in the North. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2017;23(2):398–416.
6. Stépanoff C, Marchina C, Fossier C, Bureau N. Animal autonomy and intermittent coexistences: North Asian modes of herding. *Current Anthropology*. 2017;58(1):57–81.
7. Sokolova ZP. *Dwellings of the peoples of Siberia: an experiment in typology* [Соколова З.П. Жилище народов Сибири: опыт типологии]. Moscow: IPA Tri L. 1998 (in Russian).
8. Shirokogoroff SM. *Social organization of the Northern Tungus: with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups*. Shanghai: The Commercial Press. 1929.
9. Ingold T. Footprints through the weather-world: walking, breathing, knowing. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2010;16(1):121–139.
10. Ingold T. The temporality of the landscape. *World Archaeology*. 1993;25(2):152–174.
11. Brandišauskas D. Making a home in the taiga: movements, paths and signs among Orochen-Evenki hunters and herders of Zabaikal Krai, South East Siberia. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2012;6(1):9–25.
12. Brandišauskas D. *Leaving footprints in the taiga: luck, spirits and ambivalence among the Siberian Orochen reindeer herders and hunters*. New York: Berghahn Books. 2016.
13. Anderson DG. Home, hearth and household in the Circumpolar North. *About the Hearth: perspectives on the home, hearth and household in the Circumpolar North* / ed. DG. Anderson, RP. Wishart, V. Vaté. New York: Berghahn Books. 2013:262–282.
14. Gebauer G, Wulf C. *Mimesis: culture, art, society*. Berkeley: University of California Press. 1995.
15. Wulf C. *Anthropology of upbringing* [Вульф К. Антропология воспитания]. Moscow: Praxis. 2011 (in Russian).
16. Willerslev R. *Soul hunters: hunting, animism, and personhood among the Siberian Yukaghirs*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press. 2007.
17. Istomin K, Dwyer M. *Reindeer herder's thinking: a comparative research on relations between economy, cognition, and way of life*. Norderstedt: Books on Demand. 2021.

Об авторе

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич – Ph.D. (антропология), кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2738-4609>, WoS ResearcherID: AAD-3374-2019, Scopus Author ID: 56181841600, Elibrary AuthorID: 632283, SPIN: 2911-7260, e-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

About the author

Vladimir N. DAVYDOV – Ph.D. (Anthropology), Cand. Sci. (Sociology), Deputy Director for Science, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2738-4609>, WoS ResearcherID: AAD-3374-2019, Scopus Author ID: 56181841600, Elibrary AuthorID: 632283, SPIN: 2911-7260, e-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 31.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 19.06.2026

Принята к публикации / Accepted 22.06.2026

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-54-73>

Оригинальная научная статья

Сенсорные приоритеты в арктической среде: экосемиотический анализ перцептивной лексики якутского языка

Р. П. Иванова¹   , А. А. Аймолдина²

¹ Политехнический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова в г. Мирном, Мирный, Россия

² Astana IT University, Астана, Казахстан

 raissal@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется перцептивная лексика якутского языка с позиций экосемиотического подхода. Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления того, как сенсорные приоритеты народов Арктики, обусловленные экстремальными природными условиями, находят отражение в системе перцептивной лексики языка, что имеет значение как для фундаментальной лингвистики, так и для сохранения языкового наследия. Цель исследования – реконструировать иерархию сенсорных модальностей, закодированную в лексической системе якутского языка, и интерпретировать ее как отражение исторически сложившихся адаптивных стратегий. Материалом послужили данные толковых и двуязычных словарей якутского языка, а также корпус иллюстративного материала из художественных текстов (всего 327 лексических единиц). Методология включает когнитивно-семиотическое моделирование, компонентный, дистрибутивный, а также количественный анализ. Результаты показывают, что лексическая система якутского языка фиксирует устойчивую иерархию сенсорных приоритетов: слух (31% лексем) занимает доминирующее положение благодаря семантическому синкретизму ядерного глагола *uһum* ‘слышать – понимать – слушаться’, за ним следует обоняние (24%), характеризующееся высокой степенью объектно-ориентированной и оценочной лексики; зрение и вкус (по 17%) занимают среднюю позицию, в конце иерархии находится осязание (11%), выполняющее вспомогательные функции. Выявлено неравномерное соотношение субъектно- и объектно-ориентированной лексики: в обонятельной сфере фиксируется преобладание объектного кодирования (55%), что специфично для якутского языка. Таким образом, сенсорные приоритеты якутского этноса – доминирование коллективного опыта (слух)

© Иванова Р. П., Аймолдина А. А., 2026

и витальной диагностики (обоняние) над индивидуальным созерцанием – представляют собой языковую репрезентацию успешной экологической и социальной адаптации к условиям Арктики.

Ключевые слова: якутский язык, перцептивная лексика, сенсорные приоритеты, экосемиотика, когнитивно-семиотический анализ, слуховая перцепция, обонятельная перцепция, языковая картина мира, адаптация, Арктика

Для цитирования: Иванова Р.П., Аймолдина А.А. Сенсорные приоритеты в арктической среде: экосемиотический анализ перцептивной лексики якутского языка. *Арктика XXI век*. 2026;14(2):54–73. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-54-73>

Original article

Sensory priorities in the Arctic environment: eco-semiotic analysis of perceptual vocabulary in the Yakut language

Raisa P. Ivanova¹ , **Aliya A. Aimoldina²**

¹Mirny Polytechnic Institute (branch) M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny, Russia

²Astana IT University, Astana, Kazakhstan
 raissal@yandex.ru

Abstract

The article examines the perceptual lexicon of the Yakut language within an eco-semiotic framework. The relevance of the study is determined by the need to reveal how the sensory priorities of Arctic peoples, shaped by extreme natural conditions, are reflected in language and contribute to the preservation of linguistic heritage. The aim of the research is to reconstruct the hierarchy of sensory modalities encoded in the Yakut lexical system and interpret it as a reflection of historically formed adaptive strategies. The material includes explanatory and bilingual dictionaries of the Yakut language and illustrative examples from literary texts, comprising 327 lexical units. The methodology combines cognitive-semiotic modeling with component, distributional, and quantitative analysis. The results show a stable hierarchy of sensory priorities: hearing occupies the dominant position (31%) due to the semantic syncretism of the verb *ihit* ‘to hear – to understand – to obey’; olfaction ranks second (24%) and is marked by object-oriented and evaluative vocabulary; vision and taste hold intermediate positions (17% each), while touch has the lowest share (11%) and performs mainly auxiliary functions. The study also reveals an uneven distribution of subject-oriented and object-oriented lexicon, especially in the olfactory domain, where object-oriented encoding prevails (55%). The conclusion is

that the dominance of hearing and smell reflects the ecological and social adaptation of the Yakut ethnos to Arctic conditions.

Keywords: Yakut language, perceptual vocabulary, sensory priorities, ecosemiotics, cognitive-semiotic analysis, auditory perception, olfactory perception, linguistic worldview, adaptation, Arctic

For citation: Ivanova R.P. Aimoldina A.A. Sensory priorities in the Arctic environment: ecosemiotic analysis of perceptual vocabulary in the Yakut language. *Arctic XXI Century*. 2026;14(2):54–73 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-54-73>

Введение

Арктика представляет собой не только географический регион, но и специфическую экзистенциальную среду, предъявляющую экстремальные требования к человеку. Суровый климат, полярная ночь, скудный ландшафт, огромные пространства и малочисленность населения – все это на протяжении веков формировало специфические адаптивные стратегии коренных народов Севера. Эти стратегии не ограничиваются технологиями выживания, но проникают в самые глубинные слои культуры, включая язык.

Для того чтобы понять, как именно язык фиксирует и транслирует адаптивный опыт, необходимо обратиться к современным семиотическим теориям, анализирующим связь восприятия, знаковых систем и среды. Одним из таких направлений является экосемиотика – междисциплинарная область исследований, находящаяся на стыке семиотики, экологии и биологии. Данная парадигма рассматривает экологические системы как сложные семиотические сети, в которых взаимодействие между организмами и средой обитания осуществляется посредством знаковых процессов [1]. Истоки экосемиотики восходят к работам, предложившим в конце XX века трактовать экосистемы как динамические знаковые сети [2]. В последующих исследованиях было показано, как семиотические процессы формируют экологические взаимодействия – от коммуникации животных до культурных репрезентаций природы [3; 4]. Экосемиотика анализирует, как материальная среда становится носителем значений: для животных это могут быть следы, запахи или акустические сигналы, а для человека – символы, мифы и культурные коды [5].

В самом деле, в лексике, грамматике и семантике закодированы способы восприятия, оценки и категоризации окружающего мира, которые веками обеспечивали выживание в таких условиях, которые для неприспособленного человека кажутся враждебными. Особое место в

этом архиве занимает перцептивная лексика – слова, описывающие восприятие органами чувств. Именно через нее язык фиксирует, какие сенсорные каналы являются критически важными для жизнедеятельности, а какие – второстепенными.

Обращение к научной литературе показывает, что в тюркском языкознании перцептивная лексика изучалась в сравнительно-историческом аспекте [6; 7; 8], в рамках контрастивного анализа разносистемных языков (узбекского и русского) [9], а также в семантико-когнитивном ключе на материале хакасского языка [10; 11]. Отдельное внимание уделялось лексико-семантическим группам параметрических прилагательных зрительного восприятия в алтайском языке в сопоставлении с киргизским [12], а также сравнительно-семасиологическим исследованиям лексики тюркских языков, включая якутский и казахский, направленным на выявление закономерностей семантических сдвигов и сохранения базовых значений в родственных языках [13]. Что касается якутского языка, то существующие исследования ограничиваются изучением отдельных аспектов перцепции: прилагательных вкусообозначения [14], глаголов тактильного восприятия в аспекте словообразования [15], особенностей ольфакторной коммуникации в якутском тексте [16], а также концепта *ХАРАХ* ('глаз') в рамках теории концептуальной метафоры [17] и др. Таким образом, комплексное исследование всей системы перцептивной лексики якутского языка, основанное на единой методологии и охватывающее все пять сенсорных модальностей, до настоящего времени не проводилось.

Проблема исследования также заключается в отсутствии системного описания перцептивной лексики якутского языка с точки зрения ее адаптивного потенциала. Между тем, ответ на этот вопрос позволяет не только понять внутреннюю логику языковой системы, но и реконструировать сенсорные приоритеты – то есть культурно обусловленное ранжирование значимости разных каналов восприятия. Для якутского этноса этот вопрос приобретает особую остроту. Якуты – самый северный тюркоязычный народ, чья история представляет собой уникальный пример адаптации скотоводческой культуры к условиям резко континентального климата Восточной Сибири и Арктики. Переселившись из более южных регионов (Прибайкалье, Забайкалье) в бассейн Средней Лены, предки якутов не просто выжили в новых условиях, но и создали устойчивую хозяйственно-культурную систему, основанную на коневодстве и крупном рогатом скоте, что для арктических широт является беспрецедентным феноменом [18]. Успех этой адаптации не мог быть обеспечен только материальными технологиями – он требовал и особого

способа восприятия среды, особой «сенсорной бдительности», которая должна была найти отражение в языке.

Цель настоящей статьи – реконструировать иерархию сенсорных модальностей, закодированную в лексической системе якутского языка, и интерпретировать ее как языковое отражение адаптивных стратегий саха.

Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- провести инвентаризацию и категоризацию перцептивной лексики якутского языка по пяти сенсорным модальностям (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание);
- выявить структурные особенности ядра и периферии каждого лексико-семантического поля;
- определить количественное и качественное соотношение субъектно- и объектно-ориентированной лексики в каждой модальности;
- реконструировать иерархию сенсорных приоритетов на основе интегральных параметров;
- интерпретировать выявленную иерархию в контексте экологической и социальной адаптации якутского этноса к арктическим условиям.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке интегративной методологии когнитивно-семиотического анализа перцептивной лексики, которая может быть применена к другим языкам. Практическая значимость связана с возможностью использования результатов в лексикографической практике, при составлении учебных пособий по якутскому языку, а также в междисциплинарных исследованиях по антропологии, этнографии и когнитивной науке.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили следующие лексикографические источники: «Большой толковый словарь якутского языка» в 15 томах под редакцией П.А. Слепцова [19–22], а также «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского [23; 24], переводной онлайн словарь якутского языка Sakhatyla.ru.

Методология исследования базируется на интегративном подходе, объединяющем: когнитивно-семиотическое моделирование – анализ типов знаков (иконических, индексных, символических) в перцептивной лексике, выявление моделей смыслопорождения; компонентный анализ – выявление дифференциальных семантических признаков внутри лексико-семантических полей; дистрибутивный анализ – изучение контекстуальных окружений перцептивных единиц, выявление синтагматических связей; квантитативный анализ – подсчет частотности и объемов лексических групп, определение процентного соотношения.

Процедура анализа включала следующие этапы: инвентаризация перцептивной лексики из словарей и корпуса текстов; категоризация единиц по пяти сенсорным модальностям (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание); выделение ядерных и периферийных единиц в каждом поле на основе частотности, семантической емкости и деривационной активности; классификация на субъектно-ориентированные (описывающие активность воспринимающего субъекта) и объектно-ориентированные (описывающие свойства воспринимаемого объекта); реконструкция иерархии на основе количественных (объем лексики) и качественных (структурная сложность, наличие культурно-специфичных концептов, синестетические связи) параметров.

Результаты и обсуждение

Структура ядра лексико-семантических полей перцепции

Сравнительный анализ ядерных элементов пяти перцептивных полей (табл. 1) выявил универсальную структуру, которая формируется вокруг стержневого глагола восприятия, выполняющего системообразующую функцию. Этот глагол дополняется абстрактным существительным (номинация процесса или результата), а также конкретным существительным (название соматического органа). Рассмотрим таблицу 1.

Таблица 1

Ядерные элементы лексико-семантических полей перцепции в якутском языке

Table 1

Core elements of lexical-semantic fields of perception in the Yakut language

Модальность	Ядерный глагол	Абстрактное существительное	Соматический компонент
Зрение	<i>көр</i> ‘видеть’	<i>көрүү</i> ‘взгляд, видение’	<i>харах</i> ‘глаз’
Слух	<i>иһит</i> ‘слышать, слушать’	<i>истиһи</i> ‘слушание, понимание’, ‘слух (как чувство)’	<i>кулгаах</i> ‘ухо’
Обоняние	<i>сыттаа</i> ‘нюхать, чують’	<i>сыт</i> ‘запах’	<i>мурун</i> ‘нос’
Вкус	<i>амсай</i> ‘пробовать’	<i>амтан</i> ‘вкус’	<i>тыл</i> ‘язык’
Осязание	<i>таарый</i> ‘прикасаться’	<i>таарыйыы</i> ‘прикосновение’	<i>илии</i> ‘рука’

Центральный широкозначный глагол выступает в качестве главного системообразователя каждого перцептивного поля. Именно от него происходит развертывание семантического пространства: он генерирует отглагольные существительные, служит основой для производных и сложных слов, задает общую семантическую модель, вокруг которой организуется периферия поля.

Наиболее семантически насыщенным является ядро слухового поля. Глагол *ihum* обладает уникальным синкретизмом, объединяющим три фундаментальных плана: физиологический – акт слуховой перцепции: *кулгааххынан тыаһы, саҕаны бил* – ‘услышать, слушать’; интеллектуально-когнитивный – процесс понимания: *туох эмэ ис хоһоонун өйдөө* – ‘понимать речь, музыку’; социально-нормативный – акт повиновения и подчинения: *ким эрэ соруулары, сүбэлиирин ылын, толор* – ‘слушаться, повиноваться’ [23, с. 971; 19, с. 767]. В словаре Э. Пекарского находим дефиницию глагола *ihum* – слышать, обонять: *Кини таҕаһын сытын истэн баран* ‘Услышав обонянием запах его одежды’ [23, с. 971]. Данный пример демонстрирует синестезию «слух → обоняние», где глагол слуховой перцепции *ihum* ‘слышать’ используется для обозначения обонятельного восприятия. Это свидетельствует о том, что в якутском языковом сознании границы между сенсорными модальностями оказываются проницаемыми, а сам глагол *ihum* выступает как генерализованный перцептивный предикат, способный кодировать не только акустические, но и хемосенсорные ощущения. Этот семантический синкретизм не случаен. Он является прямым языковым отражением исторически сложившегося доминирования устной традиции в культуре саха, где звучащее слово было основным носителем информации, а беспрекословное послушание старшим и следование устным заветам – базовым принципом социальной организации. В условиях сурового арктического климата, где визуальные ориентиры часто ненадежны, а коллективное выживание зависело от слаженности и дисциплины, именно слух становился главным каналом координации и социализации.

Ядро обонятельного поля, напротив, демонстрирует иную структурную организацию. Его фокус смещен с активного действия на саму воспринимаемую субстанцию, что проявляется в доминирующей роли существительного *сыт* ‘запах’. Существительное *сыт* в якутском языке не просто обозначает запах как физиологическое явление, но и, как следует из его словарной дефиниции через лексему *бэлиэ* ‘знак’ [21, с. 495], выполняет роль семиотического инструмента, кодирующего информацию об источнике запаха, его культурной значимости (ритуалы, окуливание, пища) и пространственной ориентации (присутствие человека, жилья,

дичи). В словаре Э. Пекарского существительное *сыт* фиксируется со следующими значениями: ‘запах, дух, вонь, духота, зловоние, гнилость’ [24, с. 2500]. Как видно из перечня, лексема в основном обладает отрицательной маркированностью и лишь в сочетании с прилагательным *учугэй* ‘хороший’ приобретает положительное значение. Глагол *сыттаа* ‘нюхать, чують’ выполняет прежде всего функцию установления связи между субъектом и субстанцией, проявляя значительно меньшую семантическую вариативность и продуктивность по сравнению с глагольными ядрами других модальностей. Такая организация – с акцентом на объекте, а не на нюансах перцептивного акта – отражает специфику обоняния как чувства, в большей степени пассивно-рецептивного и теснее связанного с непосредственной идентификацией свойств окружающей среды. В арктических условиях, где многие угрозы диагностируются именно по запаху, способность тонко дифференцировать ольфакторные сигналы становится критическим фактором выживания.

Структура и семантика периферийной перцептивной лексики

Периферийная лексика (табл. 2) демонстрирует двухуровневую организацию: ближняя периферия включает единицы, непосредственно связанные с ядерными значениями, но обладающие дополнительными признаками целенаправленности, регулярности или культурной маркированности; дальняя периферия содержит лексемы с высокой степенью образности, звукоподражательности или оценочности.

Таблица 2

Распределение периферийной перцептивной лексики по модальностям

Table 2

Distribution of peripheral perceptual vocabulary by modality

Модальность	Ближняя периферия (примеры)	Дальняя периферия (примеры)
Зрение	<i>одуулаа</i> ‘пристально смотреть’, <i>кэтээ</i> ‘наблюдать’, <i>өнгөй</i> ‘выглядывать’	<i>кылабачый</i> ‘ярко сверкать’, <i>кулумнээ</i> ‘искриться’, <i>чабылый</i> ‘светиться (от счастья)’
Слух	<i>чөрбөй</i> ‘внимательно прислушаться’, <i>тыаһаа</i> ‘шуметь’	<i>чуумпу</i> ‘тишина’, <i>дорбоон</i> ‘громкий звук, отголосок’
Обоняние	<i>сытырбаа</i> ‘обнюхивать’, <i>сыллаа</i> ‘прикасаться носом, вдыхать запах’	<i>кункулуй</i> ‘смердеть’, <i>ыы-дьаар</i> ‘зловоние’, <i>сытыган</i> ‘гнилостный запах’

Вкус	<i>боруубалаа</i> ‘отведывать (вежливо)’	<i>хабархай</i> ‘горький/терпкий (с оттенком едкости)’, <i>аһыырҕат</i> ‘ощутить резкий горький вкус’
Осязание	<i>бигээ</i> ‘распознавать на ощупь’, <i>тыыт</i> ‘трогать’	<i>имэрий</i> ‘поглаживать (с оттенком ласки)’, <i>баттаа</i> ‘нажимать; угнетать’

Особого внимания заслуживает феномен синестезии в дальней периферии, который свидетельствует о целостном, холистическом характере восприятия в якутской языковой картине мира. Прилагательное *минньигэс* функционирует одновременно в полях вкуса (‘сладкий, приятный на вкус’) и обоняния (‘приятный запах’); *аһыы* – в полях вкуса (‘кислый, горький’) и обоняния (‘едкий, резкий’); *килэгир* объединяет тактильное ощущение (‘гладкий’) с визуальной характеристикой (‘блестящий’).

Эта полимодальность не является случайной. В условиях Арктики, где ресурсы скудны, а ошибка в оценке качества пищи или безопасности среды может стоить жизни, сенсорный опыт интегрируется в единый комплексный образ. Язык фиксирует эту интеграцию через синестетические лексемы, которые позволяют говорить о запахе как о «сладком» или о поверхности как о «блестящей на ощупь».

Так, прилагательное *минньигэс* ‘вкусный, сладкий’ в якутском языке регулярно используется для характеристики обонятельных ощущений. Ср.: *Дьуэ иһиттэн ас минньигэс сыта кэлэр* ‘Из дома доносится вкусный запах еды’ [20, с. 263]. Прилагательное, изначально относящееся к вкусовой модальности, здесь определяет существительное *сыт* ‘запах’, что представляет собой случай языковой синестезии.

В свою очередь, прилагательное *чуумпу* ‘тихий, бесшумный’ (слуховая модальность) может использоваться для описания визуальных качеств: *Долгуна суох чуумпу уу устун тыы устан барда* ‘По тихой глади воды поплыла лодка’ [22, с. 247]. Здесь акустический признак переносится на характеристику водной поверхности, создавая образ безмолвия и неподвижности.

Следовательно, периферийная лексика якутского языка не просто дополняет ядерные зоны, а формирует самостоятельный пласт, в котором кодируются оценочные, образные и синестетические смыслы, необходимые для целостной сенсорной квалификации окружающей среды.

Количественное распределение и иерархия сенсорных приоритетов

Количественный анализ (табл. 3) выявил неравномерное распределение лексики по сенсорным модальностям.

Таблица 3

**Количественное распределение перцептивной лексики
по сенсорным модальностям**

Table 3

Quantitative distribution of perceptual vocabulary by sensory modality

Модальность	Количество лексем	Доля от общего объема
Слух	101	31%
Обоняние	78	24%
Зрение	56	17%
Вкус	56	17%
Осязание	36	11%
Всего	327	100%

На основании количественных (объем лексики, частотность) и качественных параметров (структурная сложность ядра, степень дифференциации периферии, наличие культурно-специфичных концептов, синестетические связи) реконструируется следующая иерархия сенсорных приоритетов: СЛУХ (31%) > ОБОНЯНИЕ (24%) > [ЗРЕНИЕ = ВКУС] (по 17%) > ТАКТИЛЬНОСТЬ (11%).

Эта иерархия отражает не просто лингвистическую реальность, но и адаптивные стратегии, веками обеспечивавшие выживание якутского этноса в арктических условиях.

Слух занимает высшую позицию в иерархии, и это доминирование проявляется не только в максимальном количестве лексем (31%), но и в уникальных качественных характеристиках. Ключевой из них является семантический синкретизм глагола *uhum*, объединяющего слышание, понимание и послушание, – явление, не имеющее аналогов в других перцептивных полях. Это означает, что в якутском языковом сознании акт слухового восприятия неразрывно связан с актом социального подчинения и интеллектуальной обработки. Кроме того, в языке представлена развитая система существительных для обозначения акустических феноменов, включающая не только конкретные звуки (*тыас* ‘звук, шум’), но и семиотически значимые концепты: *чуумпу* ‘тишина’ (осмысляемая не как отсутствие звука, а как состояние покоя и гармонии), *дорбоон* ‘громкий звук; отголосок, слух’, *сурах* ‘молва, слухи’. Особую роль слух выполняет в функции социального регулирования. В условиях устной традиции слух являлся главным каналом передачи знания, законов, обы-

чаев и моральных норм. Умение слушать и слышать – включая понимание подтекста и послушание – было условием социализации и выживания коллектива.

С эволюционной точки зрения, приоритет слуха перед зрением в условиях Арктики объясним. В полярную ночь зрение бесполезно, но слух продолжает работать. В метель, когда видимость нулевая, звук остается единственным ориентиром. В огромных, слабозаселенных пространствах голос – основной способ связи между удаленными группами. Таким образом, слух становится не просто сенсорным каналом, а экзистенциальной опорой арктического человека.

Обоняние занимает вторую позицию, что является уникальной чертой якутской перцептивной системы. В большинстве индоевропейских языков обонятельная лексика скудна и мало дифференцирована. В якутском языке она, напротив, составляет почти четверть всей перцептивной лексики и демонстрирует ряд особенностей:

- *Преобладание объектно-ориентированной лексики* (см. табл. 4). В обонятельной сфере фиксируется превышение объектного кодирования над субъектным (55% против 45%). Это означает, что язык уделяет больше внимания описанию самого запаха (его источника, интенсивности, качества), чем акту его восприятия субъектом.

Таблица 4

Соотношение субъектно- и объектно-ориентированной лексики по сенсорным модальностям

Table 4

Correlation of subject-oriented and object-oriented vocabulary by sensory modality

Модальность	Субъектно-ориентированные	Объектно-ориентированные
Слух	68%	32%
Обоняние	45%	55%
Зрение	58%	42%
Вкус	62%	38%
Осязание	71%	29%

– *Резкая поляризация оценочных значений*. Обонятельная лексика четко делится на положительно-маркированную (*минньигэс* ‘приятный запах’, *сыллаа* ‘ласково прикасаться носом’, *дыргый* ‘благоухать’) и

резко отрицательную (*кункулуй* ‘смердеть, вонять’, *ыы-дьаар* ‘зловоние’, *сытыган* ‘гнилостный запах’).

– *Глубокая связь с безопасностью*. Запах в якутской культуре – это маркер: *сытыган* ‘гнилостный запах’ сигнализирует о порче пищи, опасности, смерти; *минньигэс* ‘вкусный’ – о благополучии, свежести, жизни. Способность тонко дифференцировать запахи была критична для оценки качества пищи, а также для обнаружения присутствия хищника или чужого человека.

Таким образом, обоняние выступает как сенсорный страж телесного и экологического благополучия. В условиях, где многие угрозы невидимы, обонятельная бдительность становится важнейшей адаптивной стратегией.

Зрительная и вкусовая системы занимают промежуточное положение (по 17%), однако их функции различны.

Зрение ориентировано на активное, целенаправленное действие. Ядерный глагол *көр* ‘видеть’ – это не пассивная рецепция, а активное наблюдение, часто связанное с поиском, оценкой, ориентацией. Богатство глаголов, описывающих световые явления (*сырдаа* ‘светиться, сиять’, *тык* ‘светить (о солнце)’, *умай* ‘ярко светиться (об огне, северном сиянии)’, *кулумнээ* ‘сверкать, искриться’, *кылбай* ‘блестеть белым светом’), отражает гипертрофированную чувствительность к свету в условиях контрастного режима освещения Крайнего Севера – долгая полярная ночь сменяется долгим полярным днем, и язык фиксирует каждый нюанс этого фундаментального для жизни явления.

Вкусовая система, напротив, компактна и интегральна. Ее сущность – не детализация процесса, а вынесение гедонистического вердикта. Ключевые прилагательные *минньигэс* ‘приятный запах’ и *аһыы* ‘горький, кислый, острый’ связывают вкусовое ощущение напрямую с эмоциональными константами удовольствия и страдания. Тесная синестетическая связь с обонянием (общие оценочные прилагательные) превращает вкус и запах в единое хемосенсорное поле, которое оценивает качество пищи и среды.

Осязание замыкает иерархию (11% лексем). Тактильная лексика наиболее конкретна, телесно ориентирована и демонстрирует наименьшую склонность к семантической абстрагизации. В отличие от слуха *иһит* ‘понимать’ или зрения *көрүү* ‘мнение’, тактильные глаголы редко развивают переносные значения. Большая часть тактильной лексики обозначает не столько ощущение, сколько физическое воздействие: *тарт* ‘тянуть’, *ас* ‘толкать’, *оһус* ‘бить’, *баттаа* ‘нажимать, угнетать’.

Это отражает прагматичный, деятельностный характер тактильности: руки не просто «чувствуют», они действуют, преобразуют мир. В суровых арктических условиях, где выживание требует постоянного физического труда, тактильный опыт неразрывно связан с моторным. Язык фиксирует эту связь, отдавая приоритет действию перед ощущением.

Соотношение субъектно- и объектно-ориентированной лексики

Анализ соотношения двух типов лексем выявил важные закономерности, проливающие свет на то, как якутское языковое сознание распределяет внимание между активностью воспринимающего субъекта и свойствами воспринимаемого объекта.

Перцептивная система якутского языка демонстрирует ярко выраженный антропоцентризм: во всех пяти модальностях субъектно-ориентированные лексемы в целом преобладают. Однако распределение крайне неравномерно.

Обонятельная система уникальна: здесь объектно-ориентированная лексика (55%) впервые превышает субъектно-ориентированную. Это кардинально отличает обоняние от всех остальных сенсорных сфер и указывает на особый статус ольфакторных феноменов в языковой картине мира саха. Запах воспринимается как внешняя реальность, существующая независимо от воспринимающего субъекта и требующая детальной категоризации. Язык фиксирует не столько «как мы нюхаем», сколько «каким бывает запах» – его интенсивность, качество, источник, полярность (приятный/неприятный).

На другом полюсе – осязательная система (71% субъектно-ориентированной лексики). Это отражает моторный, силовой характер тактильного взаимодействия с миром. Осязание в якутском языке – это прежде всего действие, воздействие на объект, а не пассивное восприятие его свойств.

Слух, несмотря на доминирующую роль в иерархии, демонстрирует умеренное преобладание субъектной лексики (68%). Это означает, что язык уделяет внимание как акту слушания (включая его интенциональные оттенки: *чөрбөй* ‘внимательно прислушаться’, *кэтээ* ‘подслушивать’), так и характеристикам звука, но с перевесом в сторону субъекта.

Полученные данные позволяют интерпретировать выявленную иерархию сенсорных приоритетов как языковую репрезентацию исторически успешной экологической и социальной адаптации.

Приоритет слуха отражает фундаментальную роль устной традиции и коллективного взаимодействия. В арктических условиях, где из-за рассредоточения малочисленных групп на огромных пространствах выживание зависит от слаженности, доверия и подчинения авторитету,

именно слух выступает главным каналом поддержания социального порядка. Эпос *олонхо*, песни *тойук*, танец *осуохай* – все эти формы бытуют исключительно через звучащее слово. Глагол *иһит*, семантически объединяющий слышание, понимание и послушание, кодирует данную культурную доминанту на глубинном языковом уровне. Показательно, что при встрече якуты прежде всего спрашивают: «*Тугу иһиттин?*» ‘Что слышал?’ [23, с. 971] – в отличие от русского ритуального вопроса «Как дела?».

Высокое положение обоняния связано с его витальной функцией – способностью мгновенно диагностировать угрозу раньше, чем она станет зрительно очевидной. В условиях, где визуальные ориентиры ненадежны, а опасность может исходить от хищника, незаметно приближающегося по ветру, обонятельная бдительность становится критическим фактором выживания. Преобладание объектно-ориентированной лексики в этой сфере означает, что язык требует от носителя тонкой категоризации запахов – то есть постоянной ольфакторной осознанности. Переселившись на север, якуты, изначально скотоводы, переняли охотничьи практики у тунгусо-маньчжурских племен и со временем стали весьма искусными охотниками. Можно предположить, что именно эта хозяйственная трансформация – переход к охоте как к значимому источнику пропитания в экстремальных условиях – стимулировала развитие и закрепление в языке высокой обонятельной чувствительности как адаптивной стратегии.

Промежуточное положение зрения и вкуса отражает их вспомогательную, хотя и важную роль. Зрение активно, целенаправленно, ориентировано на действие (всматривание, наблюдение, поиск). Вкус интегрален, выносит итоговую гедонистическую оценку, тесно связан с обонянием.

Низкое положение осязания может показаться парадоксальным, учитывая важность тактильного контакта с миром в суровом климате. Однако в якутском языке тактильность концептуализируется не столько как сенсорная модальность, сколько как действие – преобразующее, силовое. Лексическая система минимизирует дескрипцию тактильных ощущений, сосредотачиваясь на репрезентации действий. Это также может рассматриваться как адаптивная стратегия: в условиях, где промедление угрожает жизни, приоритет получает оперативное действие, а не рефлексия о характере прикосновения.

Заключение

Лексическая система якутского языка фиксирует устойчивую иерархию сенсорных приоритетов, которая имеет следующий вид: СЛУХ

(31%) > ОБОНЯНИЕ (24%) > [ЗРЕНИЕ = ВКУС] (по 17%) > ТАКТИЛЬНОСТЬ (11%). Эта иерархия является не случайным статистическим фактом, а системным отражением культурно-обусловленной значимости разных каналов восприятия.

Доминирование слуха объясняется исторически сложившейся ролью устной традиции, социальной координации и коллективного опыта в культуре саха. Семантический синкретизм глагола *uhum* ‘слышать – понимать – слушаться’ является уникальной чертой якутского языка.

Высокое положение обоняния отражает его витальную функцию диагностики угрозы в условиях Арктики. Зафиксировано преобладание объектно-ориентированной лексики над субъектно-ориентированной в обонятельной сфере (55% против 45%), что свидетельствует о требовании к носителю языка тонко категоризировать ольфакторные феномены.

Зрение и вкус выполняют вспомогательные, но различные функции: зрение активно-ориентировочное, вкус интегрально-оценочный. Синестезия вкуса и обоняния (общие прилагательные *минньигэс*, *аһыы*) формирует единое хемосенсорное поле, оценивающее качество пищи и среды.

Осязание занимает низшую позицию, что парадоксальным образом связано не с незначительностью тактильного опыта, а с его концептуализацией как действия, а не ощущения. Преобладание субъектно-ориентированной лексики (71%) отражает деятельностный, преобразующий характер тактильного взаимодействия с миром.

Выявленная иерархия представляет собой языковую репрезентацию успешной экологической и социальной адаптации якутского этноса к арктическим условиям. Приоритет коллективного опыта (слух) и витальной безопасности (обоняние) над индивидуальным созерцанием и осязанием – это не лингвистическая случайность, а закодированный в языке эволюционный опыт выживания в экстремальной среде.

Перспективы дальнейших исследований связаны с диахроническим анализом перцептивной лексики (изучение того, как менялась иерархия под влиянием процессов модернизации), сопоставительным изучением сенсорных приоритетов в других тюркских языках, включая казахский, а также в языках других народов Арктики, психолингвистической экспериментальной верификацией выявленной иерархии.

Литература

1. Kull K. On the history of biosemiotics. *Biosemiotics: The Semiotics of Life*. 1998:1–24 (на англ.).
2. Kull K. Biosemiotics in the 20th century: A view from biology. *Semiotica*. 1999;127(1–4):385–414 (на англ.).

3. Farina A. The Landscape as a Semiotic Interface between Organisms and Resources. *Biosemiotics*. 2008;1(1):75–83. DOI: <https://www.doi.org/10.1007/s12304-008-9006-4>

4. Maran T. *Ecosemiotics: The Study of Signs in Changing Ecologies*. Cambridge: Cambridge University Press. 2020 (на англ.).

5. Lindström K., Kull K., Palang H. Landscape semiotics: Contribution to culture theory. *Estonian Approaches to Culture Theory*. Tartu: University of Tartu Press; 2014:110–132 (на англ.).

6. Юлдашев А.А. Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках. *Историческое развитие лексики тюркских языков*. М.: АН СССР. 1961:294–461.

7. Кулиев Г.К. Сравнительно-исторический анализ лексико-семантического развития глаголов зрения в тюркских языках огузской группы. *Советская тюркология*. 1976;(54):3–11.

8. Кулиев Г.К. Лексико-семантическое развитие глаголов слухового восприятия в тюркских языках юго-западной группы. *Советская тюркология*. 1978;(5):70–78.

9. Дадаев Т.Ш. *Глаголы чувственного восприятия в разносистемных (узбекском и русском) языках*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент. 1997.

10. Чертыкова М.Д. *Семантико-когнитивная характеристика хакасских глаголов со значением восприятия и их лексических соответствий в других тюркских языках*. Абакан: Изд-во Хака. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. 2019.

11. Чертыкова М.Д., Каксин А.Д. Концептуализация слухового восприятия в фольклорно-языковой картине мира (на материале героического сказания «Албынчи»). *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Этносведение*. 2020;(1):100–111.

12. Альчикова О.М. *Лексико-семантическая группа параметрических имен прилагательных зрительного восприятия в алтайском языке: в сопоставлении с киргизским языком*: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 2004.

13. Темиргазина З.К. О семантических сдвигах в слове *qatun* в современных тюркских языках: якутском, башкирском, татарском и других. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2026;25(2):56–68. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2026-25-2-56-68>

14. Дьячковский Ф.Н. Семантическое варьирование прилагательных вкусообозначения в якутском языке. *Гуманитарные и социальные науки*. 2014;(2):543–546.

15. Копырина Е.П. Словообразовательное гнездо с вершиной *бигээ* ‘ощупывать, осязать’ в якутском языке. *Альманах современной науки и образования*. 2015;1(91):60–62.

16. Ноева С.Е. Особенности ольфакторной коммуникации в якутском тексте. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021;12(114):54–56. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.164>
17. Николаева А.М., Павлова И.П. Объективация концепта ХАРАХ «глаза, зрение» в якутской языковой картине мира. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2023;4(45):95–107.
18. Николаев И.И. *Происхождение народа саха и его геокультурного комплекса*. Т. 1. Якутск: Чопчу. 2023.
19. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 3. Новосибирск: Наука. 2006.
20. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 6. Новосибирск: Наука. 2009.
21. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 9. Новосибирск: Наука. 2012.
22. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 14. Новосибирск: Наука. 2017.
23. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР. 1958.
24. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. 2. Москва: Изд-во АН СССР. 1959.

References

1. Kull K. On the history of biosemiotics. *Biosemiotics: The Semiotics of Life*. 1998:1–24.
2. Kull K. Biosemiotics in the 20th century: A view from biology. *Semiotica*. 1999;127(1–4):385–414.
3. Farina A. The Landscape as a Semiotic Interface between Organisms and Resources. *Biosemiotics*. 2008;1(1):75–83. DOI: <https://www.doi.org/10.1007/s12304-008-9006-4>
4. Maran T. *Ecosemiotics: The Study of Signs in Changing Ecologies*. Cambridge: Cambridge University Press. 2020.
5. Lindström K, Kull K, Palang H. Landscape semiotics: Contribution to culture theory. *Estonian Approaches to Culture Theory*. Tartu: University of Tartu Press; 2014:110–132.
6. Yuldashev AA. Verbs of sensory perception (verba sentiendi) in Turkic languages. *Historical Development of Turkic Languages' Vocabulary*. Moscow: USSR Academy of Sciences. 1961:294–461 (in Russian).

7. Kuliev GK. Comparative-historical analysis of lexical-semantic development of vision verbs in Turkic languages of the Oghuz group. *Soviet Turkology*. 1976;(54):3–11 (in Russian).
8. Kuliev GK. Lexical-semantic development of auditory perception verbs in Turkic languages of the South-Western group. *Soviet Turkology*. 1978;(5):70–78 (in Russian).
9. Dadaev TSh. *Verbs of sensory perception in different-system (Uzbek and Russian) languages*. Abstract of Candidate's dissertation (Philology). Tashkent. 1997 (in Russian).
10. Chertykova MD. *Semantic-cognitive characteristics of Khakass verbs with perception meaning and their lexical correspondences in other Turkic languages*. Abakan: Publishing House of NF. Katanov Khakass State University. 2019 (in Russian).
11. Chertykova MD, Kaksin AD. Conceptualization of auditory perception in the folklore-linguistic worldview (based on the heroic legend “Albynchii”). *Bulletin of MK. Ammosov North-Eastern Federal University: Series Epic Studies*. 2020;(1):100–111 (in Russian).
12. Alchikova OM. *Lexical-semantic group of parametric adjectives of visual perception in the Altai language: in comparison with the Kyrgyz language*. Doctor's dissertation (Philology). Novosibirsk. 2004 (in Russian).
13. Temirgazina ZK. On semantic shifts in the word qatun in modern Turkic languages: Yakut, Bashkir, Tatar, and others. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 2026;25(2):56–68. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2026-25-2-56-68> (in Russian).
14. Dyachkovsky FN. Semantic variation of taste-denoting adjectives in the Yakut language. *Humanitarian and Social Sciences*. 2014;(2):543–546 (in Russian).
15. Kopyrina EP. *Family of words with the top bigee “touch, feel” in the Yakut language + bigee*. *Almanac of Modern Science and Education*. 2015;1(91):60–62 (in Russian).
16. Noeva SE. Features of olfactory communication in the Yakut text. *International Scientific Research Journal*. 2021;12(114):54–56. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.164> (in Russian).
17. Nikolaeva AM, Pavlova IP. Objectification of the concept KHARAKH “eye, sight” in the Yakut linguistic worldview. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2023;4(45):95–107 (in Russian).
18. Nikolaev II. *The origin of the Sakha people and their geocultural complex*. Vol. 1. Yakutsk: Chopchu. 2023 (in Russian).
19. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka. 2006 (in Russian).
20. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 6. Novosibirsk: Nauka. 2009 (in Russian).

21. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 9. Novosibirsk: Nauka. 2012 (in Russian).

22. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 14. Novosibirsk: Nauka. 2017 (in Russian).

23. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. Vol. 1. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1958 (in Russian).

24. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. Vol. 2. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1959 (in Russian).

Об авторах

ИВАНОВА Раиса Петровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, кафедра английской филологии и социогуманитарных дисциплин, Политехнический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в г. Мирном, Мирный, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9757-1779>, WoS ResearcherID: AAG-2094-2020, Scopus Author ID: 57191432729, Elibrary AuthorID: 628674, SPIN: 5938-5372, e-mail: raissal@yandex.ru

АЙМОЛДИНА Алия Аманжоловна – Ph.D. (филология), ассоциированный профессор, Школа общеобразовательных дисциплин, Astana IT University, Астана, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5437-7386>, WoS ResearcherID: P-3986-2014, Scopus Author ID: 56134154000, Elibrary AuthorID: 627648, SPIN: 3596-5868, e-mail: aliya.aimoldina@astanait.edu.kz

About the authors

Raisa P. IVANOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Chair of the Department of English Philology and Humanities, Mirny Polytechnic Institute (branch) M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9757-1779>, WoS ResearcherID: AAG-2094-2020, Scopus Author ID: 57191432729, Elibrary AuthorID: 628674, SPIN: 5938-5372, e-mail: raissal@yandex.ru

Aliya A. AIMOLDINA – Ph.D. (Philology), Associate Professor, School of General Education Disciplines, Astana IT University, Astana, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5437-7386>, WoS ResearcherID: P-3986-2014, Scopus Author ID: 56134154000, Elibrary AuthorID: 627648, SPIN: 3596-5868, e-mail: aliya.aimoldina@astanait.edu.kz

Вклад авторов

Иванова Р.П. – разработка концепции, методология, проведение исследования, руководство исследованием

Аймолдина А.А. – верификация данных, проведение статистического анализа, редактирование рукописи

Authors' contribution

Raisa P. Ivanova – conceptualization, methodology, investigation, supervision

Aliya A. Aimoldina – validation, formal analysis, writing – review & editing

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 10.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 11.05.2026

Принята к публикации / Accepted 20.05.2026

УДК 398(=511.111);81'22

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-74-85>*Original article*

The mythologeme of *wind* in Karelian beliefs: an interdisciplinary aspect

Natalia V. Patroeva¹ , Tatiana V. Pashkova¹

¹Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

tvpashkova05@mail.ru

Abstract

The article examines the mythological conceptions of the wind among the Karelians based on the analysis of disease denominations attributed to this element and the corresponding healing practices in traditional culture. The aim of the study is to identify and systematize these conceptions. The empirical basis comprises lexicographic sources, field records, and folklore texts in the Karelian language. The study employs an interdisciplinary approach based on a comparative analysis of linguistic and ethnographic data, which enables the correlation of linguistic facts with ethnographic evidence. A comparative analysis is conducted across related (Vepsian, Finnish) and genetically unrelated (Russian) languages, all belonging to the same geographical and cultural area. In Karelian, the polysemous lexeme *tuuli* denotes wind, direction, disease from wind, and mood. Diseases attributed to the wind are two component lexemes: first part ‘wind’, second encodes causation, e.g., *muahine* (eczema from earth, with abscesses) and *nenä* (mystical disease with cough, headache). It is demonstrated that the wind is personified in the Karelian worldview and endowed with both destructive and healing powers. Among the Karelians and other Baltic-Finnic tribes, three elements – water, forest, and wind – are most deeply woven into the mythological fabric of everyday life. According to traditional beliefs, the wind was perceived as a living entity endowed with healing and destructive powers, having daughters, sons, labourers, and servants: *tuulen pojat* ‘sons of the wind’, *tuulen tyttäret* ‘daughters of the wind’, *tuulen kazakat* ‘labourers of the wind’, and *tuulen käskyläzet* ‘servants of the wind’. Treatment used incantations addressing the wind as master (*tuulen ižandy*), mistress (*tuulen emändät*), beloved breeze (*armahane tuvlut*), and familiar breeze (*tutavane tuvlut*), often with ritual manipulations to drive away the malady. The findings indicate that the conceptions of the wind as both a source of illness and a means of healing constitute a stable component of traditional Karelian culture, shared with neighbouring peoples; the results are relevant for safeguarding the intangible cultural heritage of Finno-Ugric peoples.

© Patroeva N. V., Pashkova T. V., 2026

Keywords: mythologeme, natural elements, wind, water, earth, air, traditional Karelian culture, Karelian folk medicine, diseases, healing, treatment methods

For citation: Patroeva N.V., Pashkova T.V. The mythologeme of *wind* in Karelian beliefs: an interdisciplinary aspect. *Arctic XXI Century*. 2026;14(2):74–85. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-74-85>

Оригинальная научная статья

Мифологема *ветер* в верованиях карел: междисциплинарный аспект

Н. В. Патроева¹ , Т. В. Пашкова¹

¹Петрозаводский государственный университет,

Петрозаводск, Россия

 tvpushkova05@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются мифологические представления карел о ветре на основе анализа номинаций заболеваний, приписываемых этой стихии, и способов их врачевания в традиционной культуре. Цель исследования состоит в выявлении и систематизации данных представлений. Эмпирической базой послужили лексикографические источники, полевые записи и фольклорные тексты на карельском языке. В работе применен междисциплинарный подход, основанный на сравнительном анализе языковых и этнографических данных, что позволило сопоставить факты языка с этнографическими сведениями. Сравнительный анализ проведен на материале родственных (вепского, финского) и генетически неродственного (русского) языков, входящих в единый географический и культурный ареал. В карельском языке ветер обозначается многозначным *tuuli* в значениях: 1) ветер, ветреная погода; 2) сторона света, горизонт; 3) олицетворяемая болезнь, полученная от ветра или насланная по ветру; 4) настроение, расположение духа. В результате исследования установлено, что в карельском языке номинации болезней, связываемых с ветром, представляют собой двухкомпонентные лексемы, где первый компонент обозначает стихию («ветер»), а второй – мифологическую каузацию недуга, отраженную в семантике и симптоматике: *tuahine* ‘экзема, появившаяся от земли или от воды’, ‘кожное заболевание, проявляющееся в виде нарывов’, ‘болячка, приставшая от земли’; *nenä* ‘некая мистическая болезнь’ / ‘некое мифическое духовное существо’; и др. Показано, что ветер в карельской картине мира персонифицирован и наделен как деструктивной, так и целительной силой. У карел и иных прибалтийско-финских племен тесно вовлечены в мифологическую сферу жизни три стихии – вода, лес и ветер. Согласно верованиям, ветер воспринимался как живое, наделенное одновременно целительной и губительной силой,

у ветра были дочери, сыновья, прислуги и др.: *tuulen pojjat* ‘сыновья ветра’, *tuulen tyttäret* ‘дочери ветра’, *tuulen kazakat* ‘батраки ветра’, *tuulen käskyläzet* ‘слуги ветра’. Лечение, как правило, происходило посредством заговоров, в которых обращались за помощью к ветру как некому живому существу, называя его *tuulen izändy* ‘хозяин ветра’, *tuulen emändät* ‘хозяйка ветра’, *armahane tuvlut* ‘любимый ветерочек’, *tutavane tuvlut* ‘знакомый ветерочек’ и др. Выводы показывают, что представления о ветре как источнике болезней и одновременно инструменте исцеления являются устойчивым элементом традиционной культуры карел, разделяемым с соседними народами; полученные результаты имеют значение для сохранения нематериального культурного наследия финно-угорских народов.

Ключевые слова: мифологема, природные стихии, ветер, вода, земля, воздух, традиционная культура карелов, народная медицина карел, болезни, целительство, способы врачевания

Для цитирования: Патроева Н.В., Пашкова Т.В. Мифологема *ветер* в верованиях карел: междисциплинарный аспект. *Арктика XXI век*. 2026;14(2):74–85 (на англ.). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-74-85>

Introduction

Mythology occupies a significant place in the life of all peoples. Among the Karelians, three elements – water, forest, and wind – are particularly integral to the mythological sphere and are associated with numerous beliefs and rituals. The primary source of ancient mythological conceptions was the conviction that violations of certain behavioral norms or harm inflicted on nature could exert tangible – and in some cases psychological – effects on an individual. Researchers have repeatedly examined mythological perceptions of aquatic and forest phenomena among the Karelians and related Baltic-Finnic peoples [1; 2; 3; 4], but the image of the wind has received far less scholarly attention. Ethnographers, ethnologists, and linguists have addressed some mythological and linguistic-cultural aspects of this elemental force only sporadically, which underscores the scientific novelty of the present study. Its relevance is driven by the urgent need to document and preserve the culture and languages of indigenous minority groups.

Materials and Methods

The source base for collecting linguistic data comprises lexicographical publications and databases (Karelian speech samples, Karelian dialect dictionaries), as well as folkloric texts.

This research employs the comparative method, involving the comparison and juxtaposition of linguistic data and information on traditions, rituals, and beliefs among various Karelian groups, related peoples (Vepsians

and Finns), and an unrelated group (Russians). These ethnic groups have coexisted and interacted over extended periods within the same geographic area, resulting in mutual linguistic and cultural influences. The criteria for comparative analysis are defined as follows: mythological conceptions of the wind; nomenclature and principles of disease nomination; symptomatology; treatment methods; personification of the ailments under consideration.

Results and Discussion

In the dialects of the Karelian language, the polysemous lexeme *tuuli* is employed to denote wind in four primary senses: 1) wind or windy weather; 2) a cardinal direction or horizon aspect; 3) a personified disease contracted from or sent by the wind – a mythological malady attributed to the wind; 4) mood or disposition of spirit [5, p. 394; 6, p. 310; 7, p. 650].

In the folk belief systems of various peoples, the wind was regarded as a living entity, personified with a soul – much like the moon, sun, or stone. It was thought that a hostile spirit emanating from these elements could act upon a person or even inhabit them. Among the most tormenting of these influences was disease. Numerous ethnographic and lexicographic sources record Karelian vernacular names for ailments, some of which include appellations denoting disorders attributed to the aerial element. These personified disease-spirits were believed to punish individuals for moral or ritual transgressions by inflicting various misfortunes, the gravest of which was illness.

According to the beliefs of certain Baltic-Finnic peoples and Russians, the wind could be the cause of ailments of diverse etiology (e.g., headache, chickenpox, rhinitis, and various infectious diseases) [8, p. 376; 9, p. 11; 10, p. 370]. A number of disease denominations take the form of two-component lexemes in the genitive construction, wherein the first element designates the acting force (e.g., forest, water, wind) and the second typically denotes the symptom of the malady, the elemental spirit, or the result of its influence. Let us turn to specific examples.

In Karelian mythological thought, the ailment *tuulennenä* (literally *tuulen-* ‘of the wind’ + *nenä* ‘nose’) – understood as “a disease believed to have adhered from the wind” – was said to strike a person when a whirlwind passed over them. The second element, *nenä*, is polysemous in Karelian (see, e.g., [11, p. 402]): according to T. Vuorela and K. Astedt, its chief senses are “a certain mystical disease” and “a certain mythical spirit”, with the semantic boundary between them remarkably thin [12, p. 307; 13, p. 290]. The folklorist L. I. Ivanova argues that these senses merge owing to the personification of illness as “some kind of living being” [14, p. 69]. To protect themselves from *tuulennenä* during gusty wind, the Panozero Karelians would display a fig sign (*kukish*) toward the wind [15, p. 406]. The Tver Karelians likewise

recited the formula “*kun noužou, pidäy šuu šalvata, ožuttua kukkuo, veis’ t’ä tagada*” (‘if a whirlwind rises, cover the mouth, show a fig sign and a knife from behind your back’) and repeated the gesture several times with the right hand [15, p. 406; 6, p. 310]. It was believed that this ritual caused the ailment to pass by. Should the disease still attach itself, it could afflict either child or adult and adhere to any part of the body. Among the Livvik Karelians, its symptoms included cough or nausea [16, p. 328] and headache [5, p. 244]. Among Proper Karelians, one observed hoarseness during sleep (in children), red pimples on the skin [16, p. 328], or even cardiac arrest [17, p. 124].

Karelians of the Syamozero district held that, in windy weather, an ailment called *ilmannenä* (literally *ilman*- ‘weather/air’ + *nenä* ‘nose’) would attach itself to a person: “*Ilmannenä on lapses, tuules tulluh*” ‘A wind-sent disease in a child; it came with the wind’ [18, p. 438]. The second element, *-nenä*, highlights the mythological dimension of this disease’s origin.

Another name used for a certain mythological disease sent by the wind or carried on the wind is *tuulimuahine*. The first element of this term denotes the already mentioned active force “wind.” The second element, *-muahine*, carries the mythological subtext reflected in its semantics and symptoms. Lexicographic sources record several meanings for this term: 1) eczema that appears from the earth or from water [19, p. 330]; 2) a skin disease manifesting as sores (according to beliefs it originated from a bathhouse, the earth, etc.) [6, p. 163]; 3) a lesion attached from the earth [20, p. 287]. Among the Karelians there are twelve types of *muahine*, each with a distinct etiology and method of treatment. For example: 1) *vezimuahine* (literally *vezi* ‘water’ + *muahine* ‘eczema/lesion’) According to Karelian mythological beliefs, this disease could cling to someone from well water or running water. Its symptoms included purulent eczema; 2) *tulimuahine* (literally *tuli* “fire” + *muahine* “eczema/lesion”) Karelians believed the cause of this disease was ash, occurring when a person spat into the fire while simultaneously thinking, “I shouldn’t have thought that!” It manifested as dry eczema; 3) *tuulimuahine* (literally *tuuli* ‘wind’ + *muahine* ‘eczema/lesion’) A person could contract this ailment from the wind. Its primary symptom was intense heat [21, pp. 47–50].

Another ailment for which the wind itself was deemed the causal agent is chickenpox (for more details, see [22, pp. 151–158]). The culpability of the wind in the onset of this disease is signaled most directly by its appellation *tuulenrubi* ‘wind pock’ (lit. *tuulen*- ‘of the wind’ + *rubi* ‘pustule/pock’), attested in the Tver dialect of the Proper Karelian variety of the Karelian language [6, p. 310]. To cure chickenpox, as well as other wind-sent maladies such as *tuulennenä* and *ilmannenä*, healers most frequently employed *tuulenkobru* (literally *tuulen*- ‘of the wind’ + *kobru* ‘handful’). This custom was prevalent

among other Baltic-Finnic peoples and Russians alike, as evidenced by terminology such as Veps *tulliipeza* ('windy nest'; *tullii* 'windy' + *peza* 'nest'), Finnish *tuulenpesä* ('wind's nest'; *tuulen* 'wind's' + *pesä* 'nest'), and Russian *vihorevo gnezdo*, *vedmino pomelo*, *vedmina metla* [8, p. 376; 9, p. 11; 10, p. 370]. *Tuulenkobru* typically formed on birch, spruce, or alder, manifesting as a dense broom of short, tightly clustered twigs reminiscent of an anomalous growth. Early Karelian peasants, lacking a scientific explanation for this phenomenon, attributed magical significance to it. From the very nomination of the witch's broom – *tuulenkobru*, whose initial morpheme *tuulen-* denotes 'windy' or 'of the wind' – it is evident that the Karelians regarded the wind as the causal agent in the formation of these clusters. Consequently, *tuulenkobru* itself was ascribed magical significance and employed in the treatment of ailments believed to be sent by or adhered from the wind.

Comparative data from the mythology and linguocultural studies of peoples related to the Karelians, as well as from the Russians, indicate that the wind was personified and regarded as the source of certain diseases. According to Vepsian mythology, the wind was embodied as an "invisible being" and could be blamed for the ailment *lëndandtullii* 'chickenpox' (literally *lëndand* 'flying' + *tullii* 'wind') [8, p. 375]. In Finnish conceptions, the wind could not only be the cause of a disease – from which one sought relief by sending it away on the wind – but also served as the mythical agent of conception: "Louhen, Pohjolan emännän, kerrotaan tulleen pohjatuulesta raskaaksi ja synnyttäneen yhdeksän tautidemonia" [10, p. 370] ('Louhi, mistress of Pohjola, is said to have conceived by the north wind and to have borne nine disease demons'). In Slavic belief, the wind is endowed with the qualities of demonic beings. Sources of disease include the evil wind – a whirlwind – or spells cast by sorcerers upon the whirlwind [23, pp. 86–88]. In Udmurt mythology, the malevolent spirit Tolperi – a wind spirit – appears in the form of a destructive whirlwind [24, p. 97].

The Karelians held that the wind could give rise to diseases other than chickenpox. For example, the Tver Karelians believed that scrofula was sent by the wind, calling it *tuulen n'en'ä* (literally *tuulen-* 'of the wind' + *nenä* 'nose'). The same term was used to designate a dry, twisted branch of spruce or alder, implying that both person and tree could be struck by the same elemental force [25, p. 158]. In these cases, treatment followed the principle of "like cures like", a hallmark of Karelian folk medicine. White Sea Karelians treated pimples thought to arise from wind-borne disease by pouring spring water through a birch or alder witch's broom [26, p. 208], whereas the Kotkozero Karelians employed only birch. The water was drawn at a spring with the accompaniment of prayer and poured near the stove's flue. Tver Karelians in the village of Vozdvizhenka resorted to a magical

pouring ritual for any rash or chickenpox: the afflicted child was doused by channeling water through a shovel, a harrow, and an alder witch's broom (for girls) or a spruce broom (for boys). This ceremony was performed alongside the incantation "*Aštovalla aštoičen, labijella roičen, leppazella tulen pežolla kylvetän oigien hengen ristikanžan*" (literally 'With the harrow I harrow, with the shovel I dig, with the alder wind-nest I will steam the right baptized soul').

Karelians observed that headache or hoarseness could manifest as symptoms of wind disease. The Livvik Karelians treated headache by uttering a wind incantation: "*Etgo tie kedä tuules oppijua, piän kivištäy ku tuuli kohuou, uližou?*" – 'Do you not know who can ward off the wind's spell, when the head aches as though the wind itself murmurs and howls?' [5, p. 244]. At the onset of a cold-induced headache, pouring water over the head was deemed beneficial, its curative power attributed to *tuulenkopra* [27, p. 106]. Another therapeutic method involved dispatching the illness upon the wind. This practice can be seen as an application of "like cures like", a principle widespread among the Karelians [28]. Northern Karelians of the Kalevala District expelled headache by sending it on the wind through the incantation: "*Mäne tuulilla, mäne ahavilla kolmen vuaran korkevuolla korkeimmaksi korpipuuta, korkeimmaksi korpikoivuja*" [29, p. 37] – 'Go upon the winds, go upon the dry airs, above the three mountains, above the mighty ancient forest, higher than the ageless grove' (author's translation). Hoarseness, which most often appeared in children during sleep, was treated by warming the child in a *kvasnaya* chamber with hot bread [16, p. 328].

Among the Tikhvin Karelians of the Leningrad Region, beliefs were recorded concerning a disease known as *dospeshka* (Karelian: *ka muoñe nazjvaiččieččö dospeshka*, literally 'yes, a disease called *dospeshka*') [30, p. 240]. These notions arose under the influence of linguistic and cultural contact with Russians, as the term *dospeshka* in Russian denotes "an occurrence, accident, misfortune, illness, or seizure" [31, p. 218]. In the Karelian village of Korgorka, in the Leningrad District, inhabitants held that *dospeshka* adhered to a person in the event of a fall or a cut. At the moment of injury, the individual might be frightened and exclaim, which was interpreted as the onset of *dospeshka* brought on by fear. The Russian folk tradition likewise preserved conceptions of *dospeshka* and its variants, as evidenced by the incantation: "...I plea to the Red Maiden for health from *dospeshka*, from spring, half-spring; from summer, half-summer; from autumn, half-autumn; from winter, half-winter; from earthen *dospeshka*; water *dospeshka*; wind *dospeshka*...". This passage indicates that Russian peasants attributed *dospeshka* to various causes: curses or the evil eye ("from condemnation... from a dark gaze...from any impure look"), elemental forces ("from earthen *dospeshka*, water *dospeshka*, wind *dospeshka*"), and even a passing traveler

(“from the meeting and traveling wayfarer”). The affliction was understood to possess a localized character.

The power of the traditional healer was often invoked to cure ailments attributed to the wind: “*Tuulennenän ojjendi tiedoin’iekku*” (‘The wind-sent disease was cured by the healer’) [16, p. 328]. Treatment typically proceeded through spells calling upon aid from pagan – and later Christian God – deities (e.g., the Lord of Water, the Bathhouse Spirit, the Wind), animals (e.g., the Bee, the Bear), and elemental forces (e.g., wind, fire). The recipient of each charm was chosen according to the presumed origin of the illness – such as the Maiden of Frost, the King of the Forest, or the Lord of Water. By uttering the incantation, practitioners aimed first to pacify the malady within the patient and then to expel it – sending it away on water in a small boat, capturing it in a glove, or releasing it upon the wind – so that it might never return. In Karelian spells the wind itself is personified as a sentient being addressed under names such as *tuulen izändy* ‘master of the wind’, *tuulen emändät* ‘mistress of the wind’, *armahane tuvlut* ‘beloved breeze’, and *tutavane tuvlut* ‘familiar breeze’. Moreover, according to the incantation texts, the wind possesses offspring and retinues – *tuulen pojijat* ‘sons of the wind’, *tuulen tyttäret* ‘daughters of the wind’, *tuulen kazakat* ‘wind labourers’, and *tuulen käskyläzet* ‘wind servants’ – and these spells are recited in tandem with manipulative rituals aimed at ensuring the patient’s recovery.

Conclusion

Thus, in Karelian mythological conceptions the elements were personified and functioned both as sources of illness and as agents of cure. This belief complex is characteristic of the Karelians and their close kin – the Vepsians and Finns – and is likewise attested among other Finno-Ugric peoples (for example, the Udmurts), as well as among Russians. The shared outlook on the mythological rationale for disease causation, its symptomatology, and its treatment across societies inhabiting the same or neighbouring territories attests to extensive cultural interaction and mutual influence.

The Karelian terms denoting wind-sent or wind-borne maladies uniformly comprise two constituents: the first names the operative element “wind”, and the second encodes the mythological causation, reflected in both semantics and symptom description. Thus, the second components *nenä* (‘a mystical disease’ or ‘mythical spirit’) and *muahine* (‘eczema arising from earth or water’ or “a skin ailment manifesting as abscesses”) each carry specific semantic and symptomatic resonances. Under Karelian belief, wind was held responsible for distinct disorders – among them chickenpox, scrofula, and *dospeshka*.

To heal most diseases caused or dispatched by the wind, practitioners most often employed *tuulenkobru* (from *tuulen-* ‘wind’ + *kobru* ‘handful’),

frequently supplemented by physical force. Treatment rites were conducted through spells addressed to the wind as a sentient being – invoked under names such as *tuulen izändy* ‘master of the wind’, *tuulen emändät* ‘mistress of the wind’, *armahane tuvlut* ‘beloved little breeze’, and *tutavane tuvlut* ‘familiar breeze’. These incantations, uttered in tandem with manipulative procedures, personify the wind further by ascribing to it offspring and retainers (for example, *tuulen poijat* ‘sons of the wind’, *tuulen tyttäret* ‘daughters of the wind’, *tuulen kazakat* ‘labourers of the wind’, and *tuulen käskyläzet* ‘servants of the wind’). Through such ritualized interaction the disease was propitiated and expelled, effecting the patient’s recovery.

References

1. Zhukova OYu, Zaytseva NG. “Forest nose”, “wind nose”, “curse of water”: mythology in the service of nomination (Vepsian names of diseases caused by forest spirits, water and wind) [Жукова О.Ю., Зайцева Н.Г. «Лесной нос», «нос ветра», «проклятие воды»: мифология на службе номинации (вепские наименования болезней, исходящих от лесных духов, воды и ветра)]. *Nauchnyi dialog*. 2020;(11):53–66. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-53-66> (in Russian).
2. Ivanova LI. On the existence of Karelian mythological prose and some of its characters [Иванова Л.И. К вопросу о бытовании карельской мифологической прозы и некоторых ее персонажах]. *Folkloristika Karelii*. Petrozavodsk: Periodika. 1995:30–52 (in Russian).
3. Hako M. *Popular medical knowledge* [Kansanomainen lääkintätietous]. Helsinki: SKS. 1957 (in Finnish).
4. Pentikäinen J. *The religion of Marina Takalo* [Marina Takalon uskonto]. Helsinki: SKS. 1971 (in Finnish).
5. Makarov GN. *Dictionary of the Karelian language* (Livvik dialect) [Макаров Г.Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)]. Petrozavodsk: Karelia. 1990 (in Russian, in Karelian).
6. Punzhina AV. *Dictionary of the Karelian language* (Tver dialects) [Пунжина А.В. Словарь карельского языка (тверские говоры)]. Petrozavodsk: Karelia. 1994 (in Russian, in Karelian).
7. Fedotova VP, Boyko TP. *Dictionary of Karelian Proper dialects of Karelia* [Федотова В.П., Бойко Т.П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии]. Petrozavodsk: KnigoGrad. 2009 (in Russian, in Karelian).
8. Vinokurova IYu. *Mythology of the Veps* [Винокурова И.Ю. Мифология вепсов]. Petrozavodsk: Izdatelstvo PetrGU. 2015 (in Russian).
9. Popov GI. *Russian folk medicine: based on materials from the ethnographic bureau of Prince VN. Tenishev* [Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева]. Saint Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina. 1903 (in Russian).

10. Pulkkinen R, Lindfors S. *Dictionary of Finnish folk beliefs* [Suomalaisen kansanuskon sanakirja]. Tallinna: Gaudeamus. 2016 (in Finnish).
11. Kongoeva AA. Somat nenä “nose” in Karelian phraseological units [Конгоева А.А. Сомат ненä «нос» в карельских фразеологизмах]. *Finno-Ugric World*. 2023;15(4):401–407. DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.04.401-407> (in Russian).
12. Astedt K. On mythological nenä compounds [Mytologisista nenäyhdyntäisistä]. *Kalevalaseuran vuosikirja*. 1960;(40):307–322 (in Finnish).
13. Vuorela T. *Finnish folk culture* [Suomalainen kansankulttuuri]. Porvoo; Helsinki: WSOY. 1975 (in Finnish).
14. Ivanova LI. Forest nose: archaic Karelian beliefs about illness and magical loci of the healing ritual [Иванова Л.И. Лесной нос: архаические представления карелов о болезни и магические локусы ритуала исцеления]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Gumanitarnye issledovaniya*. 2012;(4):68–73 (in Russian).
15. Konkka AP. Childbirth and childhood ailments. Night crying. Evil eye. Convulsions. Folk medicine. Healing and witchcraft [Конкка А.П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство]. *Panozero: serdtse Belomorskoi Karelii*. Petrozavodsk: Juminkeko-säätiö, PetrSU. 2003:386–414 (in Russian).
16. *Dictionary of the Karelian language* [Karjalan kielen sanakirja]. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae. VI. 2005 (in Finnish, in Karelian).
17. Virtaranta P. *The people of Viena remember* [Vienan kansa muistelee]. Porvoo; Helsinki: WSOY. 1958 (in Finnish, in Karelian).
18. *Dictionary of the Karelian language* [Karjalan kielen sanakirja]. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae. I. 1968 (in Finnish, in Karelian).
19. *Dictionary of the Karelian language* [Karjalan kielen sanakirja]. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae. III. 1983 (in Finnish, in Karelian).
20. Stepanova AS. *Oral poetry of the Tunguda Karelians* [Степанова А.С. Устная поэзия тунгудских карел]. Petrozavodsk: Periodika. 2000 (in Russian, in Karelian).
21. Pashkova TV. Etiology and methods of treating the disease muahine in Karelian understanding [Пашкова Т.В. Этиология и способы лечения болезни муахинe в понимании карел]. *Finno-Ugric World*. 2015;1(22):47–50 (in Russian).
22. Pashkova TV. Religious and mythological ideas of Karelians about smallpox, rubella, measles and chickenpox [Пашкова Т.В. Религиозно-мифологические воззрения карелов на болезни оспу, краснуху, корь и ветрянку]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2024;1(64):151–158. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-64-1-13> (in Russian).

23. Plotnikova AA. Wind [Плотникова А.А. Ветер]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar*. Moscow: Mezhdunarodnye otnošenija. 1996;(1):86–88 (in Russian).

24. Muravyova T. *Myths of the Volga region. From the wolf lord and the world tree to the cult of snakes and the bird of happiness* [Муравьева Т. Мифы Поволжья. От Волчьего владыки и Мирового древа до культа змей, и птицы счастья]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. 2023 (in Russian).

25. Fishman OM. Knowing woman as sick woman: from the experience of a field autobiography [Фишман О.М. Знающая – больная: из опыта полевой автобиографии]. *Problemy dukhovnoi kultury narodov Evropejskogo Severa i Sibiri. Sbornik statei pamyati YuYu. Surkhasko. Gumanitarnye issledovaniya*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the RAS. 2009;(2):135–172 (in Russian).

26. Virtaranta P. *Former life of Tver Karelians* [Tverin karjalaisten entistä elämää]. Porvoo; Helsinki: WSOY. 1961 (in Finnish, in Karelian).

27. Nikolskaya RF, Surkhasko YuYu. On Karelian folk medicine: the rational and the “irrational” in traditional healing [Никольская Р.Ф., Сурхаско Ю.Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании]. *Obryady i verovaniya narodov Karelii*. Petrozavodsk: KarNTs RAN. 1994:103–121 (in Russian).

28. Kolosova V, Pashkova T, Muslimov M, Sõukand R. Historical Review of Ethnopharmacology in Karelia (1850s–2020s): Herbs and healers. *Journal of Ethnopharmacology*. 2022;(282):114565. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jep.2021.114565>

29. Lyytinen L. *Priusa evening gatherings* [Priusan kolkkaiaiset]. Kalevala; Uhtua: Arhippa Perttusen säätiö. 1996 (in Finnish, in Karelian).

30. Ryagoev VD. *Samples of Karelian speech* [Рягоев В.Д. Образцы карельской речи]. Leningrad: Nauka. 1980 (in Russian, in Karelian).

31. Dal VI. *Explanatory dictionary of the Russian language* [Даль В.И. Толковый словарь русского языка]. Moscow: Eksmo. 2005 (in Russian).

Об авторах

ПАТРОЕВА Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой, кафедра русского языка, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>, WoS ResearcherID: ABF-7100-2020, Scopus AuthorID: 56732932100, Elibrary AuthorID: 405251, SPIN: 5886-7841, e-mail: nvpatr@list.ru

ПАШКОВА Татьяна Владимировна – доктор исторических наук, доцент, кафедра прибалтийско-финской филологии, заведующий кафедрой, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>, WoS ResearcherID: ABF-6994-2020, Scopus

AuthorID: 57209502603, Elibrary AuthorID: 654038, SPIN: 5886-7841, e-mail: tvpashkova05@mail.ru

About the authors

Natalia V. PATROEVA – Dr. Sci. (Philology), Professor, Chair of the Department of Russian language, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>, WoS ResearcherID: ABF-7100-2020, Scopus AuthorID: 56732932100, Elibrary AuthorID: 405251, SPIN: 5886-7841, e-mail: nvpatr@list.ru

Tatyana V. PASHKOVA – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Chair of the Department of Baltic-Finnic Philology, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>, WoS ResearcherID: ABF-6994-2020, Scopus AuthorID: 57209502603, Elibrary AuthorID: 654038, SPIN: 5886-7841, e-mail: tvpashkova05@mail.ru

Вклад авторов

Патроева Н.В. – формулирование идеи, разработка методологии исследования, надзор и руководство за планированием и выполнением исследовательской деятельности, подготовка черновика рукописи, комментирование или пересмотр рукописи

Пашкова Т.В. – разработка методологии исследования, проведение исследовательского процесса, подготовка черновика рукописи, редактирование текста

Authors' contribution

Natalia V. Patroeva – ideas, development or design of methodology, oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, preparation, creation of the published work

Tatyana V. Pashkova – development or design of methodology, conducting a research and investigation process, creation and presentation of the published work, writing – review & editing

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 02.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 13.06.2026

Принята к публикации / Accepted 19.06.2026

УДК 81'373.211

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-86-117>

Оригинальная научная статья

Сравнительно-типологический анализ мотивационных признаков ойконимов Якутии и Канады: универсальные и специфические черты

М. В. Самсонова¹ , Г. С. Доржиева², Ц. Гао³

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Якутск, Россия

²Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия

³Пекинская международная корпорация культурного развития,
Пекин, КНР

 mv.samsonova@svfu.ru

Аннотация

В статье представлен сравнительный анализ мотивационных признаков ойконимов Республики Саха (Якутия) и трех канадских территорий – провинции Альберта, Северо-Западных территорий и территории Нунавут. Выбор данных регионов обусловлен их природно-климатическим сходством, значительной площадью при низкой плотности населения и наличием автохтонных народов с традиционными видами хозяйствования. Исследование основано на анализе 36 ойконимов Якутии и 36 ойконимов Канады с применением описательного, сравнительно-исторического, этимологического и количественного методов. В работе рассматриваются универсальные черты, присущие ойконимическим системам обеих территорий, такие как многослойная топонимическая стратиграфия, иррадиация названий, связь с природно-географическими реалиями и коммеморативность, а также специфические особенности: преобладание автохтонных языковых пластов в Якутии и активное восстановление коренных названий в Канаде, наличие идеологически маркированных советских ойконимов в Якутии и антропотопонимов, связанных с миссионерской и колониальной историей Канады. Особое внимание уделяется анализу семантических групп ойконимов, отражающих природно-географические характеристики, хозяйственную деятельность и этнокультурные контакты. Сопоставление топонимического материала на двух континентах позволяет выявить как

© Самсонова М. В., Доржиева Г. С., Гао Ц., 2026

глубинные универсальные закономерности номинации, так и уникальные региональные стратегии именования населенных пунктов, отражающие этнокультурную историю и особенности освоения пространства народами Арктики и Севера. Результаты исследования вносят вклад в развитие сравнительной топонимики и лингвокультурологии, расширяя представления о механизмах топонимической номинации в полиэтничных регионах мира. Работа также демонстрирует, как историко-культурные процессы, включая колонизацию и деколонизацию, формируют топонимический ландшафт и влияют на идентичность местных сообществ.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), Канада, топонимика, ойконимы, мотивационные признаки, топонимическая стратиграфия, коренные народы, лингвокультурология, коммеморативность, природный ландшафт

Благодарности. Выражаем благодарность международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного федерального университета за поддержку

Для цитирования: Самсонова М.В., Доржиева Г.С., Гао Ц. Сравнительно-типологический анализ мотивационных признаков ойконимов Якутии и Канады: универсальные и специфические черты. *Арктика XXI век*. 2026;14(2):86–117. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-86-117>

Original article

Motivational features of oikonyms in Yakutia and Canada: a comparative-typological study of common and specific characteristics

Marianna V. Samsonova¹ , Galina S. Dorzhieva², Jianguo Gao³

¹ M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia

² Banzarov Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia

³ Beijing Yikas International Sports and Cultural Development Co., Ltd.,
Beijing, China

 mv.samsonova@svfu.ru

Abstract

This article presents a comparative analysis of motivational features of oikonyms (settlement names) in the Republic of Sakha (Yakutia) and three Canadian territories – the province of Alberta, the Northwest Territories, and the territory of Nunavut. The selection of these regions is justified by their climatic similarity, vast areas with low population density, and the presence of indigenous peoples with traditional

subsistence economies. The study is based on an analysis of 36 oikonyms from Yakutia and 36 from Canada, employing descriptive, comparative-historical, etymological, and quantitative methods. The research examines both universal features shared by the oikonymic systems of both regions – such as multi-layered toponymic stratigraphy, toponymic irradiation, connection with geographical realities, and commemorativeness – as well as region-specific characteristics, including the predominance of indigenous linguistic strata in Yakutia and the active revitalization of native place names in Canada, ideologically marked Soviet oikonyms in Yakutia, and anthropotonyms associated with the missionary and colonial history of Canada. Special attention is paid to the analysis of semantic groups of oikonyms reflecting physiographic characteristics, economic activities, and ethnocultural contacts. The cross-continental comparison of toponymic material reveals both deep universal patterns of naming and unique regional strategies of settlement designation, reflecting the ethnocultural history and the specific ways in which the peoples of the Arctic and the North have appropriated and conceptualized their spatial environment. The findings contribute to the development of comparative toponymics and linguoculturology, expanding the understanding of the mechanisms of toponymic nomination in polyethnic regions of the world. The study also demonstrates how historical and cultural processes, including colonization and decolonization, shape the toponymic landscape and influence the identity of local communities.

Keywords: Republic of Sakha (Yakutia), Canada, toponymics, oikonyms, motivational features, toponymic stratigraphy, indigenous peoples, linguoculturology, commemorativeness, natural landscape

Acknowledgments. We express our gratitude to the International Research Laboratory “Linguistic Ecology of the Arctic” at North-Eastern Federal University for its support

For citation: Samsonova M.V., Dorzhieva G.S., Gao J. Motivational features of oikonyms in Yakutia and Canada: a comparative study of common and specific characteristics. *Arctic XXI Century*. 2026;14(2):86–117 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-86-117>

Введение

Топонимы отражают историю и культуру эпохи, духовные ценности и представления народов, населяющих ту или иную территорию. «Изучение лингвокультурного наследия народов, содержащегося в географических названиях, позволяет пролить свет на особенности природных условий существования народов, практики освоения окружающего пространства и отражает характер межэтнических контактов» [1, с. 18].

В настоящей работе внимание будет уделено ойконимам – наименованиям населенных мест. В отличие от классов топонимов, называющих объекты природного происхождения, ойконимы являются названиями населенных пунктов, результата деятельности человека. Они фиксируют не только географические координаты, но и историческую память, миграционные волны, хозяйственный уклад, идеологические сдвиги и этнокультурную идентичность. В статье рассматриваются особенности наименований населенных пунктов Республики Саха (Якутия) и Канады.

Материалы и методы

Материалом исследования являются географические названий 34 районных (улусных) центров и 2 городских округов Республики Саха (Якутия) и 36 ойконимов Канады, городов провинции Альберта (Канада) (18 единиц), Северо-Западных территорий (6 единиц), территории Нунавут (12 единиц). Несмотря на расположение на разных континентах, изучаемые территории обнаруживают множество схожих черт, таких как расположение на одной географической широте, что обуславливает сходство климатических условий, огромные площади при низкой плотности населения северных территорий, наличие коренных народов со своими языками и самобытными культурами, ведущих традиционные виды хозяйствования (охота, рыбалка и др.). Топонимическая стратиграфия, «последовательность временных напластований и пространственного взаимоотношения комплексов географических названий на данной территории» [2], также обнаруживает сходства. В Якутии обнаруживаются тюркский, тунгусо-маньчжурский, монгольский, русский, чукотский, юкагирский пласты, а в Канаде – английский, французский, американоиндейский и инуитский пласты. Несмотря на различия в политическом устройстве и языковых традициях, их топонимические ландшафты демонстрируют как глубокие универсальные закономерности, так и ярко выраженную региональную специфику.

В работе использован комплекс методов и приемов синхронного и диахронического анализа ойконимического материала: описательный, сравнительно-исторический, этимологический, метод количественного анализа.

Исследователи ойконимии разных территорий отмечают следующие ключевые особенности исследуемого класса топонимов – ойконимов:

1. Помимо многослойности этимологии, обнаруживающей значительный пласт субстратной лексики, унаследованной от языков, ранее распространенных на данной территории, что присуще многим классам топонимов, ойконимы обнаруживают высокую степень адаптации к языку-реципиенту: фонетическую (утрата/замена звуков, метатеза), морфо-

логическую (агглютинация, деглютинация) и лексическую (эллипсис) [3]. Эта особенность отличает их от многих других типов топонимов, которые могут сохранять архаичные формы;

2. Ойконимы чаще, чем другие топонимы имеют социокультурную маркированность, отражая природные особенности местности [1], имена основателей или владельцев¹, исторические события и идеологические установки [4];

3. Грамматическая вариативность ойконимов, проявляющаяся в варьировании родовых окончаний [5], падежной вариативности [6], числовой вариативности [7], структурной вариативности [8];

4. Многим ойконимам присуща топонимическая полионимия или параллельные имена/ наименования, относящиеся к одному объекту номинации, одновременные и разновременные [2; 9; 10].

Единой универсальной классификации ойконимов не существует, в виду многомерности топонимической системы, требующей комплексного подхода, о чем писали в своих трудах А.В. Суперанская, Э.М. Мурзаев [11; 12]. Исследователи выделяют в ойконимии комбинацию следующих критериев:

1. *Семантический* – по значению и мотивации названия [13; 14];
2. *Структурно-словообразовательный* – по способу образования [15; 16; 17];
3. *Этимологический* – по языку-источнику и истории возникновения [18; 19; 20];
4. *Хронологический* – по времени фиксации названия [21];
5. *Ареальный* – по географическому распространению типа названия [22; 23; 24];
6. *Функциональный* – по роли в коммуникации [25; 26].

В настоящей статье основной исследовательский интерес фокусируется на семантических свойствах ойконимов – их этимологии, значении и мотивации. Под мотивационным признаком топонима в работе понимается его внутреннее смысловое значение, которое объясняет происхождение названия. «Это не просто “имя места”, а отражение определенных характеристик объекта (например, реки, горы, города), которые послужили основанием для его наименования» [27].

Ойконимия Республики Саха (Якутия) исследуется в трудах Багдарына Сютбэ – М.С. Иванова, автора фундаментальных трудов, словарей

¹ От Иннополиса до Усадьбы Жадины: что такое ойконимы и зачем их изучать. Forbes. 2021. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbeslife/437349-ot-innopolisa-do-usadby-zhadiny-cto-takoe-oykonimy-i-zachem-ih-izuchat> (дата обращения: 17.04.2026).

по топонимике, основоположника якутской топонимики, посвятившего более 50 лет изучению топонимов нашей республики. Ученый посвятил отдельный труд ойконимам республики [28], где подробно останавливается на происхождении названия каждого улуса и его центра, и приводит существующие версии этимологии с обоснованием и ссылкой на разные источники, как научные труды, так и свидетельства информантов из разных улусов. На основе трудов Багдарына Сюлбэ и с дополнениями из других источников коллективом авторов филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова под руководством Т.М. Никаевой был выпущен «Словарь топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты, наслеги, улусы, районы» [29], где также подробно описываются названия улусов и районов с разными версиями их происхождения. Различные аспекты ойконимов рассматривались также в трудах Н.Г. Самсонова [30], Багдарына Ньургун Сюлбэ уола [31; 32], Г.Н. Курилова [33], В.А. Кейметинова [34], А.А. Бурыкина [22; 23], Г.М. Василевич [35] и др.

Результаты и обсуждение

«Географические названия представляют собой древнейшую часть живого культурного наследия человечества, поскольку они передаются изустно из поколения в поколение в течение сотен и даже тысяч лет. На тех континентах, где европейцы насаждали свои языки и названия, тем не менее, сохранилось много названий коренных народов, которые свидетельствуют о существовании более ранних цивилизаций. Во многих случаях единственными уцелевшими элементами исчезнувших языков являются географические названия, представляющие огромную историческую и лингвистическую ценность. Географические названия отдельного города, региона, страны и пр. представляют собой бесценную сокровищницу человеческого опыта и знания. Даже недавно появившиеся названия поселков, улиц, площадей и т.д. также формируют часть этой коллективной ономастической памяти и культурного наследия» [36, с. 105].

Для сравнения с ойконимами Республики Саха (Якутия) выбор территории канадской провинции Альберта и двух территорий, Нунавут и Северо-Западных территорий, был обусловлен следующими факторами: сходство природных ландшафтов и наличие коренных народов Северной Америки: черноногие, сиксика, кайна, северные пиеганы, кри, стоуни, цуутина, оджибве, сарси, гуроны, инуиты и др. Известно, что многие автохтонные топонимы были заменены переселенцами из Европы названиями на английском и французском языках, но некоторые из них все же остались в топонимиконе Канады. Так, само название страны

произошло от слова *kanata*, что означает ‘деревня’ или ‘поселение’ на языке гуронов-ирокезов². В таблице 1 перечислены основные характеристики двух территорий для сравнения.

Таблица 1

Сравнение основных характеристик изучаемых территорий

Table 1

Comparison of the main characteristics of the study areas

<u>Республика Саха (Якутия), Российская Федерация</u>	<u>Канада</u>
<i>Территория:</i> 3 103 200 км ²	<i>Территория:</i> провинция Альберта – 661,8 тыс. км ² ; Северо-Западные территории – 1 346 106 км ² ; 2 093 190 км ²
<i>Ландшафт:</i> Тайга, горы, плоскогорья, тундра, развитая система рек и озер.	<i>Ландшафт:</i> Тайга, скалистые горы, равнины, развитая система рек и озер.
<i>Население:</i> 1,07 млн.	<i>Население:</i> провинция Альберта 4,75 млн; Северо-Западные территории – 42 940 человек; Нунавут – 39 353 чел.
<i>Количество ойконимов – 36:</i> 34 районных центра и 2 городских округа.	<i>Количество ойконимов – 36:</i> 18 провинции Альберта, 6 Северо-Западных территорий, 12 территории Нунавут.
<i>Топонимическая стратиграфия:</i> Тюркский, тунгусо-маньчжурский, монгольский, юкагирский, чукотский, русский страты.	<i>Топонимическая стратиграфия:</i> Американдейский, инуитский, английский, французский страты.

² История Канады: происхождение названий канадских провинций и территорий. Режим доступа: <https://nashvancouver.com/istoriya-kanady/> (дата обращения: 17.04.2026).

Для анализа было отобрано 36 административных ойконимов Республики Саха (Якутия), 34 из которых являются названиями центров районов (улусов) и 2 являются названиями городских округов. Анализ ойконимов РС(Я) по происхождению (рис. 1) показал, что подавляющее большинство имеет тюркское (якутский язык) (25%) и тунгусо-маньчжурское (эвенкийский, эвенский языки) (25%) происхождение. Далее следуют ойконимы на русском языке (13,8%), ойконимы на якутском языке, имеющие монгольское происхождение (11%), ойконимы неясного происхождения, по которым существует несколько версий на разных языках (11%), ойконимы-гибриды, в которых компоненты принадлежат двум разным языкам (11%), и юкагирского происхождения (3,6%).

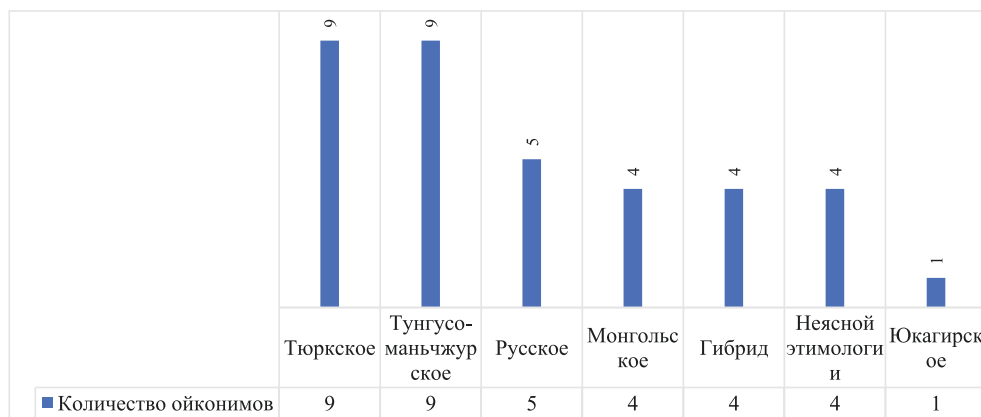

Рис. 1. Происхождение ойконимов Республики Саха (Якутия)

Fig. 1. Origins of the oikonyms of the Republic of Sakha (Yakutia)

Всего было исследовано 36 ойконимов Канады, крупных городов и поселений провинции Альберта (Канада) (18 единиц), Северо-Западных территорий (6 единиц), территории Нунавут (12 единиц). На графике видно, что в отличие от территории Республики Саха (Якутия), языки автохтонов Канады, индейцев кри, черноногих и т.д. представлены в провинции Альберта совсем слабо, что свидетельствует о том, что переселенцы из Европы постарались максимально освоить эти земли, сделать их своими. Замена названия свидетельствует о смене хозяев на этих землях, что является свидетельством исторического притеснения коренных народов. Что касается малонаселенных холодных Северо-Западных территорий и территории Нунавут, являющейся одной из самых молодых территорий Канады, где подавляющее большинство населения инуиты, то там многие автохтонные названия сосуществуют

с ойконимами, переведенными и картографированными на английском языке. Это также свидетельствует о непростой истории данного края, где колонизация оставила глубокий след в топонимике, порой вытесняя на картах исконно существовавшие названия.

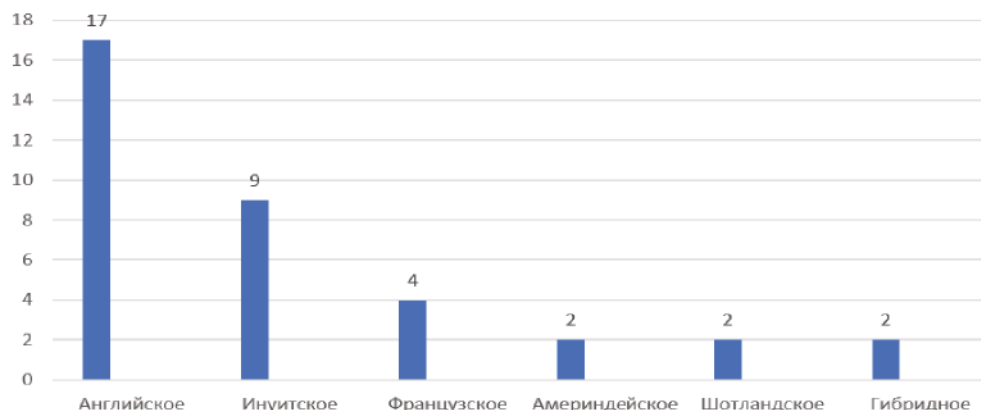

Рис. 2. Происхождение топонимов провинции Альберта, территории Нунавут и Северо-Западных территорий Канады

Fig. 2. Origins of toponyms in the province of Alberta, the territory of Nunavut, and the northwest territories of Canada

Подавляющее большинство ойконимов всей Канады представлено на английском и французском языках, что отражает историю колонизации. Встречается много ойконимов на английском языке с компонентом *-ton*, *-burg*, *-ville*, *-dale*, а также в ойконимах прослеживается связь с британской королевской семьей: *Victoria*, *Kingston*, *New Westminster*. Однако на изучаемых территориях (см. рис. 2) на втором месте после английских ойконимов оказались инуитские ойконимы, что отражает современную внутреннюю политику Канады. Территория Нунавут – самая крупная и новая территория в составе Канады. Название на языке инуитов означает ‘наша земля’³. Основной язык территории – эскимосский язык инуктитут, включая его западный диалект инуиннактун. Другие официальные языки – английский и французский. В последние годы в Канаде стараются разделить этнический и территориальный аспекты административного структурирования, развести их друг от друга.

³ Ванкуверок. Ваш гид по Канаде. Режим доступа: <https://vancouverok.com/> (дата обращения: 17.04.2026).

В 1999 г. инуитский автономный округ – Территории Нунавут, занимающий 1/5 части Канады (2 млн км²) создан на заведомо территориальном принципе. Федеральное правительство приняло все меры, чтобы снизить его «этнический» аспект: значительные прилегающие территории с преобладанием также инуитского населения были оставлены за пределами Нунавут, в котором в настоящее время проживает более 50% или 29 000 инуитов [1, с. 67].

Провинция Альберта названа в честь британской принцессы Луизы Каролины Альберты (1848–1939), четвертой дочери королевы Виктории и ее отца, принца Альберта. Луиза была женой маркиза Лорна, генерал-губернатора Канады с 1878 года по 1883 год. В честь нее также названы озеро Луиза, деревня Каролин и гора Альберт⁴. В ойконимах на французском языке часто встречаются структуры с компонентом *Saint-*, например, город в Квебеке *Sainte-Thérèse*, также часто встречаются французские топоформанты *-ville*, *-bourg*.

Система образов, закрепленных в топонимии, тесно связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях. Человек исходит из своих ощущений в восприятии пространства, которые он сам привносит в мир и которые обусловлены его человеческой природой и принципами жизнедеятельности [1, с. 13].

К универсальным чертам ойконимических систем Якутии и Канады относится богатая топонимическая стратиграфия на языках народов, заселявших территорию в разное время, на которые наслаиваются современные наименования, иногда вытесняя, иногда адаптируя предшествующие формы.

В статье, согласно сложившейся традиции, выделяется два класса топонимов: 1) топонимы, отражающие природно-географические признаки реалий; 2) топонимы, отражающие практическую деятельность человека [36, с. 27].

Ойконимы, отражающие природно-географические признаки

Топонимы, описывающие особенности природы очень много во всех топонимиконах мира. Это обусловлено тем, что в старину люди ориентировались на местности исключительно по ландшафту. Подавляющее большинство отобранных ойконимов в нашем материале, относятся к топонимам, отражающим природно-географические характеристики. Имядатели выделяли объекты по самым ярким, очевидным признакам:

⁴ Словарь географических названий зарубежных стран. 1986. Режим доступа: <https://clck.ru/3USWNP> (дата обращения: 17.04.2026).

цвету, форме, характеру. Значительная часть древних ойконимов на языках автохтонов двух территорий восходит к описанию ландшафта, гидрографии, фауны, флоры. В основе их мотивации, особенно на ранних этапах их возникновения, лежат названия рек, озер, геоморфологических образований, характер растительности, сезонные явления, важные для хозяйственной деятельности. Часто обнаруживается при изучении истории появления ойконимов, что населенному пункту дается название по близлежащим географическим объектам, названию реки, горы, долины и т.д. Подобная иррадиация названий наблюдается в топонимике, как особый способ образования топонимов, при котором название одного объекта распространяется на близлежащие. В ономастике данное явление называется трансонимизацией, под которой понимается переход онимов из одного класса в другой [38, с. 347]. В ойконимах изучаемых территорий часто встречается такой переход, например, из оронимов в ойконимы, из гидронимов в ойконимы.

Оторонимические ойконимы

Высокая частотность топографических, описательных топонимов объясняется реализацией их первичной функции – локализация географического объекта в пространстве и сознании человека. Оронимы – собственное название объекта рельефа местности: горы, хребта, долины, холма и т.п. [1]. В данной группе ойконимов основным мотивационным признаком является топографическая характеристика, геоморфологический признак, какая-то характерная, особенность рельефа. Название поселка городского типа Белая Гора, районного центра Абыйского улуса, является переводом с якутского *Үрүн Хайа* ‘белая гора’. Мотивационной основой для появления такого ойконима послужил светлый оттенок горной породы возвышенности, расположенной рядом с поселком [30, с. 44]. Оба компонента ойконима *Үрүн Хайа* имеют тюркское происхождение: PTurk. **ürün* (**örün*) 1 white 2 dawn (1 белый 2 рассвет): Yak. *ürün* 1, *örüös*, *ürüös* ‘белая кайма на морде’ [40, с. 1040], PTurk. **K(i)aja* 1 rock 2 mountains 3 slope (1 скала 2 гора 3 склон): Yak. *Xajá* [40, с. 630]. К этой же категории ойконимов может быть отнесено название поселка Сангар, центра Кобяйского района. Ойконим происходит от эвенкийского *сау́р* дыра [35], ‘дыра, отверстие, щель, дупло, яма, пещера’ [28, с. 51]. Поселок расположен у подножия сопки с таким же названием, таким образом, здесь также может быть выделен мотивационный признак «топографическая характеристика (геоморфологическое образование)». Такой же мотивационный признак лежит в основе названия села Хонуу, центра Момского района (улуса) или Момского национального эвенского улуса. Якутское слово *хонуу* обозначает ‘поле, поляна, луг’, но также

и ‘ночевка’ [39]. Слово имеет монгольское происхождение и связано с понятием ночевки на открытой местности. Прослеживается этимологическая связь с монгольским *хонох* ‘ночевать, проводить ночь; исчислять время в сутках’ [41, с. 1763], *QONUγl* (*qonu-γ*) халх., бур. *хоног*, калм. *хонг* сутки; ночевка, ночлег [42, с. 54]. Мотивационный признак ойконима основан на выделении топографических особенностей местности, геоморфологических характеристик. Еще один ойконим такого типа – название поселка Усть-Нера, центра Оймяконского улуса, является гибридным. Первый компонент ойконима *Усть* образован от русского *устье* – «место впадения реки (в море, озеро и т.п.), конечный участок нижнего течения реки» [43], и действительно, здесь река Нера впадает в реку Индигирка. По происхождению второго компонента-гидронима Нера или *Ньара* по-якутски, существуют две версии, первая выдвинута Г.Н. Куриловым от юкагирского *ньара* ‘горка, холм’ [44, с. 310], вторая версия о тунгусо-маньчжурском происхождении выдвинута Багдарыном Сюлбэ [28, с. 81] от эвенкийского *няру* ‘топкое озеро’ *няруткән* ‘заболоченное озеро’ [45]. Еще один гибридный ойконим – село Батагай-Алыта, по-якутски *Баатаҕай Алыта* – это районный центр Эвено-Бытантайского национального улуса. Ойконим имеет гибридное юкагирско-якутское происхождение. По мнению Б. Сюлбэ, название местности произошло от антропонима *Баатаҕай*, перешедшего в разряд генонимов, названия якутского рода, который, расселяясь по разным улусам республики, называл именем рода реки, наслеги в новых местах [29, с. 41]. И действительно, топонимы с таким компонентом встречаются не только в Эвено-Бытантайском улусе, но и в соседнем Верхоянском (с. Батагай), в Момском (река Батагай-Юрях), в Нюрбинском (озеро Батагай), в Хангаласском (река Батагай-Баса) и в др. Что касается значения данного антропонима, то Ю.Г. Курилов выдвинул гипотезу о том, что *Баатаҕай* может происходить от древнего юкагирского слова *патага/батага*, где *па/ба* имеет значение ‘женщина’, а *тага/тэгэ* является увеличительным суффиксом со значением ‘большой, великий’, то есть ‘великая женщина’ [33, с. 24]. Второй компонент якут. *алыы* – ‘узкая речная долина, поросшая кустарником, молодыми березками’ [39, Т. 1, с. 441], может восходить к общетюркскому корню *ал-/ала* со значением ‘отдельный, выделенный’, который в ландшафтной лексике развился в обозначение «открытого, ровного места»: PTurk. **ala-n / *ala-η level ground, plain* (равнина): Yak. *alās, al* [40, с. 1120]. Прямые параллели обнаруживаются в татарском *alan*, казахском *alang*, турецком *alan*, башкирском *yalan* и других тюркских языках со значением ‘поляна, прогалина, равнина’ [45, с. 69]. Таким образом, структура ойконима представляет

собой: антропотопоним (в честь рода) + топографические особенности местности (рельеф + характеристика растительности).

В канадской ойконимии нам встретился один оторонимический ойконим на языке кри – Ветаскивин (*Wetaskiwin*), от *wītaskiwinīhk* на языке кри, означающего ‘холмы, где был заключен мир’. Мотивационная основа ойконима «Топографические характеристики (геоморфологические особенности)» + событие. В Канаде также часто встречаются ойконимы с мотивационным признаком «топографическая характеристика», отражающие любопытное явление, которое мы назвали ‘тоска по родине’ переселенцев из Великобритании. Они относились к категории вторичных топонимов или перенесенных названий. Так, Калгари (*Calgary*) это ойконим на шотландском гэльском *Cala Ghearraidh* (произносится *кала йа-пи*) – гэльское название небольшой бухты и поселка на острове Малл в Шотландии, означающее ‘пляж луга’ или ‘заливная ферма’. Это место знаменито своим белым песчаным пляжем, живописной местностью и послужило источником названия для канадского города Калгари в Альберте⁵. Город Камроуз (*Camrose*) в провинции Альберта также является перенесенным названием, предположительно от деревни *Camrose* в Пембрукшире (Уэльс, Великобритания). Валлийское слово *Camros* происходит от слов, означающих ‘кривая’ или ‘извилистая пустошь’⁶.

Отгидронимные ойконимы

Частым примером трансонимизации в ойконимии изучаемых территорий является переход из гидронимов в ойконимы. Люди с древнейших времен селятся возле рек и озер по нескольким фундаментальным причинам, которые связаны с базовыми потребностями выживания: доступ к пресной воде, водоемы, богатые рыбой, водоплавающими птицами и другими животными, реки служат естественными транспортными артериями, поймы рек особенно отличаются плодородными почвами, а также близость к воде смягчает климат, летом вода дает прохладу, в холодное время – тепло. Большинство крупных городов мира располагаются у водоемов и принцип называть города по близлежащему гидрониму наблюдается по всему миру: г. Москва от р. Москва, г. Вологда от р. Волга, г. Томск от р. Томь, г. Ангарск от р. Ангара, г. Минск от р. Мень, г. Вильнюс от р. Вильня, Амстердам от р. Амстель, г. Люблина от р. Люблиница, г. Оттава от р. Оттава, г. Детройт от р. Детройт и др.

⁵ Calgary. Wikivoyage. The free worldwide travel guide that you can edit. Режим доступа: <https://www.camrose.ca/recreation-culture/history-and-heritage/history-of-camrose/#:~:text=The%20hamlet%20was%20initially%20known,a%20M%C3%A9tis%2C%20and%20Ole%20Bakken> (дата обращения: 17.04.2026).

⁶ Там же.

Из 36 ойконимов Якутии 8 образованы от гидронимов. Так, по названию реки Амга, на якутском Амма, назван Амгинский улус и его районный центр село Амга. Данный ойконим имеет тунгусо-маньчжурское происхождение от эвенкийского *амуа* ‘рот, уста; отверстие; вход (в нору); устье реки’⁷, и относится к группе ойконимов с мотивационным признаком «Топографическая характеристика». Город Ленск, центр Ленского района, стоит на берегу реки Лена. Ойконим Ленск происходит от гидронима Лена с топоформантом *-ск*. Существует несколько версий относительно происхождения названия реки Лена. Наиболее признаваемой является версия Багдарына Сюлбэ о гибридном эвенско-эвенкийском происхождении гидронима. Вероятно, первыми Лену заселили эвены и называли ее *Ули* ‘река’, затем эвенов оттеснили эвенки и, переняв эвенское название, стали называть великую реку *Ули йэнээ*, по-эвенкийски *йэнээ* ‘река’. Якуты стали произносить *Элиэнэ*, *Өлүөнэ*, в русской адаптации Лена [28, с. 37].

Город Нюрба, по-якутски *Ньурба*, является центром Нюрбинского улуса. Ойконим появился на основе гидронима – большого озера Ньурба, существовавшего на севере города до 1824 г., пока его не спустили в р. Вилюй для увеличения сенокосных угодий и полей. На берегах в древности проживали эвенские роды, которых называли «Нюрмагат-Нюрбагат, т.е. жители (озера) Нюрма-Нюрба» [28, с. 152]. В словаре топонимов РС(Я) приводится тунгусо-маньчжурская версия происхождения слова [29, с.202] от эвенкийского *нюрма* ‘1) стрела; 2) стрела (с железным наконечником); 3) стрела (длинная деревянная)’ [48]. По версии тунгусоведа В.А. Туголукова гидроним имеет самодийское происхождение, основа *нюр* уводит далеко на запад и означает в финно-угорских языках ‘болото’, и выдвигает предположение, что *нюрба* означает ‘болотная местность’ [28, с. 154].

Село Оленек, центр Оленекского национального эвенкийского улуса, по-якутски *Өлөөн*, является одним из сложных для этимологизации ойконимов. Наиболее распространена версия о происхождении от эвенкийского *олон* ‘брод’ [28, с. 156], что может соответствовать действительности, так как «главнейшим источником существования оленекских тунгусов была охота на диких оленей, особенно в местах переправы стад через реку Оленек» [47].

Еще один отгидронимный ойконим – город Олекминск, центр Олекминского улуса, название города созвучно названию реки якут. *Өлүөхүмэ*. Багдарын Сюлбэ приводит еще один зафиксированный

⁷ Эвенкийско-русский словарь. Режим доступа: <https://www.evengus.ru/slovari/evk-rus/> (дата обращения: 17.04.2026).

вариант *Олоохуна*. Большинство якутских ономастов склоняются к тунгусо-маньчжурской версии происхождения гидронима от эвенкийского *улукии*, *олокии* ‘белка; беличье’ [28, с. 156], *улукий* ‘белка’ [35].

Город Среднеколымск – центр Среднеколымского улуса, по-якутски Орто Халыма. Существует три улуса, расположенных на берегах реки Колыма: Верхнеколымский, Среднеколымский, Нижнеколымский. Еще в XVII в. «бассейн реки Колыма был разделен на три зимовья (верхнее, среднее и нижнее), что и сохранилось до наших дней в виде трех улусов» [28, с. 130]. Этимология древнего гидронима сложная, существует 6 разных версий: 1) от якутского *холомо* ‘старинное жилище, крытое лиственной корой, на зиму засыпаемое землей и снегом’ [28, с. 130]; 2) от эвенкийского *голомо*, *гулун* ‘костер, очаг, дом’ [34, с. 124]; 3) от общего древнего корня в чукотско-корякских, тюркских гидронимах *-куул*, *-коол*, *-куюл*, *-кюель* ‘река’, *-кель*, *-кулу* ‘озеро’ возможно родовой термин ‘река’ подверглось онимизации [48, с. 198]; 4) от чукотского *Куй-вивээм* ‘наледная река’ [49, с. 54]; 5) от юкагирского рода *когимэ* [50]; 6) от юкагирского ‘рыба-мать’ с компонентами *кал(а)*, *кол(о)* ‘рыба’ и *эмэй* ‘мать’ [29, с. 79].

Еще один отгидронимный ойконим, село Сунтар Сунтарского улуса производно от названия оз. Сунтаар от эвенк. *сунта* ‘глубина, глубокий’ [35]. Существует предание о том, как появился этот гидроним от имени старика тунгуса по имени Сунтаар, жившего на острове посреди озера [28, с. 156].

Село Ытык-Кюель, центр Таттинского улуса, также является отгидронимным ойконимом от озера якут. *Ытык Куөл*, вокруг которого образовалось село. Гидроним происходит от якутского *ытык*, от PTurk. **iduk sacred (священный)*: Yak. *itiq*. [40, с. 611], и якут. *куөл* PTurk. **[k]öl lake (озеро)*: Yak. *Küöl* ‘священное озеро’ [40, с. 834].

Следующий отгидронимный ойконим относится к пласту с неясной этимологией. Поселок городского типа Хандыга (якут. *Хаандыга*) – центр Томпонского района. Первая фиксация в словаре данного топонима отмечается в словаре Э.К. Пекарского (изданного в 1907 году) «Хандыга – большая река, правый приток Алдана; 2) название елани в 1-м Игидейском наслеге Ботурусского (ныне Таттинского) улуса Якутского округа» [51, с. 3299]. Ойконимом данный топоним стал только в 1938 году, когда здесь был разбит первый лагерь геологов, а районным центром поселок стал только в 1954 году. Народная версия гласит, что «в 1939 году партия сказала “надо”, и началось строительство трассы от Алдана до Оймякона. Это был мегапроект, жизненно важный для региона. <...> Назвали поселок Хандыгой в честь горной речки не-

подалеку. Название с якутского переводится жутковато – ‘кровь бьет’ (Хаан тыгар). Местные говорят, что река бурная и многих унесла на тот свет, а на закате вода реально кажется красной»⁸. Подтверждая данную примечательную особенность реки (находящейся в 18 км от поселка), ручей, протекающий рядом с п. Хандыга, называется якут. *Хааннаах Ырүйэ* ‘Кровавый ручей’. Но наличие топонима Хандыга в других улусах, например, реки Хандыга Юрягэ (якут. *Хаандыга Ырэбэ*) в Мегино-Кангаласском улусе, реки Хандыган-Дыранг (якут. *Хаандыган Дыранг*) в Анабарском улусе республики, озера Хандыга (якут. *Хаандыга*) в Усть-Алданском улусе, позволяет усомниться в народной версии этимологии. В словаре у Э.К. Пекарского находим слово монгольского происхождения: «*хандабай* [ср. *ханда*, *хандабан* в бурятском *xandagai*, *kandagai* в значении ‘лось, сохатый’]». Там же, находим следующее: *хандабан* [ср. *хандабай*, маньчж. каньдахань ‘лось-самец с плоскими рогами’], в русско-эвенкийском словаре находим *кандага* ‘лось, сохатый’ [35]. Лоси водятся на всей территории Якутии, в республике зафиксирована самая высокая численность лосей в России⁹. Для любого охотника во все времена лось был желанной добычей, мясо крупного животного (до 680 кг) имеет отличные вкусовые качества. Неудивительно, что данный зооним является одним из частотных в топонимиконе республики. Существует огромное количество топонимов с названием лося на якутском *тайах*, *анабы*, *анамы*, эвенкийском *анам*.

Еще один отгидронимный ойконим город Алдан, столица золотодобывающей промышленности, является центром Алданского района. Существует несколько версий происхождения древнего гидронима реки Алдан. Этимология слова ошибочно возводится в некоторых работах к общетюркской основе *алтан* ‘золото’. Но река протекает на территории расселения эвенков-оленьеводов и золото начали добывать в районе только в 1920-х годах. Наиболее вероятная тунгусо-маньчжурская версия происхождения отсылает к эвенкийскому ‘каменистое место’, от эвенкийского *олдбн* ‘бок’ [35], от эвенского ‘сбоку текущая’ [34].

⁸ Лига историков. Откуда в Якутии летающая тарелка? Немного об истории Хандыги. Веб-портал «Пикабу». Режим доступа: https://pikabu.ru/story/otkuda_v_yakutii_letayushchaya_tarelka_nemnogo_ob_istorii_khandyigi_13696387?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing (дата обращения: 17.04.2026).

⁹ Высокая численность лосей зафиксирована в Якутии // Сетевое издание «Якутское-Саха Информационное Агентство (ЯСИА)». Режим доступа: <https://ysia.ru/vysokaya-chislennost-losej-zafiksirovana-v-yakutii/> <https://ysia.ru/vysokaya-chislennost-losej-zafiksirovana-v-yakutii/> (дата обращения: 17.04.2026).

К отгидронимным ойконимам относятся также названия городов Вилуйск, якут. *Бүлүү*, Верхневилуйск, якут. *Үөһээ Бүлүү*, центров одноименных улусов. Оба города стоят на реке Вилуе, якут. *Бүлүү*. Этимология слова спорная, Багдарын Сюлбэ возводит этимологию слова к монг.-бурят. ‘глухой (о тайге)’ [28, с. 125]. Отнесем мотивацию ойконима к особенностям лесного массива на берегах реки.

В канадских ойконимах также встречаются отгидронимные названия, когда населенный пункт назван по близлежащему водному объекту. Город Колд Лейк (Cold Lake ‘Холодное озеро’) провинции Альберта, расположенный на берегу одноименного озера. Это земли народов дёнесулинэ и кри, которые называли озеро *Киносоо*, что переводится как ‘Большая рыба’¹⁰. Город Честермир (Chestermere) назван в честь озера Честермир, искусственного водохранилища, построенного в 1880 году¹¹. Само слово происходит от староанглийского слова *ceaster* (от латинского слова *castrum* ‘военный лагерь’) и от староанглийского *mere*, означающего ‘озеро’ или ‘пруд’¹². Название города Fort Saskatchewan произошло от названия реки Саскачеван, от *kisiskâciwan-sîpiy*, что на языке кри означает ‘быстрая река’¹³. Назван в честь форта, построенного Северо-Западной конной полицией в 1875 году.

Отдримонимические ойконимы

На обеих территориях встречаются ойконимы, происходящие от названий лесных участков, растительного покрова. Село Бердигестях Горного улуса происходит от якутского *бэрдьигэс* ‘маленькая сосна; молодой сосняк’ [39, с. 280] с аффиксом принадлежности *-тээх*, *Бэрдьигэстээх*, то есть ‘с молодым сосняком’. Недавно ставший столицей Мегино-Кангаласского улуса поселок Нижний Бестях, по-якутски Аллараа Бэстээх от *аллараа* нижний; *бэс* ‘сосна’ [39, с. 888], получается ‘Нижний с соснами’. По бинарной оппозиции в топонимике есть также Верхний Бестях, якут. *Үөһээ Бэстээх*. Хозяйственное значение сосны не требует пояснений, это самый распространенный строительный материал в Якутии. В канадских ойконимах провинции Альберта встретилось название Спрус Грув (Spruce Grove) от *spruce* – в переводе с английского означает ‘ель’ и *grove* – переводится как ‘роща’ или ‘небольшой лесок’. Первые

¹⁰ Cold Lake. Режим доступа: <https://www.kupi.com/en-ae/explore/canada/cold-lake/history> (дата обращения: 17.04.2026).

¹¹ City of Chestermere. Режим доступа: <https://thecityofchestermere.ca/> (дата обращения: 17.04.2026).

¹² Там же.

¹³ Place names. Encyclopedia of Saskatchewan. Режим доступа: https://esask.regina.ca/entry/place_names.html (дата обращения: 17.04.2026).

шотландские и французские поселенцы, обосновавшиеся в этом районе в 1891 году, выбрали это название из-за густых высоких елей, которые росли вокруг будущего поселения¹⁴.

Животный мир

Богатый животный мир представлен в названиях районных центров Якутии только в одном ойкониме – город Нерюнгри. Неподалеку протекает река Нерюнгра, что переводится с эвенкийского как ‘Хариусная река’¹⁵. Название происходит от эвенкийского названия хариуса *ниру, неригэ* [35].

В Канаде ойконимы на основе зоонимов отражают объекты охоты. Так, в провинции Альберта название города Ред Дир (Red Deer) представляет собой неправильный перевод на английский язык гидронима на языке кри – Васкасу Сипи, что означает ‘река Вапити’ или ‘река Лося’. Североамериканских лосей (также известных как *wapiti*) часто путают с европейскими краснорогими оленями¹⁶. Это еще один отгидронимный ойконим, созданный на основе кальки. В провинции Нунавут ойконим Талойоак или Талурьяк (Taloyoak, Talurjuaq) на инуктитуте означает ‘большое укрытие для охоты на карибу’. Эти укрытия строились из сложенных камней вдоль миграционных путей карибу¹⁷. Еще одно название Пангниртанг (Pangnirtung) на языке инуктитут Панниктуук (Panniqtuuk) переводится как ‘место, где много карибу’¹⁸. Название столицы территории Нунавут, города Икалуит (Iqaluit) означает на языке инуктитут ‘место, где много рыбы’¹⁹.

Название крупной деревни Арвиат (Arviat), означающее на языке инуктитут ‘Место гребневого кита’²⁰, и помечает место охоты на

¹⁴ History of Spruce Grove. The city of Spruce Grove. Режим доступа: <https://www.sprucegrove.org/community/about-spruce-grove/history-of-spruce-grove/> (дата обращения: 17.04.2026).

¹⁵ О городе Нерюнгри. МБУК «Нерюнгринский музей истории освоения Южной Якутии имени И.И. Пьянкова». Режим доступа: <https://www.museum-neru.ru/wikipedia-nerungri.html> (дата обращения: 17.04.2026).

¹⁶ Red Deer, Alberta facts for kids. Kiddle encyclopedia. Режим доступа: https://kids.kiddle.co/Red_Deer,_Alberta#:~:text=from%20today's%20city.,How%20Red%20Deer%20Got%20Its%20Name,settle%20on%20the%20rich%20land (дата обращения: 17.04.2026).

¹⁷ Nunavut's Travel Industry Association. Режим доступа: <https://travelnunavut.ca/community/taloyoak> (дата обращения: 17.04.2026).

¹⁸ Там же.

¹⁹ About Iqaluit: history & milestones. City of Iqaluit. Режим доступа: <https://iqaluit.ca/visitors/explore-iqaluit/history> (дата обращения: 17.04.2026).

²⁰ Nunavut's Travel Industry Association. Режим доступа: <https://travelnunavut.ca/community/arviat> (дата обращения: 17.04.2026).

гренландских китов. Если раньше это было традиционным видом хозяйствования на данной территории, то в настоящее время Федеральное министерство рыболовства и океанов Канады выдает коренным народам квоты на добычу пяти гренландских китов в год на всю территорию Нунавута²¹.

Топонимы, отражающие практическую деятельность человека

Коммеморативность и идеологическая маркировка ойконимов является одной из универсальных черт, присущих данному классу топонимов независимо от территории. Населенные пункты часто переименовываются в честь политических деятелей, исследователей, святых, религиозных деятелей или в соответствии с государственной идеологией. Этот процесс отражает централизацию власти и стремление администрации закрепить символическое присутствие на периферии.

Вышеописанные ойконимы с мотивационным признаком, отражающим природно-географические признаки, относятся к подавляющему большинству, но при этом стоит оговориться, что человек помечает пространство названиями, связанными напрямую с его хозяйственной деятельностью, с точки зрения практического применения информации о местах, богатых рыбой, дичью, о характере растительного покрова для сенокоса, выпула скота, деревьев для строительства, о местах, опасных для жизни или удобных для переправы и т.д. И получается, что практически любой топоним так или иначе связан с хозяйственной деятельностью человека. Ниже мы выделили ряд топонимов, в структуре которых встретились компоненты, напрямую отсылающие к человеку и его деятельности.

Отантропотопонимные ойконимы

На территории Республики Саха (Якутия) из 36 ойконимов 5 (13,89%) происходят от имени человека. Данный тип ойконимов относится к мемориальным, увековечивающим память о человеке, который может иметь или не иметь прямого отношения к данной местности. Так, Зырянка – поселок городского типа, центр Верхнеколымского улуса, назван в честь енисейского казака К.Д. Зыряна, первооткрывателя р. Колымы.

Поселок городского типа Батагай, на якут. *Баатабай*, центр Верхоянского района. Ойконим происходит от юкагирского ‘великая женщина’ [28], который впоследствии стал именем якутского рода. Ойконим Борогонцы, якут. *Борогон*, название центра Усть-Алданского улуса. Ойконим происходит «от монг. имени “Борогон”, а вскоре и имя якутского рода» [29, с. 63]. Багдарын Сюлбэ приводит данные И.С. Говорова,

²¹ Three Nunavut communities approved for 2020 bowhead harvest. Nunatsiaq News. Режим доступа: <https://nunatsiaq.com/stories/article/three-nunavut-communities-approved-for-2020-bowhead-harvest/> (дата обращения: 17.04.2026).

писавшего в 1887 г., что «родоначальником Борогонского улуса был внук Эллэй Боотура, сын Дэли Дархана – Борогон Джуорту» [28, с. 170]. Из более поздних антропотопонимов примером является название поселка городского типа Черский. Административный центр Нижнеколымского района назван в честь геолога и географа, исследователя Сибири И.Д. Черского (1845–1892), умершего во время экспедиции на Колыме [29, с. 332]. Городской округ Жатай назван по имени человека Сатай ‘растрепанный, разболтанный’, жившего рядом [29, с. 109].

В Канаде топонимов с антропонимами встречается гораздо больше, чем в Якутии, из 36 канадских ойконимов 10 (27,78%) являются антропотопонимами. Еще одной примечательной особенностью Канады, где была очень важна роль миссионеров-священников, проповедовавших среди местных народов, является наличие ойконимов, содержащих имена деятелей церкви. В исследуемых ойконимах город Ледюк (Leduc) назван в честь отца Ипполита Ледюка, франко-канадского священника, служившего в этом районе. Существует спор о том, как это название стало официальным. По одной из версий, поселение было названо в честь Ледюка министром внутренних дел Эдгаром Дьюдни. Другая версия гласит, что поселенец, основавший местную телеграфную контору, которой нужно было дать название, решил назвать поселение в честь первого человека, вошедшего в дверь конторы, которым оказался Ледюк²². Город Летбридж (Lethbridge) назван в честь Уильяма Летбриджа (1825–1901), юриста из Англии. Летбридж был первым президентом компании North Western Coal and Navigation Company, горнодобывающей компании, основанной в Летбридже провинции Альберта, в 1882 году. Александр Тиллох Галт назвал город Летбридж в его честь, пытаясь убедить его инвестировать в новую компанию. Однако Летбридж так и не поехал в Канаду²³. Город Брукс (Brooks) назван в честь Ноэля Эджелла Брукса, канадско-тихоокеанского железнодорожного линейного инженера из Калгари. Имя Брукса было выбрано в ходе конкурса в 1904 году²⁴. Город

²² Archives. CBC/Radio Canada. Режим доступа: <https://www.cbc.ca/archives> (дата обращения: 17.04.2026).

²³ Lethbridge. Historical Walking Tour. Alberta: Alberta Community Development. 2000. Режим доступа: https://open.alberta.ca/dataset/a29f4df5-f186-4a70-83a6-45500cdcd94b/resource/361d3ba5-c859-4bdb-ab69-2f8dc455228e/download/tour-lethbridge.pdf?__cf_chl_rt_tk=rzAFGszYtIXU3JxjkXcTD9A5ZXMJ_ME.JM49mVGAFy0-1770639403-1.0.1.1-OBYbjx94BhGK4BpIZdV.KjkLjjmGM-GY7B04FSDip8g4 (дата обращения: 17.04.2026).

²⁴ Types of Municipalities in Alberta. Alberta Municipal Affairs. Режим доступа: http://www.municipalaffairs.gov.ab.ca/ms_TypesMunicipalitiesAlberta.htm (дата обращения: 17.04.2026).

Лакомб (Lacombe) назван в честь Альбера Лакомба, франко-канадского римско-католического облага миссионера, который жил среди коренных народов кри и черноногих на западе Канады и проповедовал им²⁵. Город Сент-Альберт (Saint-Albert) назван епископом Александром-Антонином Таше в честь отца Альбера Лакомба и его святого покровителя Альбера Лувенского²⁶. Ллойдминстер (Lloydminster) назван в честь Джорджа Ллойда, который в то время был епископом Саскачеванской епархии²⁷.

Ряд ойконимов представляет собой сочетание антропонима с географическим термином. Так, город Кеймбридж-Бей (Cambridge Bay) назван в честь принца Адольфа, герцога Кембриджского с географическим термином *bay*, означающим ‘залив, бухта’. Название деревни на языке инуиннактун *Ikaluktuutiak* ‘хорошее место для рыбалки’²⁸. Форт-Смит (Fort Smith) – история поселения началась в 1874 году, когда знаменитая Компания Гудзонова залива основала здесь торговый пост для развития пушного промысла. Свое название форпост получил в честь Дональда Смита, влиятельного политического деятеля и одного из управляющих компании. Расположенный на берегах реки Слэйв Ривер (Slave River) ‘Река рабов’, этот пункт быстро стал важной отметкой на карте освоения севера Канады. Название на языке индейцев чипевайан *Thebacha* – ‘у порогов’²⁹. Деревня Бейкер Лейк (Baker Lake) находится на берегу озера и названа в честь губернатора компании Гудзонова залива Уильяма Бэйкера. Эскимосское название деревни *Qamani'tuaq* ‘там, где расширяется река’³⁰. Кейп-Дорсет (Cape Dorset) назван в честь британского спонсора XVII в. Эдварда Саквилла, 4-го графа Дорсета. Эскимосское название *Kinngait* ‘горы’³¹. Понд-Инлет (Pond Inlet) – название было

²⁵ Archives. CBC/Radio Canada. Режим доступа: <https://www.cbc.ca/archives> (дата обращения: 17.04.2026).

²⁶ St Albert. The Canadian Encyclopedia. Режим доступа: <https://thecanadianencyclopedia.ca/en/article/st-albert> (дата обращения: 19.04.2026).

²⁷ History and Heritage. City of Lloydminster. Режим доступа: <https://www.lloydminster.ca/recreation-culture-community/history-and-heritage/> (дата обращения: 19.04.2026).

²⁸ Nunavut's Travel Industry Association. Режим доступа: <https://travelnunavut.ca/community/cambridge-bay> (дата обращения: 19.04.2026).

²⁹ Town of Fort Smith. Режим доступа: <http://fortsmith.ca/> (дата обращения: 19.04.2026).

³⁰ About Baker Lake. Municipality of Baker Lake. Режим доступа: <https://www.bakerlake.ca/about> (дата обращения: 19.04.2026).

³¹ A history of WBEC. Dorset Fine Arts. Режим доступа: <https://www.dorsetfinearts.com/history-of-wbec#:~:text=Cape%20Dorset%20was%20named%20after,itsel%20is%20black%20and%20silver> (дата обращения: 19.04.2026).

дано исследователем Джоном Россом в 1818 году в честь английского астронома Джона Понда. Эскимосское название деревни – *Mittimatalik* ‘место, где похоронен Митима’³². Второй компонент является географическим термином *inlet* ‘узкий залив, небольшая бухта’.

Хозяйственная деятельность

Основная хозяйственная деятельность человека на прибрежных территориях – рыболовство, отражена в названии морского выхода Якутии к морю Лаптевых, поселка Тикси, районного центра Булунского улуса. *Тиксии* в якутском имеет значение ‘причал’ [39, с. 335] или в диалектной лексике булунского говора – «прибытие косяка к берегу» (картотека Багдарына Сюлбэ) [31]. Многие ойконимы отмечают места, полезные для хозяйственных нужд или наличие полезных ископаемых. Например, ойконим Чокурдах, поселок городского типа, административный центр Аллаиховского улуса. *Чокуурдаах* значит ‘с кремнем/ где есть камень’ от якутского *чокуур* ‘камень’ [39]. Камень – один из самых ценных для человечества материалов, используемых человеком с древних времен для изготовления орудий труда и охоты, для высекания огня. Слово, по мнению Багдарына Сюлбэ, монгольского происхождения, в современном монгольском камень звучит как *цахиур*³³. Ойконим Саскылах (якут. *Сааскылаах*), центр Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса (района). Ойконим происходит от *сааскы* ‘весенний, вешний’ [39]. В поисках мотивации находим у Багдарына Сюлбэ находим: «по мнению местных весна раньше приходит, чем на остальной территории» [28, с. 74]. Для традиционной экономики населения, долган, эвенков, северных якутов основанной на охоте, оленеводстве, рыболовстве, приход весны – долгожданное время, когда суровый климат дает небольшую передышку.

В Канаде город Йеллоунайф (Yellowknife, от англ. *yellow* ‘золотой’ и *knife* ‘нож’) и окружающие его водоемы, в том числе одноименная река, на которой стоит город, получили свое название в честь названия местного племени дене, которое переселенцы из Европы называли «медные индейцы» или «индейцы Йеллоунайфа», ныне зарегистрированного как Первая нация Йеллоунайфс-Дене. Они торговали инструментами, изготовленными из меди, залежи которой находились недалеко от арктического побережья³⁴. Древние названия были описательными, люди

³² History. The Hamlet of Pond Inlet. Режим доступа: <https://pondinlet.ca/visitors/history/> (дата обращения: 20.04.2026).

³³ Glosbe. Словарь русский – монгольский. Режим доступа: <https://ru.glosbe.com/ru/mn> (дата обращения: 29.06.2026).

³⁴ Visitor's Guide, Yellowknife, 2005. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20070928044426/http://www.nnsi.com/Ykguide/ykvisA_05.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

ориентировались исключительно по ландшафту, называли места по их самым ярким, очевидным признакам: цвету, форме, размеру, характеру. Со временем эти названия, типа *густая чаща, илистая река, горелый лес, мелкий брод* превратились в топонимы, которые несли жизненно важную функцию – информировали, предупреждали, работали как инструкция, отражали хозяйственную пользу географических объектов. Первые топонимы несли в себе своеобразный топографический код, зашифрованный в их семантике. Многие из них на языках, которые давно исчезли, смысл их утрачен. Новые народы, пришедшие в эти места, часто калькировали старые названия на своем языке, поэтому некоторые из топонимов сохранили таким образом свою семантическую прозрачность. На огромных территориях Якутии и Канады, отличающихся огромной площадью и низкой плотностью населения для дифференциации географических объектов топонимическая маркировка служила для освоения человеком пространства. Обе территории имеют развитую гидрографию, сотни тысяч озер и рек, имеющих названия, отражающие характер течения или дна, температуру воды или особенности растительного покрова на берегах, затем послужили основой для создания ойконимов. Человек всегда выбирает для жилья место у водных артерий, источников пресной воды. Иррадиация названий, трансонимизация наблюдается в ойконимии изучаемых территорий очевидно, многие названия являются оторонимическими и отгидронимными.

К специфическим чертам ойконимов рассматриваемых территорий может быть отнесено то, что в Якутии подавляющее большинство ойконимов очень древние, здесь наблюдается более бережное отношение к древней топонимии на языках автохтонов республики. Об этом свидетельствует то, что часть ойконимов остается спорной или неясной этимологии. Еще одной специфической чертой якутской ойконимии является советский административный пласт, когда в СССР в соответствии с идеологическими канонами, исконные названия заменялись новыми, созвучными эпохе. Так, Нюрбинский улус назывался Ленинским районом с 1963 по 1992 гг.³⁵, Хангаласский улус назывался Орджоникидзевским с 1937–1992 гг.³⁶. Якутский термин *улус* (от прототюркской осно-

³⁵ 200 лет со дня образования Нюрбинского улуса (района). МКУ «Нюрбинская МЦБС». Режим доступа: <https://lib.nrbr.ru/200-let-so-dnya-obrazovaniya-nyurbinskogo-ulusa-raiona> (дата обращения: 20.04.2026).

³⁶ День образования Хангаласского улуса! Сетевое издание издательского дома «Ил Тумэн» «Саха Парламент». Режим доступа: <https://www.sakharparliament.ru/obshchestvo/den-za-dnem/14760-den-obrazovaniya-khangalasskogo-ulusa> (дата обращения: 20.04.2026).

вы *ulus* ‘волость’ [52, с. 592]) для обозначения районов республики был официально возвращен в обиход в 1993 году. Название города Мирный, столицы алмазной промышленности Якутии, отражает бурный рост добывающей промышленности в советский период. Еще один ойконим, относящийся к советскому периоду – поселок Депутатский, центр Усть-Янского улуса появился в 1947 году. Ранее поселок назывался *Ойун Унуохтаах* ‘с могилой шамана’. Потом заменили на более благозвучное после выборов депутата М.В. Лебедевой или депутата, главного геолога А.В. Андрианова [29, с. 91].

В настоящее время специфичной чертой ойконимии Канады является восстановление оригинальных коренных названий. Ойконимы становятся инструментом культурного возрождения, делокolonизации и утверждения территориальных прав.

С практической точки зрения носители языка подвергали детализации наиболее значимые для жизнедеятельности объекты. Дисперсный способ расселения жителей, разнообразие климатических условий и профиля социально-экономической деятельности населения вызвали появление терминов, отражающих реалии изучаемых территорий. Топонимический материал может служить косвенной характеристикой этноса, так как в нем содержатся свидетельства материальной и духовной культуры народов в том самом виде как об этом говорят, мыслят и рассказывают сами носители языка или диалекта, представители этноса. Изучение этого опыта на топонимическом материале представляет собой особую ценность для ономастической науки.

Литература

1. Доржиева Г.С. *Аборигенные топонимы Квебека*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета. 2010.
2. Подольская Н.В. *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука. 1988.
3. Заверткина Е.В. Ойконимия и её ингерентные особенности. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2012;(1):179–183.
4. Буркова Т.А. Идеологические ойкодублеты в истории этносоциума. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2023;23(6):45–54. DOI: <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V303>
5. Дамбуев И.А. Нормализация грамматических вариантов топонимов: варьирование родовых окончаний. *Russian Linguistic Bulletin*. 2025;10(70):1–5. DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.70.9>

6. Акшолова А.Ж. О грамматической адаптации казахских топонимов. *Вестник КазНУ. Серия филологическая*. 2012;2(136):165–168.
7. Ганова С.В. Концептуализация ойконимов. *Мир науки, культуры, образования*. 2012;(1):362–365.
8. Хадиева Г.К., Галиуллина Г.Р. Структурно-словообразовательная характеристика тюрко-татарских ойконимов Республики Татарстан. *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. 2013;155(5): 179–185.
9. Доржиева Г.С., Щербакова А.А. *Ономастиология vs ономастика: проблемы номинации: учебное пособие*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета. 2019.
10. Загрязкина Т.Ю. Топонимическая полионимия сквозь призму проблем идентичности: Нехаgone в системе названий Франции. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024;(3):9–26.
11. Суперанская А.В. *Теория и методика ономастических исследований*. Москва: Наука. 1986.
12. Мурзаев Э.М. *Очерки топонимики*. Москва: Мысль. 1974.
13. Молодцова В.Е. К вопросу о классификации башкирских ойконимов. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика*. 2014;(1):143–147.
14. Мерзлякова А.В. Семантические особенности французских мотивированных топонимов: на примере ойконимов. *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского*. 2011;(6–2):426–429.
15. Печетова Н.Ю., Никаева Т.М. Структурно-словообразовательные модели русскоязычных ойконимов Республики Саха (Якутия). *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2023;2(43):78–88. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVG.V.2023.43.2.006>
16. Самсонова Л.Н. Русские и гибридные ойконимы Якутии. *Вестник Северо-Восточного федерального университета*. 2023;3(21):100–109.
17. Сычалина Е.В. Семантическая адаптация немецкого топонимического субстрата в современной ойконимии Поволжья. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021;(8):2591–2595.
18. Доржиева Г.С. Проблемы топонимической синонимии в Квебеке. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014;(10–2):60–63.
19. Бухарова Г.Х. Отражение материальной культуры башкир в топонимии. *Вестник Башкирского университета*. 2017;(4):1088–1094.
20. Афанасьева А.А. Эволюция ойконимической системы Сямозерья. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2020;(7):64–71.

21. Линько А.В. Античные топонимы киликийской равнины греко-латинского происхождения. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология*. 2024;(80):76–86.
22. Щербак А.С., Бурыкин А.А. Из опыта изучения ареальных характеристик ойконимов с диалектными основами в сравнении с ареалами соответствующих диалектных лексических единиц. *Вестник Тамбовского государственного университета*. 2013;9(125):235–242.
23. Бурыкин А.А. К проблеме региональных словообразовательных моделей в ойконимии: об ареале с конверсионным образованием ойконимов от названий храмов. *Филологическая регионалистика*. 2009;(1–2):69–73.
24. Тимерханова Н.Н., Кашин А.А., Кудрявцев А.Ф. Ойконимы как отражение месторазвития удмуртского этноса. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2020;(1):45–54.
25. Рыженко А.Ю. Семное варьирование ойконимов в современной региональной печати. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2010;2(1–11):60–65.
26. Петешова О.В. Роль согласованных переименований при формировании ойконимии Калининградской области. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*. 2023;(2):36–42.
27. Цветкова Е.В. Мотивированность – немотивированность в топонимии: на материале костромской топонимии. *Вестник Костромского государственного университета*. 2010;(2):202–206.
28. Сюлбэ Багдарыын. *Топонимика Якутии: краткий научно-популярный очерк*. Якутск: Бичик. 2004.
29. Никаева Т.М., Старостина А.С., Тарабукина М.В. *Словарь топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты*. Новосибирск: Архимед. 2022.
30. Самсонов Н.Г. *Наши имена*. Якутск: Книжное издательство. 1989.
31. Багдарыын Н. Сюлбэ Уола. Рыболовная лексика в топонимии северо-запада Республики Саха. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018;10–1(88):45–52.
32. Багдарыын Н. Сюлбэ Уола. Из топонимики северо-запада Республики Саха. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015;(7–8):95–100.
33. Курилов Ю.Г. *Юкагирские топонимы Северо-Востока Азии*. Якутск: ИГиПМНС СО РАН. 2013.
34. Кейметинов В.А. *Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии*: в 2 ч. Якутск: ЯГУ. 1996.
35. Василевич Г.М. *Русско-эвенкийский словарь*: в 2 ч. Санкт-Петербург: Просвещение. 2005.

36. Доржиева Г.С. *Топонимия Квебека как отражение франкоязычной культуры региона: этнолингвистический аспект*: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва. 2011.
37. Доржиева Г.С. *Топонимия Квебека как отражение франкоязычной культуры региона: этнолингвистический аспект*: Дис. ... докт. филол. наук. Москва. 2012.
38. *Лингвистический энциклопедический словарь* / ред. В.Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия. 1990.
39. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т.* / ред. П.А. Слепцов. Новосибирск: Наука. 2004–2018.
40. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden; Boston: Brill. 2003 (на англ.).
41. *Большой академический монгольско-русский словарь*: в 4 т. / ред. Г.Ц. Пюрбеев. Москва: Academia. 2001–2002.
42. *Этимологический словарь монгольских языков*: в 3 т. / ред. Г.Д. Санжеев. Москва: ИВ РАН. 2018.
43. Кузнецов С.А. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт. 2000.
44. Курилов Г.Н. *Юкагирско-русский словарь*. Новосибирск: Наука. 2001.
45. Данилова Н.И., Попова Н.И. Ландшафтная лексика в якутском языке. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2021;4(37):65–76. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVGV.2021.37.4.007>
46. Болдырев Б.В. *Эвенкийско-русский словарь*: в 2 ч. Новосибирск: Издательство СО РАН, филиал «Гео». 2000.
47. Ушницкий В.В. Тунгусские роды Якутии XVII в.: вопросы происхождения и этнической принадлежности. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2009;(9):124–129.
48. Леонтьев В.В., Новикова К.А. *Топонимический словарь Северо-Востока СССР*. Магадан: Книжное издательство. 1989.
49. Бурыкин А.А. *Иноязычная ономастика русских документов XVII–XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник*: Дис. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург. 2011.
50. Курилов Н.Н. *Юкагирская топонимика Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия)*. Якутск. 1999.
51. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*: в 13 вып. Санкт-Петербург; Петроград; Ленинград: Издательство АН СССР. 1907–1930.
52. Севортян Э.В. *Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные*. Москва: Наука. 1974.

References

1. Dorzhieva GS. *Aboriginal toponyms of Quebec*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House. 2010 (in Russian).
2. Podolskaya NV. *Dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow: Nauka. 1988 (in Russian).
3. Zavertkina EV. Oikonymy and its inherent features. *Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Studies*. 2012;(1):179–183 (in Russian).
4. Burkova TA. Ideological oikodoublets in the history of an ethnosocium. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2023;23(6):45–54. DOI: <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V303> (in Russian).
5. Dambuev IA. Normalization of grammatical variants of toponyms: variation of generic endings. *Russian Linguistic Bulletin*. 2025;10(70):1–5. DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.70.9> (in Russian).
6. Aksholakova AZh. On grammatical adaptation of Kazakh toponyms. *Bulletin KazNU. Philology Series*. 2012;2(136):165–168 (in Russian).
7. Ganova SV. Conceptualization of oikonyms. *The World of Science, Culture and Education*. 2012;(1):362–365 (in Russian).
8. Khadieva GK, Galiullina GR. Structural and word-formation characteristics of Turkic-Tatar oikonyms of the Republic of Tatarstan. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2013;155(5):179–185 (in Russian).
9. Dorzhieva GS, Shcherbakova AA. *Onomasiology vs onomastics: problems of nomination: textbook*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House. 2019 (in Russian).
10. Zagryazkina TYu. Toponymic polyonymy through the prism of identity problems: Hexagone in the system of names of France. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2024;(3):9–26 (in Russian).
11. Superanskaya AV. *Theory and methodology of onomastic studies*. Moscow: Nauka. 1986 (in Russian).
12. Murzaev EM. *Essays on toponymy*. Moscow: Mysl. 1974 (in Russian).
13. Molodtsova VE. On the classification of Bashkir oikonyms. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*. 2014;(1):143–147 (in Russian).
14. Merzlyakova AV. Semantic features of French motivated toponyms: based on oikonyms. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2011;(6–2):426–429 (in Russian).
15. Pechetova NYu, Nikaeva TM. Structural and word-formation models of Russian-language oikonyms of the Republic of Sakha (Yakutia). *North-Eastern Journal of Humanities*. 2023;2(43):78–88. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVGV.2023.43.2.006> (in Russian).

16. Samsonova LN. Russian and hybrid oikonyms of Yakutia. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2023;3(21):100–109 (in Russian).
17. Sychalina EV. Semantic adaptation of the German toponymic substrate in modern oikonymy of the Volga region. *Philology. Theory & Practice*. 2021;(8):2591–2595 (in Russian).
18. Dorzhieva GS. Problems of toponymic synonymy in Quebec. *Bulletin of Buryat State University*. 2014;10–2:60–63 (in Russian).
19. Bukharova GK. Reflection of Bashkir material culture in toponymy. *Bulletin of Bashkir University*. 2017;(4):1088–1094 (in Russian).
20. Afanasyeva AA. Evolution of the oikonymic system of Syamozerye. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;(7):64–71 (in Russian).
21. Linko AV. Ancient toponyms of the Cilician plain of Greek-Latin origin. *St. Tikhon's University Review. Series 3: Philology*. 2024;(80):76–86 (in Russian).
22. Shcherbak AS, Burykin AA. From the experience of studying areal characteristics of oikonyms with dialect bases in comparison with the areas of corresponding dialect lexical units. *Tambov University Review*. 2013;9(125):235–242 (in Russian).
23. Burykin AA. On the problem of regional word-formation models in oikonymy: the area with conversional formation of oikonyms from church names. *Philological Regional Studies*. 2009;(1–2):69–73 (in Russian).
24. Timerkhanova NN, Kashin AA, Kudryavtsev AF. Oikonyms as a reflection of the place-development of the Udmurt ethnos. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2020;(1):45–54 (in Russian).
25. Ryzhenko AY. Semic variation of oikonyms in modern regional press. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2010;1–11:60–65 (in Russian).
26. Peteshova OV. The role of coordinated renamings in the formation of oikonymy of Kaliningrad Oblast. *IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*. 2023;(2):36–42 (in Russian).
27. Tsvetkova EV. Motivation and non-motivation in toponymy: based on Kostroma toponymy. *Vestnik of Kostroma State University*. 2010;(2):202–206 (in Russian).
28. Syulbe Bagdaryyn. *Toponymy of Yakutia: a brief popular science essay*. Yakutsk: Bichik. 2004 (in Russian).
29. Nikaeva TM, Starostina AS, Tarabukina MV. *Dictionary of toponyms of the Republic of Sakha (Yakutia): settlements*. Novosibirsk: Archimedes. 2022 (in Russian).
30. Samsonov NG. *Our names*. Yakutsk: Book Publishing House. 1989 (in Russian).

31. Bagdaryyn N. Syulbe Uola. Fishing vocabulary in the toponymy of the north-west of the Republic of Sakha. *Philology. Theory & Practice*. 2018;10–1(88):45–52 (in Russian).
32. Bagdaryyn N. Syulbe Uola. From the toponymy of the north-west of the Republic of Sakha. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015;(7–8):95–100 (in Russian).
33. Kurilov YuG. *Yukaghir toponyms of North-East Asia*. Yakutsk: IHRISN SB RAS. 2013 (in Russian).
34. Keimetinov VA. *Aboriginal (Even) toponymy of Yakutia*: in 2 parts. Yakutsk: Yakut State University. 1996 (in Russian).
35. Vasilevich GM. *Russian-Evenki dictionary*: in 2 parts. Saint Petersburg: Prosveshchenie. 2005 (in Russian and Evenki).
36. Dorzhieva GS. *Toponymy of Quebec as a reflection of the Francophone culture of the region: ethnolinguistic aspect*. Abstract of Doctor's dissertation (Philology). Moscow. 2011 (in Russian).
37. Dorzhieva GS. *Toponymy of Quebec as a reflection of the Francophone culture of the region: ethnolinguistic aspect*. Doctor's dissertation (Philology). Moscow. 2012 (in Russian).
38. *Linguistic encyclopedic dictionary* / ed. VN. Yartseva. Moscow: Soviet Encyclopedia. 1990 (in Russian).
39. *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta*: in 15 vol. / ed. PA. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka. 2004–2018 (in Yakut and Russian).
40. Starostin SA, Dybo AV, Mudrak OA. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden; Boston: Brill. 2003.
41. *Great Academic Mongolian-Russian Dictionary*: in 4 vol. / ed. GTs. Pyurbuev. Moscow: Academia. 2001–2002 (in Mongolian and Russian).
42. *Etymological dictionary of Mongolic languages*: in 3 vol. / ed. GD. Sanzheev. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS. 2018 (in Russian).
43. Kuznetsov SA. *Large explanatory dictionary of the Russian language*. Saint Petersburg: Norint. 2000 (in Russian).
44. Kurilov GN. *Yukaghir-Russian dictionary*. Novosibirsk: Nauka. 2001 (in Russian).
45. Danilova NI, Popova NI. Landscape vocabulary in the Yakut language. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2021;4(37):65–76. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVGV.2021.37.4.007> (in Russian).
46. Boldyrev BV. *Evenki-Russian dictionary*: in 2 parts. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the RAS, «Geo» branch. 2000 (in Evenki and Russian).

47. Ushnitsky VV. Tungus clans of Yakutia in the 17th century: issues of origin and ethnic affiliation. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2009;(9):124–129 (in Russian).

48. Leontiev VV, Novikova KA. *Toponymic dictionary of the North-East of the USSR*. Magadan: Book Publishing House. 1989 (in Russian).

49. Burykin AA. *Foreign-language onomastics of Russian documents of the 17th–19th centuries relating to the discovery and exploration of Siberia and the Russian Far East as a historical source*. Doctor's dissertation (History). Saint Petersburg. 2011 (in Russian).

50. Kurilov NN. *Yukaghir toponymy of the Nizhnekolymsky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia)*. Yakutsk. 1999 (in Russian).

51. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language: in 13 issues*. Saint Petersburg; Petrograd; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1907–1930 (in Russian).

52. Sevortyan EV. *Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with vowels*. Moscow: Nauka. 1974 (in Russian).

Об авторах

САМСОНОВА Марианна Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5637-4085>, WoS ResearcherID: AAK-5415-2020, Scopus Author ID: 57190953608, Elibrary AuthorID: 429127, SPIN: 2692-2151, e-mail: mv.samsonova@svfu.ru

ДОРЖИЕВА Галина Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, Elibrary AuthorID: 313905, SPIN: 5856-9824, e-mail: galdor@yandex.ru

ГАО Цзяньго – кандидат филологических наук, Пекинская международная корпорация культурного развития, Пекин, КНР, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7112-3660>, e-mail: gao2023@mail.ru

About the authors

Marianna V. SAMSONOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Institute of Modern Languages and International Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5637-4085>, WoS ResearcherID: AAK-5415-2020, Scopus Author ID: 57190953608, Elibrary AuthorID: 429127, SPIN: 2692-2151, e-mail: mv.samsonova@svfu.ru

Galina S. DORZHIEVA – Doct. Sci. (Philology), Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, Elibrary AuthorID: 313905, SPIN: 5856-9824, e-mail: galdor@yandex.ru

Jianguo GAO – Cand. Sci. (Philology), Beijing Yikas International Sports and Cultural Development Co., Ltd., Beijing, China, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7112-3660>, e-mail: gao2023@mail.ru

Вклад авторов

Самсонова М.В. – разработка концепции, методология, создание черновика рукописи, редактирование рукописи

Доржиева Г.С. – разработка концепции, методология, руководство исследованием, редактирование рукописи

Гао Ц. – проведение исследования, проведение статистического анализа, создание черновика рукописи

Authors' contribution

Marianna V. SAMSONOVA – conceptualization, methodology, writing – original draft, writing – review & editing

Galina S. DORZHIEVA – conceptualization, methodology, supervision, writing – review & editing

Jianguo GAO – investigation, formal analysis, writing – original draft

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 26.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 22.05.2026

Принята к публикации / Accepted 29.05.2026

УДК 81:24(=1.571.56-81)+(=1.798-81)

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-118-142>

Оригинальная научная статья

Климатические вызовы в Арктике: системный анализ проблем, адаптационных стратегий и лингвокультурных трансформаций в локальных сообществах Якутии и Аляски

В. В. Филиппова¹ , Л. И. Винокурова¹ , В. Соловьева²

¹Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия

²Университет Джорджа Мейсона, Фэрфакс, США

 filippovav@mail.ru

Аннотация

Изменение климата в Арктике происходит в два-три раза быстрее глобального среднего значения, что создает беспрецедентные вызовы для локальных сообществ, особенно на территориях сплошного распространения многолетне-мерзлых пород. Цель исследования – системный анализ пяти ключевых климатических проблем (изменение водного режима рек и озер, деградация вечной мерзлоты, нестабильность погоды, сдвиг ареалов видов и смещение сезонов года), вызванных ими адаптационных стратегий населения, а также выявление скрытых лингвокультурных последствий климатических изменений на примере Республики Саха (Якутия) и Аляски. Методология базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем лингвоэкологию, антропологию холода и анализ лингвистического ландшафта. Эмпирическую базу составили полевые материалы авторов 2009–2025 гг. (интервью, социологические опросы, данные муниципальных архивов), обработанные методами контент-анализа с тематическим кодированием. Результаты показывают, что сообщества используют как традиционные (ворошение сена на жердях, отвод воды из термокарстовых озер), так и вырабатывают современные способы адаптации (регулируемые стальные сваи на Аляске, перенос сел на незатопляемые участки в Якутии). Впервые на материалах двух арктических регионов фиксируется, как климатическая нестабильность ведет к сжатию лингвокультурного ландшафта: утрате точной природосвязанной лексики (терминов льда, стадий развития аласов), деактуализации календарных примет и паремий, разрыву связи между словами

хозяйственного цикла и реальными сезонными явлениями. Заключение содержит рекомендацию включить мониторинг лингвокультурных изменений в стратегии устойчивого развития Арктики и инициировать неотложные шаги по документированию исчезающего традиционного экологического знания.

Ключевые слова: изменения климата, социальные вызовы, адаптационные стратегии, лингвокультурный ландшафт, традиционное знание, культурная преемственность, многолетняя мерзлота, Республика Саха (Якутия), Аляска, коренные народы Арктики

Финансирование. Исследование Филипповой В.В. в части лингвокультурных трансформаций локальных сообществ выполнено в рамках темы государственного задания ИГиПИМНС СО РАН №075-00619-26-00 на 2026 г., проект НИР №125020701695-4. Исследование Винокуровой Л.И. в части традиционного хозяйства выполнено в рамках темы государственного задания ИГиПИМНС СО РАН №075-00619-26-00 на 2026 г., проект НИР 124031400020-5

Для цитирования: Филиппова В.В., Винокурова Л.И., Соловьева В. Климатические вызовы в Арктике: системный анализ проблем, адаптационных стратегий и лингвокультурных трансформаций в локальных сообществах Якутии и Аляски. *Арктика XXI век*. 2026;14(2):118–142. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-118-142>

Original article

Climate challenges in the Arctic: a systematic analysis of problems, adaptation strategies and linguocultural transformations of local communities in Yakutia and Alaska

Viktoriya V. Filippova¹ , Liliya I. Vinokurova¹ , Vera Solovyeva²

¹Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

²George Mason University, Fairfax, USA

 filippovav@mail.ru

Abstract

The article examines climate-related transformations in Arctic communities living in areas of continuous permafrost. The relevance of the study is determined by the accelerated warming of the Arctic and the need to understand not only environmental and economic, but also linguocultural consequences of climate change. The aim of the research is to analyze five key problems: changes in the water regime of rivers and lakes, permafrost degradation, weather instability, shifts in species ranges, and changes in seasonal timing, as well as local adaptation strategies in the Sakha

Republic (Yakutia) and Alaska. The methodology is based on an interdisciplinary approach combining linguoecology, the anthropology of cold, and linguistic landscape analysis. The empirical material includes the authors' field data collected in 2009–2025: interviews, sociological surveys, and municipal archive records, processed through content analysis and thematic coding. The results show that local communities use both traditional adaptation practices, including hay drying on wooden poles and draining water from thermokarst lakes, and technological solutions, such as adjustable steel piles in Alaska and village relocation to non-floodable areas in Yakutia. It is shown that climate instability causes compression of the linguocultural landscape: the loss of precise nature-related vocabulary, the deactualization of calendar signs and paremias, and the weakening of links between traditional economic terminology and real seasonal phenomena. The conclusion emphasizes the need to include linguocultural monitoring in Arctic sustainable development strategies and to document vanishing traditional ecological knowledge.

Keywords: climate change, social challenges, adaptation strategies, linguocultural landscape, traditional knowledge, cultural continuity, permafrost, Sakha Republic (Yakutia), Alaska, Arctic Indigenous peoples

Funding. The research by V.V. Filippova on linguocultural transformations of local communities was carried out within the framework of the state research assignment of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IGIIPMNS SB RAS) for 2026, State Assignment No. 075-00619-26-00, Research Project No. 125020701695-4. The research by L.I. Vinokurova on traditional subsistence practices was conducted as part of the same state assignment (No. 075-00619-26-00) for 2026, under Research Project No. 124031400020-5

For citation: Filippova V.V., Vinokurova L.I., Solovyova V. Climate challenges in the Arctic: a systematic analysis of problems, adaptation strategies and linguocultural transformations of local communities in Yakutia and Alaska. *Arctic XXI Century*. 2026;14(2):118–142 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-2-118-142>

Введение

Глобальные климатические изменения в Арктической зоне Российской Федерации протекают в 2–3 раза быстрее средних значений: в первую очередь, процессы потепления климата. В этом свете Республика Саха (Якутия), где более 50% территории находится в зоне сплошного распространения многолетнемерзлых пород, является одним из наиболее уязвимых регионов. В циркумполярной зоне аналогичные вызовы переживает Аляска, поскольку примерно 80% ее территории

покрыты мерзлотой [1]. Особенно уязвимы прибрежные районы, где распространен тип мерзлоты с высоким содержанием льда. Исследования показывают, что сокращение площади морского льда, усиление активности волн и более частые штормы стремительно дестабилизируют арктические береговые линии, превращая регион моря Бофорта в одну из наиболее быстро размываемых прибрежных зон в мире [2].

Население Якутии и Аляски в последние десятилетия сталкивается с рядом трудностей, связанных с изменениями климата, которые наиболее чувствительны для сообществ коренных народов, традиционно зависимых от окружающей среды. Состояние природно-климатической среды напрямую влияет на основные занятия коренных народов обоих регионов – скотоводство, коневодство, оленеводство, промысловую охоту и рыболовство.

Влияние климатических изменений на жизнедеятельность населения Арктики и Субарктики в научной литературе рассматривается в разных ракурсах, связанных с деградацией многолетнемерзлых грунтов, изменениями сезонных температурных режимов, участвовавшими наводнениями и лесными пожарами [3; 4; 5]. В историографии последних лет данная проблематика достаточно освещена в рамках междисциплинарных исследований, научных коллабораций и изысканий по направлению антропологии холода [6; 7; 8; 9]. На материалах Якутии подтверждаются деформации традиционного сезонного календаря, деактуализация традиционного знания об окружающей среде, изменения в режиме водных объектов и сдвигов в ареалах флоры и фауны.

Однако в имеющихся трудах комплексный системный анализ, объединяющий пять ключевых климатически обусловленных проблем – изменение водного режима рек и озер, деградацию вечной мерзлоты, нестабильность погоды, сдвиг ареалов видов животного мира и смещение сезонов года, – до сих пор не проводился. Более того, практически не изученным остается вопрос о том, как эти процессы трансформируют лингвокультурный ландшафт Арктики: систему традиционных знаний, природосвязанной лексики, микротопонимии, календарных примет и паремий, закрепленных в языках коренных народов. Утрата или деактуализация этих элементов под влиянием климатических вызовов представляет собой невидимую, но серьезную угрозу необратимых потерь культурного наследия.

Климатические изменения влияют на лингвокультурный ландшафт и лингвистическую экологию комплексно и разнонаправленно, действуя как прямой катализатор языковых сдвигов и как фактор, разрушающий традиционные связи между сообществом, его территорией и

знанием. Как следствие, происходит критический разрыв многовековой связи между языками коренных народов, биоразнообразием и исконными знаниями. Известно, что карты языкового и биологического разнообразия практически совпадают: «горячие точки» биоразнообразия, такие как тропические леса Амазонки, бассейн Конго или Юго-Восточная Азия, одновременно являются регионами с максимальной «языковой плотностью». Изменение климата, уничтожая экосистемы, напрямую подрывает основу существования уникальных языков, создавая эффект «зеркального исчезновения»¹².

Эксперты считают, что климатический кризис является еще одной опасностью для языков коренных народов, а также знаний и традиций, связанных с ними. Так, например, в английском языке категоризация живых существ природы как неодушевленных (*'it'*) отчуждает их от людей, которые, в свою очередь, находятся в центральной точке отсчета западного мировоззрения (антропоцентризм) [10]. Коренные народы, наоборот, неразрывно вплетают в свои культурные практики и родной язык, охотничьи традиции, миграционные маршруты, сезонную деятельность и уважительное отношение к окружающей среде [11]. Местная терминология на языках коренных народов может содержать исторические предания, объяснения эмпирических и духовных связей между человеком и природой, а также правила безопасности. Так, у коренных жителей острова Святого Лаврентия (Аляска) в языке юпик насчитывается около 100 терминов для обозначения морского льда и ледовых образований. Например, поток плотного льда, увлекаемый течением или выталкиваемый отливом, на языке юпик называется *siinguraq* – термин, который также несет в себе значение ‘опасно для хождения’ [12].

Анализ лексики снега и льда в языках коренных народов Якутии демонстрирует высокую степень терминологической детализации, сопоставимую с классификацией льда у юпиков Аляски. В якутском языке зафиксированы развернутые системы обозначений: для снега – по его структуре (*көмүрүө хаар* ‘крупнозернистый весенний снег’), времени выпадения (*сонор хаар* ‘первый снег, пригодный для отслеживания зверя’) и функциональной роли; для льда – по его состоянию, форме и хозяйственному применению (*муус устар* ‘апрель’, буквально ‘лед

¹ Изменения климата и языковое разнообразие. Режим доступа: <https://naked-science.ru/article/sci/izmeneniya-klimata-i-yazykovoe-raznoobrazie> (дата обращения: 07.04.2026 г.).

² Как изменение климата влияет на исчезновение языков коренных народов. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/63e6372a9a79471bac35cb87> (дата обращения: 07.04.2026 г.).

плывет’). Эта терминологическая детализация имеет ярко выраженную утилитарную мотивацию: различные типы снега и льда критически важны для выживания – они определяют успешность охоты (следовой снег), оленеводства (доступ к воде), коневодства (глубина и плотность снежного покрова для тебеневки), строительства (ледяные окна) и хранения продуктов (ледники-булуус). Однако изменение климата создает прямую угрозу «сжатия» этого лексикона. По мере того, как устойчивые сезонные паттерны нарушаются, тонкие различия между типами снега и льда перестают быть релевантными для традиционного хозяйства. Как отмечают сами носители языка, различные терминологические детализации давно вышли из повседневной практики, замена природных ледников современными ларями уже угрожает исчезновению термина *булуус* в повседневной жизни [9, с. 26–54].

В языках коренных народов веками накапливались детальные классификации растений, животных, погодных явлений, приемов охоты, земледелия и медицины. С исчезновением языка безвозвратно исчезает и этот массив уникальных знаний – например, термины для десятков видов снега или льда в арктических языках. Это приводит к «смерти» целых пластов специализированной лексики, резко обедняя лингвокультурный ландшафт планеты. Возникает порочный круг: утрата исконных экологических знаний снижает способность сообществ адаптироваться к меняющейся среде, что вынуждает их к миграции в иноязычное окружение, а их исконные территории часто занимает промышленная деятельность, окончательно вытесняя экосистему. С точки зрения лингвистической экологии, данный процесс представляет собой серьезное загрязнение и обеднение языковой среды, в результате которого ценнейшие «адаптивные механизмы» – специализированная лексика и уникальные грамматические структуры – исчезают безвозвратно, не подлежа восстановлению.

Изменение климата воздействует на лингвокультурный ландшафт и лингвистическую экологию на трех уровнях: *ландшафтном* (пространственном) – изменяя ареалы распространения языков через вынужденную миграцию; *содержательном* (когнитивном) – разрушая многовековые пласты эко-лексики и исконных знаний, неразрывно связанных с биоразнообразием; *структурном* (формальном) – потенциально влияя на фонетику и грамматику языков через долгосрочную адаптацию к определенным акустическим и социальным условиям.

Таким образом, климатический кризис – это не просто экологическая или экономическая проблема. Это мощный фактор, который ускоряет исчезновение языков так же быстро, как и видов, и требует включе-

ния климатической повестки в базовые принципы сохранения языкового разнообразия и разработки государственной языковой политики.

Настоящее исследование выполнено на стыке двух научных традиций. С одной стороны, мы опираемся на понятийный аппарат лингвоэкологии (эколингвистики) как междисциплинарной отрасли языкознания, изучающей существование языка в социально-антропологической среде, факторы языковой и речевой деградации, а также пути реабилитации языковых систем [13; 14; 15]. С другой стороны, мы развиваем методологию многоаспектного анализа лингвистического ландшафта [16], применяя ее для исследования воздействия долгосрочных климатических изменений на визуально-вербальную и устно-речевую представленность языков в социокультурном и природном пространстве.

Предложенная методология впервые систематически соединяет аппарат российской лингвоэкологии и лингволандшафтных исследований с современными междисциплинарными подходами. Она позволяет перевести дискуссию о влиянии изменения климата на языки из плоскости общих деклараций в плоскость воспроизводимого, количественно измеримого и многоаспектного исследования.

Многоаспектный анализ, категориальный аппарат с климатической модификацией, репрезентативная выборка, комбинация полевых и статистических методов и лонгитюдный мониторинг создают основу для получения верифицируемых результатов, которые могут быть использованы как в академических целях, так и для выработки практических рекомендаций по сохранению языкового разнообразия в условиях климатического кризиса.

Цель данной работы – на основе многолетних полевых материалов авторов (2009–2025 гг.) и данных текущих архивов муниципальных образований выявить и систематизировать ключевые климатически обусловленные проблемы, их последствия для жизнедеятельности населения и локальные адаптационные стратегии в сельских арктических регионах (Республика Саха (Якутия) и Аляска), а также впервые охарактеризовать процесс сжатия лингвокультурного ландшафта как скрытое последствие климатических изменений.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- выделить основные климатические проблемы и описать их последствия для хозяйственной деятельности и повседневной жизни локальных сообществ;
- систематизировать локальные адаптационные стратегии (технологические, хозяйственные, инфраструктурные), выработанные населением и органами власти;

– на основе анализа интервью и полевых наблюдений зафиксировать изменения в лингвоэкологической лексике, терминологии и прогностических знаниях, обусловленные климатической нестабильностью.

Материалы и методы

Исследование основывается на обработке материалов, собранных авторами с 2009–2025 гг., и охватывающих территорию Республики Саха (Якутия), включая арктические, западные, центральные и южные районы. Для сравнения приводятся сведения по Аляске, где полевые исследования проведены В. Соловьевой. Материалы представляют собой интервью с местным населением, результаты проведенных социологических опросов, материалы текущих архивов муниципальных образований.

Ретроспективный анализ наводнений, аномальных погодных явлений за 2010–2025 гг. проведен на основе статистических сборников и по данным текущих архивов муниципальных районов. Осуществленный контент-анализ интервью с тематическим кодированием и результаты социологических опросов позволили выделить проблемы, последствия и адаптационные стратегии локальных сообществ в условиях изменения климата.

Помимо тематического кодирования климатических проблем и адаптационных стратегий, в ходе анализа интервью было интересно выявить традиционные знания локальных сообществ, связанные с природно-климатической сферой. Авторами удалось выявить и систематизировать следующие категории: микротопонимы и термины криолитозоны (обозначения бугров пучения – *булгунньах*, термокарстовых озер, аласов, стадий их развития – *дюдөдө, тыымпы, быллар* и др.); календарные приметы и пословицы (поговорки, прогностические признаки погоды и сезонных изменений); лексемы традиционного хозяйственного цикла (названия видов охоты, рыболовства, сроков промысла, привязанные к сезонным явлениям). Этот подход позволил не только описать климатические вызовы, но и зафиксировать процесс изменения лингвокультурного ландшафта как скрытое последствие изменений климата.

Результаты и обсуждение

Полевые исследования в Республике Саха (Якутия) и на Аляске позволили выделить пять основных проблем, связанных с изменением климата. Ниже приводим характеристику каждой проблемы, последствия, связанные с ней, и выработанные адаптационные стратегии локальных сообществ.

1. Изменение водного режима рек и озер. Под влиянием изменения климата в Якутии наблюдается усиление весенних паводков, учащение наводнений и ускорение процессов размыва берегов. Эти гидрологические изменения приводят к затоплению и подтоплению населен-

ных пунктов, более поздним срокам ледостава и раннему вскрытию рек, а также к абразии берегов.

В ответ на данные вызовы в Республике Саха (Якутия) разработан и принят Перечень первоочередных мероприятий по предотвращению негативного влияния современных гидрологических процессов на жизнедеятельность сел, ключевым из которых является перенос населенных пунктов на незатопляемые участки. Кроме того, в первые годы после катастрофических наводнений практиковалась выдача жилищных сертификатов жителям, чьи дома были разрушены и не подлежали ремонту, что способствовало переезду в другое село или район (однако количество выданных сертификатов было ограничено).

В Якутии можно выделить три способа адаптации сельских сообществ к катастрофическим наводнениям.

Первый способ – *полный перенос села*. Единственным завершённым примером является с. Кыллах Олекминского района. Село,

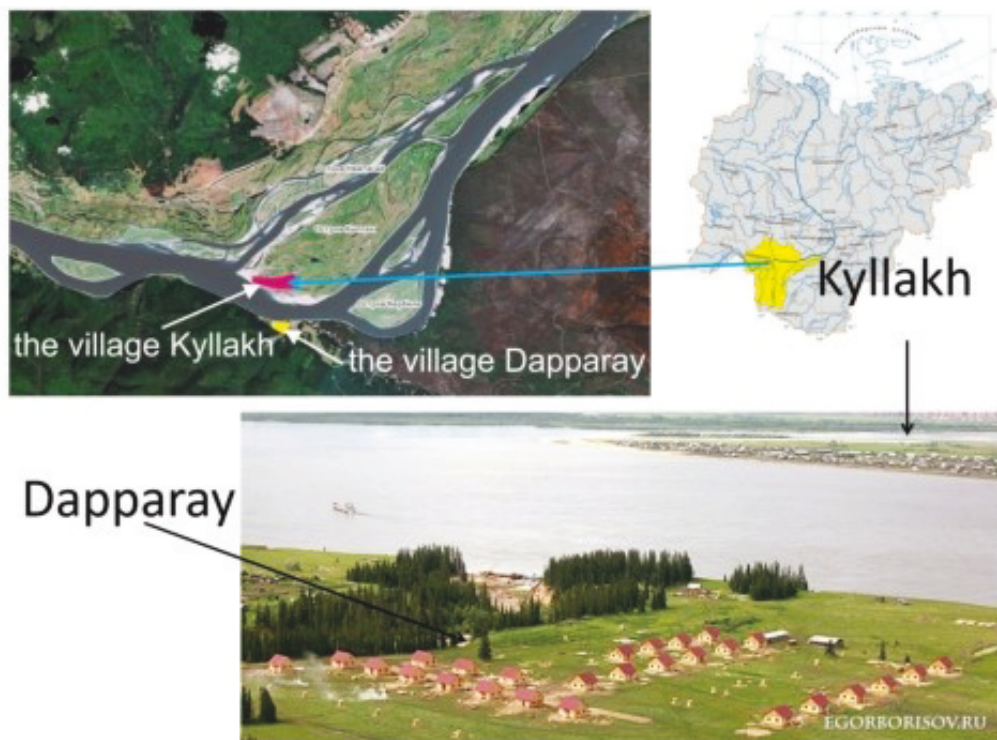

Рис. 1. Перенос с. Кыллах на правый берег р. Лена на местность Даппарай (составлено авторами)

Fig. 1. Relocation of the Kyllakh village to the right bank of the Lena River on the Dapparay area (compiled by the authors)

расположенное на одноименном острове, полностью затоплялось в 1998 и 2001 гг. Постановлением Правительства РС(Я) №333 от 9 июня 2005 г. было принято решение о переносе на незатопляемый участок Даппарай на правом берегу Лены. Разработанная Программа социально-экономического развития до 2012 г. профинансирована в объеме 952,75 млн руб. За счет федерального и республиканского бюджетов построены школа, детский сад, котельная, спортивный комплекс, что стимулировало переезд семей с детьми и работников социальной сферы. Жители оплатили 30% стоимости нового жилья через «молочные кредиты» (ОАО «Алмазы Анабара»), погашая их произведенным молоком в течение пяти лет.

Второй способ – *частичный перенос*. Применен в с. Хатыстыр Алданского района, где новый микрорайон построен на горе в 4 км выше старого поселка. Аналогичная стратегия реализована в с. Березовка Среднеколымского района: после наводнения 2017 г., когда было подтоплено 37 домов (97,9% жителей), правительство выделило средства на строительство нового микрорайона в 5 км выше. В с. Хоточчу Хангаласского улуса перенос задерживается из-за отсутствия финансирования и увязки с проектом мостового перехода через Лену. Во всех случаях первыми переезжают семьи с детьми и работники социальной инфраструктуры; старшее поколение часто остается на старом месте.

Третий способ – *строительство домов на сваях*. Фиксируется в с. Бетенкес Верхоянского района, где вокруг села – горы (Верхоянский

Рис. 2. Строительство домов на сваях в с. Бетенкес Верхоянского района (фото Филипповой В.В., 2013 г.)

Fig. 2. Construction of houses on piles in the Betenkes village, Verkhoyansk district (photo by V.V. Filippova, 2013)

хребет), и нет места для переноса. Инфраструктура защиты от наводнений практически отсутствует (нет метеостанции, дамб, систем раннего предупреждения), поэтому единственным выходом становится возведение жилья на сваях, погруженных на 2,5 м.

Побережье на Аляске, на котором расположено поселение Куинхагак, состоит из крупнольдиистой вечной мерзлоты и отличается высокой уязвимостью к эрозии [17]. В дельте рек Юкон и Кускоквим изменения температурного режима, повышение уровня моря и усиление штормовой активности привели к резкому ускорению эрозии береговой линии, создавая угрозу как для самого поселка Куинхагак, так и для местной экосистемы. Некоторые жилые дома и помосты для сушки рыбы, расположенные сегодня на побережье, заброшены, поскольку эта территория стала небезопасной и непригодной для проживания³.

В случае с поселением Куинхагак люди адаптируются отдельно к таянию вечной мерзлоты и отдельно к эрозии побережья. Как адаптационное решение к проблеме береговой эрозии жители Куинхагака при строительстве новых домов строят их подальше от морского берега. Но это полностью не решает проблемы, поскольку берег разрушается довольно быстро и поэтому со временем, село должно переселиться на другое место. Люди уже знают куда именно, так как старшее поколение подсказало место в нескольких километрах на берегу другой реки – реки Агликик, где почва каменистая с небольшим включением льда. Такой тип мерзлоты устойчив как к потеплению, так и к эрозии. Но перенос целой деревни – очень дорогой и трудоемкий процесс. Так, для переноса деревни Ньюток-Мертарвик потребовалось примерно 60 миллионов долларов⁴.

Поэтому руководство поселения приняло решение о планомерном отступлении на новое место, то есть постепенно удлинять дорогу, ведущую в ту местность, и очередное административное здание будут строить уже там. Этот процесс запланирован на годы и таким образом будет более дешевым по стоимости.

2. Деградация вечной мерзлоты. Более половины территории Якутии находится в зоне сплошной мерзлоты. Ее таяние вызывает

³ Solovyeva V. Community adaptations for building on thawing permafrost in Quinhagak, Alaska. Arctic Studies Center Newsletter. 2025;(32):75. Режим доступа: <https://repository.si.edu/items/0a5da3d1-946c-4f37-89dd-e1d88b45a7d5> (дата обращения: 07.04.2026 г.).

⁴ Rosen Y. Relocation of eroding Alaska Native village seen as a test case. 2024. Режим доступа: <https://alaskapublic.org/news/2024-04-22/relocation-of-eroding-alaska-native-village-seen-as-a-test-case> (дата обращения: 07.04.2026 г.).

комплекс негативных процессов: термокарст, заболачивание, образование провалов и оврагов, гибель леса, сокращение пастбищ. По данным исследователей, термокарст наиболее интенсивно развивается в густонаселенных районах Центральной Якутии (Лено-Амгинское междуречье), где сосредоточено более 50% населения республики. Особенно быстро деградация идет на антропогенно нарушенных землях – заброшенных пашнях и гарях, где скорость просадки мерзлоты в 3–5 раз выше, чем на естественных ландшафтах.

В ответ на эти вызовы население выработало ряд адаптационных практик:

- изменение технологий строительства: дома стали строить на отсыпке (теплоизоляционный слой), на деревянных лежнях, а в единичных случаях – на использованных автомобильных покрышках для создания вентилируемого подполья. Широко применяются легкие каркасные конструкции, уменьшающие давление на грунт, а также термостабилизаторы;

- трансформация сельского хозяйства: из-за обводнения огородов жители сокращают посевные площади и заменяют картофель капустой, которая лучше переносит избыток влаги. Часть урожая капусты обменивается на картофель. В сенокосе используются традиционные приемы, выработанные для дождливого лета (ворошение, копнение на жердях), а также мелиоративные мероприятия – осушение аласных озер для создания сенокосных угодий;

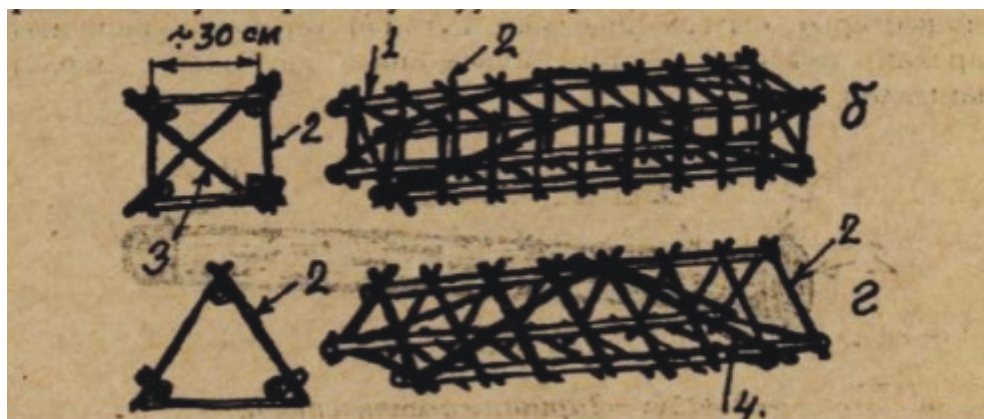
- регулирование поголовья скота: некоторые хозяйства сокращают количество крупного рогатого скота или оленей, заменяя их коневодством (лошади менее требовательны к качеству пастбищ);

- изменение маршрутов выпаса: оленеводы вынуждены прокладывать новые пути в обход термокарстовых озер и заболоченных участков, что увеличивает протяженность переходов на 15–20%.

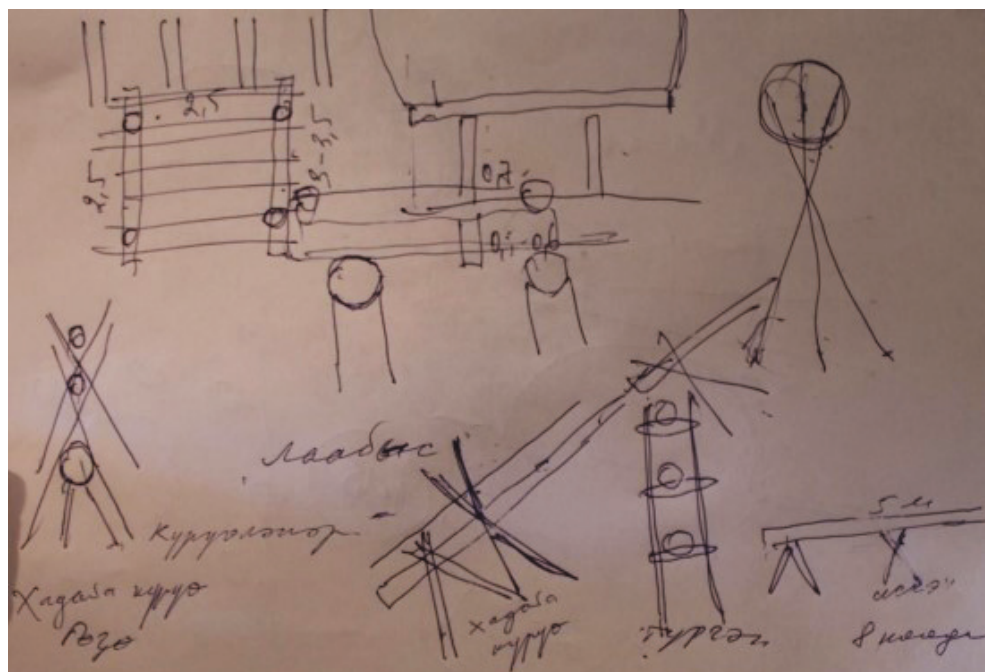
Кроме того, в ходе проведенных интервью местные жители предлагали следующие превентивные меры, которые они применяют для предотвращения таяния вечной мерзлоты. Зимой под домом должна быть вентиляция, поэтому каменные дома строят на сваях, а в сельской местности под фундамент укладывают трубы. Зимой необходимо очищать снег вокруг дома, что позволяет промерзнуть вечной мерзлоте около дома. Чтобы предотвратить образование оврагов, зимой, особенно в декабре–январе, их необходимо засыпать снегом. Это особенно важно для оленьих и конских пастбищ. В некоторых наслегах введен запрет антропогенного воздействия на участках развития термокарста и оврагообразования. В местах, где образуются овраги, необходимо создать

альтернативный путь для водотока. При развитии термокарста следует прорыть канал и отвести по нему воду в другое озеро. Неровные участки необходимо выровнять с помощью привозного грунта. Затем в первую половину зимы следует очищать снег, чтобы грунт хорошо промерз. Чтобы предотвратить разрушение дорог, необходимо прокладывать трубы под землей, чтобы вечная мерзлота не таяла летом. В летний период трубу закрывают с обеих сторон.

В условиях подтопления сенокосных угодий от изменения водного режима рек и озер, а также таяния вечной мерзлоты коренные народы применяют традиционный способ сенокосения в условиях высокого уровня воды (в дождливое лето). На рис. 3а представлены народные приспособления для сушки сена в дождливое лето, используемые в середине XX в. в Вилуйском районе. Сооружение представляет собой конструкции из жердей длиной 3 м, сплетенных в виде треугольников для устойчивости под тяжестью «мокрого» сена. Просторное расстояние между жердями позволяет селу быстрее высохнуть. На рис. 3б интервьюер из с. Бетенкес Верхоянского улуса (мужчина, 58 лет) нарисовал применяемые им приспособления на подтопленных сенокосных угодьях. В его хозяйстве сено высушивают на конструкциях похожих на лабаз (*лабаас*) и на изгородь (*хадайа куруе, искэх*). В Оймяконском районе для переноса сена с подтопленной местности на сухой участок используют прочные объемные материалы как тент и старые баннеры.

а)

б)

Рис. 3. а) Народные приспособления для сушки сена в дождливое лето, начало XX в., Вилюйский район; б) Приспособления для сушки сена на затопленных сенокосных угодьях после наводнения, 2013 г. с. Бетенкес Верхоянского района

Fig. 3. a) Traditional devices for haymaking in a rainy summer, early 20th century, Vilyuy district; b) Devices for hay drying on flooded hay meadows after a flood, 2013, the Betenkes village, Verkhoyansk district

Аналогичные процессы деградации мерзлоты с еще большей интенсивностью фиксируются на Аляске, где береговая эрозия и термокарст приобретают катастрофические масштабы. Однако если в Якутии доминируют «мягкие» и традиционные способы осушения и вентиляции грунтов, то в поселении Куинхагак приоритет отдается высокотехнологичным решениям, таким как регулируемые стальные сваи, требующие постоянного мониторинга и корректировки – что само по себе становится маркером ускорения деградационных процессов.

В настоящее время жители Куинхагак (Аляска) сталкиваются с серьезными трудностями, вызванными таянием вечной мерзлоты. Местами вечная мерзлота растаяла полностью, превратившись в воду под толстым слоем тундровой растительности, которая под ногами колыхается,

словно болото. В другом месте – непосредственно рядом с поселком – летом образуется озеро, которое к осени пересыхает.

В качестве меры адаптации к таянию вечной мерзлоты новые дома в Куинхагаке возводятся на регулируемых фундаментах, разработанных Национальной лабораторией возобновляемых источников энергии специально для регионов, сталкивающихся с проблемой оттаивания вечной мерзлоты. Основная идея этой конструкции заключается в том, чтобы сохранить вечную мерзлоту в мерзлом состоянии, приподняв здание над землей с помощью стальных свай (рис. 4). Сваи заглубляются глубоко в грунт и оснащаются регулируемыми винтовыми домкратами на вершине каждой сваи, что позволяет вручную выравнивать здание при изменении состояния грунта и рельефа местности (оседании или пучении).

Рис. 4. Стальные сваи под домами в Куинхагаке

Fig. 4. Steel piles under houses in Kuinagak

Местные жители отмечают, что в предыдущие годы выравнивание домов проводили лишь раз в год. Теперь же корректировку приходится проводить дважды – весной и перед наступлением зимы. Это свидетельствует о том, что деградация вечной мерзлоты усилилась.

3. Непредсказуемость/нестабильность погоды и учащение опасных метеорологических явлений. Климатическая нестабильность проявляется в выпадении дождей в ноябре-декабре, обильных снегопадах, резком повышении температуры и оттайке снежного покрова. Последствиями являются резкие перепады температуры и атмосферного давления, образование ледяной корки, изменение продолжительности явлений, негативно влияющих на население и его традиционную хозяйственную деятельность.

«Раньше наши старики говорили: “Кыһын хаар халын буоллабына, сылгыга үчүгэй кыһын буолар” (‘Если зимой снег толстый, то зима хорошая для лошадей’). Но сейчас мы и не рады такому обилию выпадающего снега, да еще с дождем в октябре-ноябре. А ведь глубокий и плотный снежный покров затрудняет доступ лошадей к подножному корму, застреванию лошадей в сугробах и оврагах и все это приводит к ослаблению животных» (интервью, мужчина, 65 лет, Среднеколымский район, 2016 г.).

Адаптационные возможности в данной группе проблем практически отсутствуют. Как указывало местное население при интервью, эффективные способы адаптации пока не разработаны. Единственной мерой можно считать соответствующий уход за лошадьми и оленями (своевременная подкормка, разбивание наста).

В Якутии эффективность локального прогнозирования снижена из-за утраты традиционных календарных примет, коренное население вынуждено комбинировать как официальную информацию, так и сохранившиеся традиционные способы определения погоды. В случае чрезвычайной ситуации муниципальные власти используют все доступные виды оповещения. На Аляске важнейшую роль в адаптации к погодной нестабильности играет техническая инфраструктура коммуникации. Радиосвязь, объединяющая все поселение в единую сеть, выполняет не только утилитарную функцию штормового оповещения, но и поддерживает социальную когезию – ключевой ресурс выживания в условиях климатической неопределенности. Так, известия о резких изменениях в погоде и штормовых предупреждениях, да и вообще для быстрой связи используется радио, соединяющее все поселение в единую сеть. Радио стоит включенным и днем, и ночью, в обычные дни жители приветствуют друг друга по связи, делятся новостями, зовут детей домой, администрации объявляют новости.

4. Изменение ареалов обитания животных и миграции дикого оленя из-за потепления. Как говорят жители арктических и северных районов Якутии, из-за потепления климата дикие олени во время

миграций уводят за собой стада домашних оленей и вытаптывают оленьи пастбища. Также расширяются ареалы южных видов: появились птицы (кряква, чирок, дрозд-рябинник), а также животные, нехарактерные для Севера и Арктики (в тундру стал выходить соболь, среди мышевидных грызунов встречается красная полевка). Перемещение животных на север из зоны лесотундры в тундру связано с произрастанием кустарниковых видов растений, что, в свою очередь, приводит к ухудшению качества пастбищ. Кроме того, повышение температуры воды приводит к тому, что промысловые виды рыб, считающиеся холодолюбивыми, «уходят» на глубину, что сокращает уловы.

Среди адаптационных стратегий жители называли обеспечение хорошего ухода за домашними оленями в период миграции диких сородичей; поиск других участков для рыболовства и охоты (однако это затрудняется тем, что все участки уже распределены между землепользователями, и необходимо их арендовать). Также рыбаки приспособили имеющиеся орудия лова, например, соединяют несколько неводов, чтобы их общая длина была достаточной для ловли на глубине.

Те же самые процессы происходят и на Аляске – меняются маршруты диких животных, отодвигаются сезоны охоты на тюленей из-за более медленного замерзания и более быстрого таяния льда. Также наблюдается уменьшение как размеров некоторых видов, так и общего количества лосося из-за потепления воды в океане.

Одной из важных традиционных стратегий адаптации к уменьшению доступа к промысловым животным и рыбе у коренных народов Аляски является взаимопомощь, которая включает в себя:

- совместное использование продуктов питания;
- обмен продуктами питания между семьями: например, обмен ягод на вяленую рыбу или тюлений жир;
- распределение добычи или урожая внутри общины. Например, когда кому-либо удастся добыть крупного лахтака (бородатого тюленя), семья устраивает для всей общины так называемый «тюлений праздник», раздавая мясо и жир соседям и старейшинам.

«Если кто-то добывает крупного лахтака, они устраивают праздник-раздачу: нарезают мясо на куски – даже жир – и объявляют по радио: “Приходите, у меня дома тюлений праздник! Приходите, все, все, милости просим!” И мы идем к ним. Там они раздают жир, сало, затем мясо, а напоследок – всякие лакомства» (женщина, 56+, п. Токсук-Бей, Аляска).

5. Смещение сезонов года: удлинение осени и быстрое наступление весны. В результате климатических изменений осень на

территории Якутии стала продолжительнее, а весна наступает резко и быстро. Это приводит к тому, что становится невозможно предугадать сроки нереста рыбы – она начинает нереститься в разное время. Оленеводы не успевают перекусывать на весенние пастбища, и при переправе через реку возникает опасность провалиться под лед из-за раннего ледохода или позднего ледостава. Единственной адаптационной стратегией в данном случае местное население назвало вынужденное сокращение зимних маршрутов оленеводов.

Данная проблема также связана с безопасностью самих жителей арктических и северных районов при переезде через реки и речки. Местные жители отмечают более поздний ледостав, раннее вскрытие рек. Жители приводили несколько примеров, что стало невозможно угадать, когда «встанут» и/или «вскроются» водные объекты. Участились несчастные случаи провала снегоходов под воду. Из-за смещения сезонов года смещается традиционный хозяйственный цикл.

«Раньше я выходил на соболя к 15 октября, то сейчас в это время даже снега нет. Переправлялся за реку на охотничье угодье. А сейчас жду конец ноября-декабрь, чтобы доехать до участка. К началу декабря у соболя мех приобретает хорошее качество, а сейчас к декабрю только снег нормально падает. Соболи мигрируют, мы не успеваем охотиться на нее, пока ждем установления ледостава. Конечно, все это влияет на объемы добычи» (интервью, мужчина, 64 года, Алданский р-н, 2017 г.).

Помимо пяти вышеописанных проблем, требующих физической адаптации, полевые материалы фиксируют тревожный процесс сжатия и деактуализации лингвокультурного ландшафта – той части языковой картины мира, которая связана с климатическими и сезонными реалиями.

В связи с изменением водного режима утрачиваются точные термины для обозначения степени насыщенности пойменных озер, сроков ледостава и ледохода, которые в языках коренных народов дифференцировались до 15–20 лексем. Жители отмечают: *«Раньше по виду льда и треску мы знали, когда можно переходить реку. Сейчас эти приметы не работают – лед стал непредсказуемым»* (интервью, мужчина, 73 года, Анабарский улус, 2022 г.).

При деградации вечной мерзлоты исчезают или меняют значение микропонимы, связанные с *булгунняхами* (буграми пучения), *аласами* и термокарстовыми озерами. Молодое поколение уже не различает термины *дюдэя* (начальная стадия развития *аласа*), *тыымпы* (первая стадия после *дюдэи*), *быллар* (бугристый микрорельеф), *булгуннях* (бугор пучения с ледяным ядром) и т.п., употребляя их как синонимы, тогда как традиционная культура различала их по генезису и опасности.

При нестабильности погоды утрачиваются календарные приметы и паремии (пословицы, поговорки), которые веками служили прогностическими инструментами, например, следующие якутские приметы: *«Күһүн өрүс туарарыгар кыдьымаҕа улахан буоллабына, саас эстэригэр уута улахан буолар»* (*‘Если осенью перед ледоставом шуга большая, то весной при вскрытии реки воды бывает много’*) и *«Саас эһэ арбабыттан эрдэ табыстабына, дьыл эрдэ кэлэр»* (*‘Если весной медведь выходит рано из берлоги, то весна наступает рано’*) перестала работать, что фиксируется в интервью как потеря «языка погоды» (женщина, 56 лет, с. Хоточчу, Хангаласский улус, 2022 г.).

При смещении сезонов критически нарушается связь между лексикой и календарно-хозяйственным циклом. Глаголы, обозначающие конкретные виды охоты или рыболовства по перволедью, становятся «пустыми» – действие, которое они называли, больше не совпадает с временем года. Как выразился один из информантов: *«Я все еще говорю “пошел на сохатого по первому снегу”, но этого первого снега в ноябре уже нет. Слово осталось, а дела – нет»* (интервью, мужчина, 52 года, Оленекский улус, 2021 г.). Из-за нарушения устойчивых климатических и сезонных паттернов происходит процесс утраты/сокращения функционального объема природосвязанной лексики: налицо постепенное «сжатие» лингвокультурного ландшафта.

Сказанное выше позволяет увидеть в климатических изменениях не локальные затруднения физической адаптации (нарушение сезонности, гибель на переправах, десинхронизацию нереста и кочевок), а системный сбой, поражающий одновременно три сферы: физическую безопасность, хозяйственный цикл и лингвокультурный ландшафт. Перестают работать прогностические приметы и паремии, исчезает предсказуемость льда и погоды, термины теряют референтов – «пустые» глаголы, нивелировка десятков лексем для льда. Переходя от описания к заключению, сформулируем ключевой вопрос: каковы долгосрочные последствия этих сдвигов для сельских сообществ Якутии и не сводится ли адаптационная стратегия к необратимому сжатию самого традиционного образа жизни? Климатические изменения, следовательно, означают не только хозяйственные и материальные потери, но и разрушение системы знаний, веками кодировавшейся в языке. Этот процесс нуждается в отдельном документировании и теоретическом осмыслении – в рамках лингвистической экологии и антропологической лингвистики.

Заключение

Авторами на основе полевых материалов 2009–2025 гг. систематизированы пять ключевых климатических вызовов для локальных

сообществ Якутии и Аляски (изменение водного режима, деградация мерзлоты, нестабильность погоды, сдвиг ареалов видов животного мира, смещение сезонов) и соответствующие адаптационные стратегии. Впервые показано, как климатические изменения ведут к сжатию лингвокультурного ландшафта: утрате точной лингвоэкологической лексики, исчезновению микротопонимов, деградации календарных примет и разрыву связи между словами традиционного хозяйственного цикла и реальными сезонными явлениями.

Сопоставление Якутии и Аляски наглядно демонстрирует дихотомию современной арктической адаптации: с одной стороны, универсальность физических вызовов (таяние мерзлоты, эрозия, нестабильность погоды), с другой – культурно и институционально обусловленное разнообразие ответов на них. От переноса сел на сваях в Верхоянье до планового отступления Куинхагака; от ворошения сена на жердях до регулируемых винтовых домкратов – весь этот спектр стратегий объединяет одно: климатические изменения уже сегодня необратимо трансформируют материальную и лингвокультурную среду обитания коренных народов.

Если в традиционных обществах экологическое знание строилось на высокой повторяемости сезонных циклов, то текущие явления климатической нестабильности разрушают предсказуемость среды и подрывают сам механизм межпоколенческой передачи знаний. В этом свете можно говорить о признаках «эрозии памяти», связанной с климатическими изменениями, что угрожает не только лингвистической, но и в целом культурной экологии коренных народов Якутии. В свете всего изложенного, авторы рекомендуют включить мониторинг лингвокультурных изменений в стратегические программы устойчивого развития Арктики, а также инициировать неотложные шаги по документированию исчезающей лексики и традиционных экологических знаний, расширив сравнительные исследования на территории других арктических регионов.

Литература

1. Schuur E.A.G., McGuire A.D., Schädel C., Grosse G., Harden J.W., Hayes D.J., Hugelius G., Koven C.D., Kuhry P., Lawrence D.M., Natali S.M., Olefeldt D., Romanovsky V.E., Schaefer K., Turetsky M.R., Treat C.C., and Vonk J.E. Climate change and the permafrost carbon feedback. *Nature*. 2015;(52)0:171–179. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature14338> (на англ.).
2. Ward Jones M.K., Jones B.M., Nitze I. et al. Annual and sub-seasonal dynamics of a rapidly eroding permafrost coastline along the Beaufort Sea in northern Alaska. *Nature. Scientific Reports*. 2025;15(19798). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-025-04753-3> (на англ.).

3. Lytkin V., Suleymanov A., Vinokurova L. et al. Influence of permafrost landscapes degradation on livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) Rural Communities. *Land*. 2021;10(2)101:1–21. DOI: <https://doi.org/10.3390/land10020101> (на англ.).
4. Solovyeva V., Vinokurova L., Filippova V. Fire and water: indigenous ecological knowledge and climate challenges in the Republic of Sakha (Yakutia). *Anthropology&Archeology of Eurasia*. 2020;59(3–4):242–266. DOI: <https://doi.org/10.1080/10611959.2020.2139543> (на англ.).
5. Vinokurova L., Solivyeva V., Filippova V. “When ice turns to water”: forest fires and indigenous settlements in the Republic of Sakha (Yakutia). *Sustainability*. 2022;14(8):4759. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14084759> (на англ.).
6. Suleymanov A., Vinokurova L. Dialogues with the Cold: natural low temperatures in the everyday life of rural residents of Yakutia (Sakha Republic) in the Nineteenth and Twentieth centuries. *Anthropology&Archeology of Eurasia*. 2020;59(3–4):267–290 (на англ.).
7. Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX–XX вв. Историко-антропологический очерк. Новосибирск: Наука. 2022.
8. Винокурова Л.И., Григорьев С.А. Антропология холода: восприятие деградации мерзлоты сельскими жителями Республики Саха (Якутия). *Oriental Studies*. 2023;16(5):1265–1277. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-69-5-1265-1277>
9. Сулейманов А.А., Винокурова Л.И., Лыткин В.М. и др. *Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)*. Новосибирск: Наука, 2024.
10. Fine J., Love-Nichols J., Perley B. Climate & Language: An Entangled Crisis. *Daedalus, American Academy for Arts&Sciences*. 2023;152(3):84–98. DOI: https://doi.org/10.1162/daed_a_02019 (на англ.).
11. Nuttall M. Arctic homeland: kinship, community and development in North-West Greenland. Toronto: University of Toronto Press. 1992 (на англ.).
12. Krupnik I., Aporta C., Gearheard S., Laidler G.J., Holm L.K. SIKU: Knowing Our Ice: Documenting Inuit Sea Ice Knowledge and Use. *Springer*. 2010. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-8587-0> (на англ.).
13. Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2011;(1):60–64.
14. Everett C., Blasi D.E., Roberts S.G. Climate, vocal folds, and tonal languages: Connecting the physiological and geographic dots. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015;112(5):1322–1327 (на англ.).

15. Haugen E. *The Ecology of Language*. Stanford: Stanford University Press, 1972 (на англ.).
16. Голикова Т.А. Методология лингволандшафтных исследований в России: аналитико-тематический обзор. *Вестник ТвГУ. Серия «Философия»*. 2020;4(54):149–163.
17. Jones B.M., Irrgang A.M., Farquharson L.M., Lantuit H., Whalen D. et al. Coastal Permafrost Erosion. *NOAA Arctic Report Card: Update for 2020*. 2020;1–10. DOI: <https://doi.org/10.25923/e47w-dw52> (на англ.).

References

1. Schuur EAG, McGuire AD, Schädel C, Grosse G, Harden JW, Hayes DJ, Hugelius G, Koven CD, Kuhry P, Lawrence DM, Natali SM, Olefeldt D, Romanovsky VE, Schaefer K, Turetsky MR, Treat CC, and Vonk JE. Climate change and the permafrost carbon feedback. *Nature*. 2015;(520):171–179. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature14338>
2. Ward Jones MK, Jones BM, Nitze I. et al. Annual and sub-seasonal dynamics of a rapidly eroding permafrost coastline along the Beaufort Sea in northern Alaska. *Nature. Scientific Reports*. 2025;15(19798). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-025-04753-3>
3. Lytkin V, Suleymanov A, Vinokurova L. et al. Influence of permafrost landscapes degradation on livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) Rural Communities. *Land*. 2021;10(2)101:1–21. DOI: <https://doi.org/10.3390/land10020101>
4. Solovyeva V, Vinokurova L, Filippova V. Fire and water: indigenous ecological knowledge and climate challenges in the Republic of Sakha (Yakutia). *Anthropology&Archeology of Eurasia*. 2020;59(3–4):242–266. DOI: <https://doi.org/10.1080/10611959.2020.2139543>
5. Vinokurova L, Solivyeva V, Filippova V. “When ice turns to water”: forest fires and indigenous settlements in the Republic of Sakha (Yakutia)). *Sustainability*. 2022;14(8):4759. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14084759>
6. Suleymanov A, Vinokurova L. Dialogues with the Cold: natural low temperatures in the everyday life of rural residents of Yakutia (Sakha Republic) in the Nineteenth and Twentieth centuries. *Anthropology&Archeology of Eurasia*. 2020;59(3–4):267–290
7. Suleymanov AA. “Cold Resources” in the Life Support System of Rural Communities in Yakutia. Second Half of the 19th–20th Centuries. *A Historical-Anthropological Essay*. Novosibirsk: Nauka, 2022 (in Russian).
8. Vinokurova LI, Grigoriev SA. Anthropology of Cold: perception of permafrost degradation by rural residents of the Republic of Sakha (Yakutia). *Oriental Studies*. 2023;16(5):1265–1277. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-69-5-1265-1277> (in Russian).

9. Suleymanov AA, Vinokurova LI, Lytkin VM. et al. *Anthropology of Cold: Natural Low Temperatures in the Life Support System of Rural Communities in Yakutia (Traditional Practices, Contemporary Challenges, and Adaptation Strategies)*. Novosibirsk: Nauka. 2024 (in Russian).

10. Fine J, Love-Nichols J, Perley B. Climate & Language: An Entangled Crisis. *Daedalus, American Academy for Arts&Sciences*. 2023;152(3):84–98. DOI: https://doi.org/10.1162/daed_a_02019

11. Nuttall M. *Arctic homeland: kinship, community and development in North-West Greenland*. Toronto: University of Toronto Press. 1992.

12. Krupnik I, Aporta C, Gearheard S, Laidler GJ, Holm LK. *SIKU: knowing our ice: Documenting Inuit Sea Ice Knowledge and Use*. Springer. 2010. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-8587-0>

13. Korovushkin VP. Basic Attributes of Linguoecology as an Autonomous Interdisciplinary Branch of Linguistics. *Bulletin of Cherepovets State University*. 2011;(1):60–64 (in Russian).

14. Everett C, Blasi DE, Roberts SG. Climate, vocal folds, and tonal languages: Connecting the physiological and geographic dots. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015;112(5):1322–1327.

15. Haugen E. *The Ecology of Language*. Stanford: Stanford University Press, 1972.

16. Golikova TA. Methodology of Linguistic Landscape Research in Russia: An Analytical-Thematic Review. *Bulletin of TvSU. Series "Philosophy"*. 2020;4(54):149–163 (in Russian).

17. Jones BM, Irrgang AM, Farquharson LM, Lantuit H, Whalen D. et al. Coastal Permafrost Erosion. *NOAA Arctic Report Card: Update for 2020*. 2020;1–10. DOI: <https://doi.org/10.25923/e47w-dw52>

Об авторах

ФИЛИППОВА Виктория Викторовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр арктических исследований, ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3900-918X>, WoS ResearcherID: M-6988-2016, Scopus Author ID: 56954800000, Elibrary AuthorID: 178524, SPIN: 6166-2880, e-mail: filippovav@mail.ru

ВИНОКУРОВА Лилия Иннокентьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр арктических исследований, ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5779-6893>, WoS ResearcherID: M-7026-2016, Scopus Author ID: 56902421300, Elibrary AuthorID: 178100, SPIN: 8484-9532, e-mail: lilivin@mail.ru

СОЛОВЬЕВА Вера – кандидат биологических наук, Ph.D. (экологические исследования и политика), Университет Джорджа Мейсона, Фэрфакс,

США, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7812-8942>, e-mail: vera.solovyeva1@gmail.com

About the authors

Viktoriya V. FILIPPOVA – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3900-918X>, WoS ResearcherID: M-6988-2016, Scopus Author ID: 56954800000, Elibrary AuthorID: 178524, SPIN: 6166-2880, e-mail: filippovav@mail.ru

Liliya I. VINOKUROVA – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS, Yakutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5779-6893>, WoS ResearcherID: M-7026-2016, Scopus Author ID: 56902421300, Elibrary AuthorID: 178100, SPIN: 8484-9532, e-mail: lilivin@mail.ru

Vera SOLOVYEVA – Cand. Sci. (Biology), Ph.D. (Environmental Studies and Policy), George Mason University, Fairfax, USA, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7812-8942>, e-mail: vera.solovyeva1@gmail.com

Вклад авторов

Филиппова В. В. – концептуализация, участие в разработке методологии исследования, проведение полевых исследований, анализ интервью, подготовка рукописи в части лингвокультурных трансформаций локальных сообществ, подготовка черновика рукописи, редактирование текста

Винокурова Л. И. – участие в разработке методологии исследования, проведение полевых исследований, анализ интервью, подготовка черновика рукописи, редактирование текста

Соловьева В. – проведение полевых исследований, анализ интервью, подготовка черновика рукописи, редактирование текста

Authors' contribution

Viktoriya V. Filippova – conceptualization, participation in the development of research methodology, conducting fieldwork, interview analysis, preparation of the manuscript in the part concerning linguocultural transformations of local communities, writing the original draft, reviewing and editing the text

Liliya I. Vinokurova – participation in the development of research methodology, conducting fieldwork, interview analysis, writing the original draft, reviewing and editing the text

Vera Solovyeva – conducting fieldwork, interview analysis, writing the original draft, reviewing and editing the text

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 25.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 01.06.2026

Принята к публикации / Accepted 10.06.2026

**АРКТИКА XXI ВЕК
ARCTIC XXI CENTURY**

**Научный журнал
Том 14 №2 2026**

Главный редактор *Н. В. Малышева*
Заместитель главного редактора *Л. С. Заморщикова*
Ответственный секретарь *А. В. Тимофеева*
Технический редактор *А. П. Васильева*
Компьютерная верстка *Л. М. Винокурова*
Дизайн обложки *С. С. Павлов*
Фото обложки *Н. Н. Слепцова*

При использовании материалов журнала ссылка на источник является обязательной

Печать цифровая. Подписано в печать 27.06.2026
Формат 70х100/16. Печ. л. 11,54. Уч.-изд. л. 11,79. Тираж 25 экз. Заказ № 148
Дата выхода в свет 30.06.2026
Цена свободная

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-88190 от 16 сентября 2024 г.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

**ARKTIKA XXI VEK
ARCTIC XXI CENTURY**

**Academic periodical
Vol. 14 No. 2 2026**

Editor-in-Chief: *Ninel V. Malysheva*
Deputy Editor-in-Chief: *Liudmila S. Zamorshchikova*
Executive editor: *Aitalina V. Timofeeva*
Technical editor: *Alina P. Vasileva*
Computer design: *Lira M. Vinokurova*
Cover design: *Stepan S. Pavlov*
Cover photo: *Nina N. Sleptsova*

Any use of the journal's materials must be accompanied by a mandatory reference to the source

Digital printing. Submitted for printing on June 27, 2026
Format: 70×100/16. Print sheets: 11.54. Authorial quires: 11.79. Circulation: 25 copies. Order No. 148
Publication date: June 30, 2026

Publishing House of NEFU
Address: 58 Belinskogo St., Yakutsk, Russia, 677000

Accreditation certificate ПИ № ФС77-88190 on September, 16, 2024 by the Federal Service for
Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)